

ОЛЬГА
КАРПОВИЧ

Стамбульский
Реванш

ЛЮБОВЬ,
КОТОРАЯ
ЗАСТАВИТ
ПЛАКАТЬ

Annotation

Ослепленная желанием отомстить красавчику Альтану, отвергшему ее, Виктория выходит замуж за его брата. Но внезапно муж погибает, а Виктория попадает за решетку, обвиненная в убийстве, которого не совершала.

Что остается?! Бежать!

Движимая целью вернуть прежнюю жизнь, Виктория решает наказать виновника всех своих бед – Альтана. Но тому ли она мстит?!

- [Ольга Карпович](#)
    - [Часть первая](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)
    - [Часть вторая](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)
      - [7](#)
    - [Эпилог](#)
    - [Об авторе](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Ольга Карпович
Стамбульский реванш

Часть первая

– Как ты себя чувствуешь, подруга? – спросила Виктория по-турецки. – Sen nasılsın, kızım?

Асино лицо на подушке, окаймленное голубой больничной шапочкой, казалось таким маленьким, бледным. Резко проступившие скулы, бескровные губы, испарина на висках, синева вокруг глаз. Зато сами глаза – огромные, черные, искрящиеся жизнью. Наверное, сознавая, какой контраст они дают с ее изможденным видом, девушка слегка прикрывала веки. К тонкой руке ее тянулась трубка укрепленной над койкой капельницы.

– Не знаю... – слабым голосом произнесла она. – Кажется, уже немного получше. Я ведь скоро поправлюсь, правда?

Ася с надеждой взглянула на медсестру в синем форменном костюме. Лицо у той было суровое, грубое, с глубокими складками у сжатых губ.

– Что, теперь жить захотелось? А зачем таблетки глотала, а? Где вы только их берете? Одна колес наелась, другая на той неделе от передозировки героина чуть не окочурилась. Даже в тюрьме умудряются гадость свою покупать.

– Что вы говорите? Какой ужас! – сочувственно цокнула языком Виктория.

Ася же молча смотрела на медсестру несчастными глазами. И этим, кажется, все-таки умудрилась ее растрогать. Медработница выговорила, с трудом цедя непривычные слова:

– Ладно-ладно, поправишься ты. Доктор говорит, еще пару дней подержат тебя на капельницах, поколют успокоительное и отпустят. Ничего, отсидишь за свои махинации и на свободу выйдешь. Жизнь длинная, а ты еще молодая.

– Ах, надеюсь, Аллах вас услышит, – прошелестела Ася и, обессиленная, откинулась на подушку.

В общей палате, рассчитанной на пятнадцать человек, Ася сейчас была одна. Виктория, подсев поближе к подруге, украдкой оглядела помещение. Кровати, кровати, кровати... В левом углу дверь в

душевую, в правом – во внутренние помещения, за спиной – та, в которую они вошли вместе с медсестрой.

– А теперь время делать укол, – проговорила медсестра, набирая в шприц лекарство из ампулы. – Вам пора, – обратилась она к Виктории. – Попрощайтесь с подругой.

Виктория тепло улыбнулась ей.

– Позвольте мне побыть с ней, пока она не уснет. Кто знает, когда мне в следующий раз разрешат ее навестить?

В голубых глазах ее блеснули слезы. Медсестра задумалась. В принципе, разрешив Виктории побыть в палате у пациентки еще немного, никакую инструкцию она не нарушала.

– Хорошо, – наконец согласилась она. – Только не мешайте. Возьмите стул и садитесь вон там, в проходе.

– Конечно, – кротко отозвалась Виктория, отошла в сторону и взялась за спинку стула.

Медсестра тем временем подошла поближе к койке, скомандовала Асе:

– Оголите плечо, пожалуйста.

Занесла шприц. На кончике сверкнула крошечная капля лекарства. Виктория метнулась к ней быстро и бесшумно, как тень. Размахнуться как следует в тесноте, между коек, не получилось, и потому стул, обрушившийся медсестре на голову, не вырубил ее, только оглушил. Она тяжело осела на пол, оторопело вода глазами по сторонам. Ася, сориентировавшаяся мгновенно, выхватила у нее шприц и с размаху засадила иглу медсестре в ногу. Виктория же, отбросив стул в сторону, одним прыжком опустилась на пол рядом с медсестрой и зажала ей рот, не давая заорать.

Та забилась в их руках, замычала, призывая на помощь, попыталась вывернуть руку и добраться до тревожной кнопки в кармане формы. Но девушки навалились на нее всем весом. А затем начало действовать лекарство, и с каждой секундой медсестра все больше слабела.

– Ну что? – коротко спросила Ася, переходя на русский, когда тело медсестры обмякло, а глаза закатились.

– Готова, – кивнула Виктория. – Раздевайся.

Ася, еще пару минут назад едва способная шевелиться от недомогания, лихо закрыла капельницу, выдернула из вены катетер,

зашипела, когда из ранки брызнула кровь, но тут же прижала к ней кусок ватки, заготовленный медсестрой для укола. А затем стянула через голову больничную сорочку.

Вдвоем они принялись натягивать ее на медсестру, с трудом ворочая тяжелое неподатливое тело.

– Вот же туша, – отдуваясь, пробормотала Ася.

Затем сорвала с головы шапочку и надела ее на медсестру.

– Отлично, – оценила результат их работы Виктория. – Теперь в кровать ее, лицом к стене отвернем, одеялом прикроем. На какое-то время прокатит.

– Да она раза в три меня больше, – недоверчиво протянула Ася.

– Ну извини, искать твоего двойника среди медперсонала времени не было, – фыркнула Виктория. – Хватай ее за ноги.

– Погоди, дай отдышусь.

Ася присела на пол, с трудом переводя дыхание. Теперь стало видно, что она и в самом деле измождена. На висках и верхней губе выступила испарина, синяки под глазами стали еще чернее.

– Ты как, нормально? – спросила Виктория, с тревогой взглянув на подругу.

– Ну, насколько может быть нормально после лошадиной дозы колес, – усмехнулась Ася. – Но не переживай, я знала, сколько глотать, чтобы изобразить убедительную попытку суицида, но при этом не откинуться. Хорошо, Фатима не подвела, я ей все сбережения отдала за таблетосы. Все, давай!

Ася поднялась на ноги, наклонилась и ухватила медсестру за щиколотки. Виктория подсунула руки ей подмышки и вздернула тело вверх. Изловчившись, они с Асей свалили спящую глубоким сном медсестру на кровать, перекатали на бок и укрыли одеялом.

– Ффух, – выдохнула Виктория. – Первый пункт есть. Переходим дальше.

– Достала? – спросила Ася, устремляясь к задней стене палаты, где виднелась серая металлическая дверь.

Виктория, кивнув, вынула из-под трикотажной тюремной куртки и вложила ей в руку массивные переставные плоскогубцы.

– Дверь! – на ходу бросила Ася.

Виктория, уже было бросившаяся за ней, вернулась и защелкнула задвижку на двери в палату. Ясно было, что охрану это не остановит,

но, возможно, задержит на некоторое время.

– Как тебе удалось? – спросила Ася, пытаясь захватить плоскогубцами болт, которым крепился замок к двери, ведущей во внутренние помещения медблока.

– Что? Достать плоскогубцы? – Виктория усмехнулась. – Сломала машинку в швейной мастерской, попросила вызвать мастера – мол, спать не могу, как желаю трудиться на благо Турции, а возможности нет. Пока он ее чинил, свистнула у него из инструментов.

– Отлично, – кивнула Ася. – Тогда я здесь, а ты – в душ.

Она махнула рукой влево, на стеклянную дверь, на две трети покрашенную белой краской – так, чтобы охране видны были только головы находящихся там женщин.

Пока Ася взламывала дверь во внутренние помещения, которая должна была сбить с толку и направить по ложному следу погоню, Виктория метнулась в душевую, резко опустилась на пол, на колени, и провела рукой по серым плиткам. Ага, вот оно. Одна из плит – та, в которой находился сток, выступала краями над остальными. Виктория попыталась подцепить ее пальцами, сдвинуть вправо, влево... Никак, нужен был инструмент.

– Ты закончила? – крикнула она Асе.

– Сейчас... Еще минуточку...

Виктория выбежала обратно в палату, отодвинула миниатюрную Асю от двери.

– Дай я. – Она всем телом навалилась на дверь, и наконец в замке что-то щелкнуло, дверь поддалась и с тихим скрипом приоткрылась.

– Видишь? – Виктория коротко нервно улыбнулась. – Для таких дел требуется большая русская женщина.

– Зато маленькая чеченская женщина разработала план побега, – фыркнула Ася.

И подружки снова рванули в душевую. С плоскогубцами процесс пошел быстрее, и вскоре нужная плитка была снята. Под ней открылся канализационный короб, посреди которого шла толстая черная труба. Вокруг вились трубы поуже, поблескивали металлические сочленения, видны были проржавелые вентили. Из короба затхло пахло сыростью и нечистотами.

Обе женщины застыли на четвереньках, разглядывая открывшийся перед ними лаз.

– Ну что, вперед? – азартно спросила Ася, вскинув голову и быстро сверкнув на Викторию глазами.

Та же с секунду медлила с ответом. Ей стало вдруг страшно. До последнего момента весь этот Асин план казался авантюрой, сюжетом для приключенческого романа. Она и сама как-то писала нечто подобное – про героиню, удирающую по коммуникациям из дома, в котором ее заточил взбесившийся любовник. Да, обсуждать детали было интересно, это помогало раскрасить однообразные дни в турецкой тюрьме, давало надежду, шанс не упасть духом окончательно. Но теперь, когда теория закончилась и осталось претворить придуманное в жизнь...

Что с ними будет, если их настигнут? Сразу застрелят? До смерти изобьют прикладами? А если не настигнут, если просто они сами погибнут в этой проклятой канализации? Захлебнутся в нечистотах? Не найдут выхода?

– Ну же, давай! – отчаянно прошептала Ася. – Без тебя мне не спуститься. Роста не хватит...

Но Виктория все медлила, замороженно глядя на уходящий в глубину проход.

В коридоре раздались шаги. Кто-то дернул за ручку запертой двери в палату. Еще раз. Затем раздался приглушенный женский голос:

– Кажется, замок в палате заклинило. Позовите мастера!

Отступать было поздно. И Виктория решилась. Перегнувшись вниз, ухватила рукой за тонкую, покрытую ледяным конденсатом трубу. Хорошо еще, что горячую воду тут, в тюрьме, давали только на два часа в день, иначе бы обожгла ладонь. Вцепившись в трубу изо всех сил, Виктория оттолкнулась ногами от пола и протиснулась вниз. На секунду зависла в пустоте, не чувствуя под ногами опоры. Нужно было прыгать. Прыгать наугад, не зная, какое расстояние отделяет ее от твердой поверхности. Надеюсь только на то, что она не разобьется, не вывихнет ногу.

Над головой, в светлом квадратном проеме, оставшемся от убранный плитки, зависло лицо Аси. Бледное, с сузившимися зрачками и набрякшей от неудобного положения кожей. Она коротко обернулась назад – видимо, в дверь уже колотили изо всех сил, затем снова взглянула на Викторию. И та, решившись, разжала пальцы.

Сердце замерло и сжалось, дыхание перехватило. А в следующую секунду ее подошвы уже коснулись дощатого перекрытия. Высота оказалась небольшой.

– Я стою! – задрав голову, сообщила она Асе. – Давай!

Та, повторяя движения Виктории, уцепилась за трубу одной рукой и проскользнула в отверстие, зависнув над перекрытием. Виктория поспешно шагнула ближе и перехватила ее лодыжки.

– Держу, – сказала она вполголоса. – Становись.

Ася, подтянув левую ногу, поставила ее Виктории на плечо. Затем проделала то же самое правой.

– Ох, – сдавленно охнула та. – Не такая уж ты и миниатюрная горная серна.

– Скажи спасибо, что от меня на тюремном пайке остались кожа да кости, – со смешком отозвалась Ася.

И, все так же держась за трубу левой рукой, правой стала прилаживать на место плитку. Та, проскрипев по полу, неровно прикрыла отверстие, оставив треугольную дыру, в которую пробивался луч света. Ася, изловчившись, сдвинула ее еще чуть-чуть, и в канализационном коробе наступила полная темнота.

Под ногами хлюпало. Голова кружилась от плотного влажного смрада. Полотняные штанины намокли, набухли от воды и липли к ногам. Но главное, пробираться приходилось в кромешной темноте. В протянувшиеся под всей территорией тюрьмы коммуникации не проникало ни лучика света. Они двигались невыносимо медленно. Перед каждым шагом приходилось, выставив руки вперед, ощупывать пространство перед собой.

– Черт, фонарик бы... – прохрипела Ася.

– Ну прости, я могла стащить только что-то одно – либо фонарь, либо плоскогубцы, – отозвалась Виктория. – Я, знаешь ли, все же писатель, а не профессиональная воровка.

– А жаль! – хихикнула невидимая в темноте Ася. – Воровка бы нам не помешала.

– Ну, надо было придирчивее выбирать себе компаньонку, – огрызнулась Виктория.

Говорили они мало. И для того, чтобы не расходовать на болтовню драгоценные силы, и потому, что в окружавшем их зловонии просто не хотелось лишний раз набирать в грудь воздуха, чтобы заговорить.

В очередной раз выставив вперед руки, Виктория наткнулась на глухую стену. Едва не вскрикнула от ужаса, решив, что они пришли в тупик. Но затем все же пошарила по сторонам и убедилась, что в этом месте короб, по которому они передвигались, раздваивался, один его рукав уходил налево, другой направо.

– Куда нам? – спросила она.

– Налево, – помедлив, ответила Ася.

– Ты что, не знаешь точно?

– Слушай, я, по-твоему, тут экскурсии каждый день вожу? Я вообще-то здесь тоже в первый раз.

– Но ты же говорила, что начертила план тюрьмы и поняла, как располагаются коммуникации?

– Начертила. Я и говорю, налево. Согласно плану. Кажется...

– Твою же!..

Конечно, глупо было рассчитывать, что они легко выберутся на свободу. В конце концов, писательница и финансовый аналитик были явно не теми людьми, в активе которых значатся десятки успешно разработанных и осуществленных побегов. Но только теперь Виктория начинала понимать, насколько их план был зыбок. Весь строился на предположениях – допустим, коммуникации располагаются так, допустим, нам удастся пробраться по ним до дождевого стока, находящегося за пределами тюремной территории... Ася вроде бы его видела, обратила внимание, когда ее сюда везли. А если они свернули не туда? Если никакого дождевого стока там нет? Что тогда?

Но отступить было некуда. Виктория повернула налево, тут же ударилась плечом о металлическое сочленение труб и глухо охнула. Рукав, кажется, промок. Понять бы еще от чего – от крови или сочащейся из труб затхлой жижи?

– Ты цела? – в спину ей спросила Ася.

– Пациент скорее жив, чем мертв, – буркнула Виктория.

И, не обращая внимания на боль в онемевшем плече, двинулась вперед.

Вдруг за спиной истошно заорала Ася.

– Что? – Виктория резко обернулась, силясь разглядеть хоть что-то в темноте, зашарила перед собой руками, пытаясь определить местоположение подруги.

– Там что-то... – слабым голосом пропищала Ася. – Что-то... вокруг моей ноги... обвилось.

– Змея? – холодея, спросила Виктория. – Водяная змея?

– Я не знаю... – жалобно отозвалась Ася.

– Твою же мать...

Виктория опустилась на корточки. Сердце, казалось, колотилось в горле. Если это и в самом деле змея... Если она сейчас неосторожно коснется ее и та укусит...

Она протянула руку вперед, трясущимися пальцами коснулась чего-то холодного, склизкого...

– Гадюка?... – шепотом спросила Ася.

Виктория осторожно потянула с ее ноги длинное. И вдруг ощутила под пальцами круглый кусок пластика. Пуговицу!

– Ага, гадюка турецкая сортирная, – с облегчением выдохнула она. – Поздравляю, подруга, открыла новый вид. Войдешь в историю.

– Ффух, – повеселела Ася. – И что это было?

– Да тряпка какая-то. Не знаю, пояс, что ли, кто-то утопил. Ладно, поплыли дальше.

Вскоре короб, по которому они пробирались, стал как будто уже. Идти теперь приходилось пригнувшись, чтобы не удариться головой о потолок. Мелкой Асе, наверное, было проще. У Виктории же очень скоро мучительно заболела шея. А на очередном повороте стало ясно, что дальше можно пробираться только ползком.

– Что делать? – Виктория теперь даже обернуться не могла.

Собственно, особого смысла в этом все равно не было, так как разглядеть хотя бы очертания Аси в густой тьме было невозможно. Поначалу она надеялась, что со временем глаза привыкнут к темноте. Может, они и привыкли, только тьма от этого менее плотной не стала.

– А что нам остается? Хочешь повернуть назад? – спросила в ответ Ася.

– А что, если дальше проход еще сильнее сузится? Если мы застрянем тут и сдохнем, как крысы в ловушке?

– По крайней мере, это будет нетривиальная смерть. Спорим, тебе такое никогда не приходило в голову, когда ты задумывалась о том, каким будет твой смертный час?

Против воли, Виктория негромко рассмеялась. Кажется, притушить оптимизм Аси неспособно ничто.

Она села на пол, опершись спиной о стену, переводя дыхание перед тем, как попробовать двинуться дальше на четвереньках. Штаны промокли окончательно. Но это было ничего, даже лучше. Проще сейчас притерпеться к мокрой, пропитанной бог знает каким дерьмом ткани, чем ползти вперед, чувствовать, как она влажнеет с каждым движением. А вот плечо беспокоило всерьез. Если там открытая рана, в нее в этом смрадном подземелье обязательно попадет инфекция. А ей даже перевязать ссадину сейчас нечем. Проползти десятки метров под землей, в буквальном смысле по колено в дерьме, и сдохнуть от заражения крови? Какой абсурд...

– Как думаешь, нас уже ищут? – спросила Ася, пристраиваясь рядом.

Виктория по-прежнему не видела ее. Но теперь чувствовала теплое прикосновение плеча по-други.

– Может, и нет, – задумчиво отозвалась она.

– Нет? Но ведь вторая медсестра должна была заметить, что ее коллега куда-то испарилась.

– Слушай, подруга, ты у нас разбираешься в технических вопросах. А я, если в чем и понимаю, так это в человеческой природе, – наставительно произнесла Виктория. – Никому из этих гримз совершенно не улыбается, чтобы пропажа заключенных обнаружилась во время их дежурства. За такое в лучшем случае премии лишат и вовсе выпрут отсюда. А в худшем... Как бы еще не впаяли срок за пособничество. Или там, не знаю, преступную халатность.

– То есть, ты думаешь, она не станет поднимать шум? – с надеждой в голосе спросила Ася.

– Думаю, вполне вероятно, что она, даже что-то обнаружив, досидит тихонечко до конца смены и свалит. А то, что мы исчезли, выяснится уже только тогда, когда на пост заступит ее сменщица.

Виктория старалась говорить уверенно, хотя сама никакой уверенности не чувствовала. Это все тоже были лишь предположения. Допустим, медсестра испугается и не захочет подставляться. Допустим, за время ее смены никто не заглянет в палату. Допустим, отсутствия Виктории в корпусе не обнаружат до вечернего построения... Но лучше было верить в то, что все сложится именно так, чем представлять себе, что где-то над их головами уже

обыскивают все закоулки тюрьмы и вот-вот доберутся до коммуникаций.

– Ладно, чего гадать, – бросила наконец Ася. – Пошли.

– Пошли – это громко сказано. Поползли! – возразила Виктория и, опустившись на четвереньки, медленно двинулась в темный узкий проем.

Она потеряла счет времени. Порой начинало казаться, что она ползет здесь, в бесконечной зловонной черноте, уже несколько суток. Что никакой прежней жизни – в которой она была переводчицей, писательницей, лихой русской, любящей путешествия и приключения, страстной натурой, на пороге тридцати шести лет влюбившейся, как школьница, не слишком счастливой в браке женой – и не было никогда. Что вся жизнь просто привиделась ей в этом вонючем ужасе, в монотонном движении в никуда. Среди снующих вокруг крыс и прочей дряни.

А может, она умерла? Может, их с Асей просто застрелили при попытке побега? И они попали прямиком в ад, сами не заметив этого? В самом деле, могло ли что-то в этой вселенной быть страшнее, чем это барахтанье в нечистотах?

С Асей они давно уже не разговаривали. Не осталось ни сил, ни желания издавать хоть какие-то звуки, кроме тяжелого дыхания. Виктории иногда начинало казаться, что она давно уже отстала от нее, растворилась в окутывающей их тьме. И лишь по прерывистому вздоху удавалось понять, что подруга здесь, движется вслед за ней, отчаянно стараясь не потерять надежды.

Когда впереди забрезжил свет, Виктория сначала решила, что ей померещилось. Тем более что и свет был едва заметный, рассеянный, сделавший тьму вокруг лишь чуть менее плотной. Но через пару секунд Ася толкнула ее в спину:

– Ты видишь?

И тогда она, больше не боясь, что все это – игра воспаленного рассудка, выдохнула:

– Да... Да, вижу!

Свет лился сверху, добравшись до места и задрав головы, девушки увидели далеко вверху прутья железной решетки.

– Вот он! – вскрикнула Ася. – Дождевой сток. За воротами тюрьмы. Помнишь, я говорила, что мы до него доберемся!

– Неужели дошли? – еще не веря, пробормотала Виктория.

– Дошли! Дошли! Мы на свободе! – ахнула Ася и, тихо смеясь, добавила: – Обнимать тебя не буду. Я вся в дерьме.

– Как будто я лучше, – тоже не удержалась от смеха Виктория.

В голове стучала навязчивая мысль, что рядом со стоком их уже могут караулить охранники, но высказывать ее вслух она не стала. Что уж теперь? Будь что будет.

К металлической решетке вели вделанные в стену железные перекладыны – такая импровизированная лестница.

– Плоскогубцы у тебя? – спросила Виктория, взбираясь на первую ступень. – Давай!

– Может, лучше я? – предложила Ася.

– Да у тебя опять сил не хватит ее сдвинуть, – возразила Виктория. – Давай уж мне.

Вооружившись плоскогубцами и кое-как обтерев их о штаны, она полезла вверх. Ася поднималась за ней. Решетка крепилась большими проржавевшими болтами, и Виктория поначалу решила, что справиться с ними будет непросто. У нее ведь и так уже почти не осталось сил. Но, как ни странно, болты вывернулись легко, как будто кто-то недавно вывинчивал их или как минимум смазывал маслом. Убрав последний, она изо всех сил надавила на решетку, и та со скрежетом сдвинулась влево.

– Давай! Давай! – отчаянно шептала снизу Ася.

Виктория надавила снова, потом еще, и решетка сдвинулась окончательно, открыв прямоугольную дыру, над которой тускло мерцал какой-то свет. Не такой яркий, как солнце, скорее рассеянный.

«Уже ночь. Взошла луна...» – думала Виктория, устремляясь вверх.

Воздух... Неужели она сейчас вдохнет свежий воздух? Наконец-то, после стольких часов в вони и ужасе.

Уцепившись руками за край дыры, она рванулась вперед, тяжело перевалилась через край и рухнула на землю. Перевела дыхание, огляделась... И сердце в груди заледенело, камнем провалилось куда-то вниз.

Прямо перед ней стояли ботинки. Коричневые кожаные ботинки, распоротые по шву, чтобы в них легче помещались гигантские ноги. Эти самые ноги уходили от растоптанных туфель вверх, могучие, как древнегреческие колонны. Виктория проследила за ними взглядом, увидела грязно-белую куртку, такой же колпак, а между ними румяную усатую рожу, с интересом следящую за нею глазами.

Ох, да ведь это была даже не улица. Не проселочная дорога позади тюрьмы, рядом с которой и должен был, по расчетам Аси, находиться дождевой сток. Это было техническое помещение, большое, уставленное вдоль стен какими-то стеллажами и замысловатыми приспособлениями, в данный момент тускло освещенное синеватыми длинными лампами под потолком.

Ася, вылезшая вслед за Викторией, успела выдохнуть:

– Свобода! – и тут же осечься.

Потому что толстяк в разрезанных ботинках в этот самый момент шагнул к ним ближе, с кряхтением опустил на корточки и, склонив голову к плечу, негромко спросил:

– И куда же это вы собрались?

Это был конец. Их выследили. Их поймали... Что теперь? Опять суд, новый приговор? Благодаря которому она останется в турецкой тюрьме до самой смерти? Господи, как же так получилось? Как с ней, известной русской писательницей, переводчицей и абсолютно благополучной женщиной, могло произойти... такое?

А началось все полгода назад, в первых числах октября. Летняя жара уже спала, воздух стал прохладнее и свежее. А небо то нависало низко, цепляясь лохматыми краями облаков за шпиль мечети, то вдруг, опомнившись, начинало снова сиять летней голубизной. И во всем этом сумасшедшем и страстно любимом Викторией городе ощущалось предчувствие скорой зимы и отчаянная надежда удержать уходящее лето хотя бы еще на несколько мгновений. В один из таких ласковых осенних дней Виктории позвонили с киностудии с предложением перевести для российского проката новый турецкий фильм «Тень горы».

После школы Виктория окончила Московский институт, став обладательницей диплома переводчика художественной литературы с турецкого языка. Специальность была востребованная и редкая – в основном все ее сверстники выбирали английский, чуть реже немецкий, испанский, французский. И потому Виктория со своим дипломом без работы не оставалась. Книжки, фильмы, сериалы, в конце концов, просто тексты этикеток изготовленных в Турции товаров. Она бралась за любые предложения – и ради практики и потому, что жизнь вдвоем с матерью (отец исчез в неизвестном направлении еще в ее далеком детстве, и Виктория его не помнила) роскошью не баловала. Так и получилось, что к двадцати пяти годам Виктория стала уже известным в российских и турецких издательских и киношных кругах переводчиком. Безденежье отступило, теперь она могла позволить себе выбирать ту работу, которая была интересна с профессиональной точки зрения. Книжные новинки-бестселлеры, артхаусные фильмы, если сериалы, то только самые качественные и захватывающие.

Первый раз в Турцию Виктория съездила еще в студенческие годы, на практику. И влюбилась в эту удивительную страну, совмещающую в себе культурные особенности Востока и бешеный ритм Запада, с первого взгляда. Первым турецким городом, в который она попала, оказался курортный Мармарис. Виктория навсегда запомнила его удивительный воздух, пропитанный запахами моря и сосновой смолы, запомнила обрывистые скалы, бесконечно чистое глубокое море и невероятный яркий подводный мир, на который ей удалось взглянуть на одной из экскурсий.

Побывала она в тот приезд и в Каппадокии. Видела древнейшие горы, насчитывавшие в своей истории несколько тысяч лет. Таинственные расселины и пещеры, в которых сердце замирало в груди от неизъяснимого восторга.

После пришло время и для Стамбула с его романтичными розовыми закатами, запахом кофе, башней, где заточали строптивых султанш, со знаменитым дворцом Топ Капы, с ароматом кальяна в районе Султан Ахмет и жареных каштанов на улице Истикляль. В общем, духом Турции Виктория прониклась с первого же приезда, полюбила эту страну и решила, что непременно постарается связать с ней свою жизнь.

Здесь было интересно, непривычно и... забавно. Внешне Виктория представляла собой типичную «русскую красавицу». Высокая, статная, с кожей, склонной от любых переживаний покрываться нежнейшим румянцем, с безмятежным взглядом васильковых глаз, с пшеничными волосами, струящимися по горделиво расправленным плечам, она производила на турок парализующее впечатление. Завороженные взгляды, бесчисленные комплименты, попытки в первые же минуты знакомства предложить руку и сердце – все это преследовало ее с первых часов, проведенных в Стамбуле. Но самым уморительным было наблюдать, как вытягивались лица у восхищенных поклонников, стоило им вдруг осознать, что под ласкающей взгляд кроткой внешностью Василисы Прекрасной скрывался твердый, авантюрный характер, склонный к скептицизму.

Нет, Виктория не спешила соглашаться на предложения о замужестве, сопровождаемые обещаниями счастливой безбедной

жизни в вилле на берегу моря. Не потому, что была убежденной противницей брака или семьи, и не потому, что боялась связывать судьбу с турком. Разница менталитетов и вероисповеданий не пугала ее, она знала, что турки, особенно турки из Стамбула, по воспитанию и мировосприятию гораздо ближе к европейцам, чем жители других мусульманских стран. Просто пункты «муж» и «семья» значились в ее списке приоритетов далеко не первыми. Жизнь, сама жизнь, вот что интересовало ее больше всего. Путешествия, приключения, возможность посмотреть мир, работа, творчество – это было первично. А семья... Что же, если когда-нибудь сложится – с турком ли или с россиянином, – она будет не против. Но сама искать тихой гавани не станет. По крайней мере, пока.

Сочинять истории Виктория начала так давно, что и не помнила, когда ей впервые пришла в голову такая фантазия. Еще толком не умея писать, она выцарапывала печатными буквами пришедшие в голову сценки и обрывки диалогов – при этом делала это на чем придется. И не раз получала головомойку от матери за то, что испортила своими каракулями отчет, который та притащила с работы, чтобы посидеть над ним вечером. Время шло, рассказы становились все менее наивными и более изобретательными, вот только Виктории никогда не приходило в голову попробовать показать их кому бы то ни было. Это было так, хобби, несерьезное мараение бумаги.

И только после первой поездки в Турцию внутри что-то перевернулось, щелкнуло, и Виктория поняла, что просто не выдержит, если не поделится ни с кем впечатлениями. Собственная голова по ощущениям напоминала паровой котел. Эмоции, подсмотренные сценки, дофантазированные в новом колорите истории бурлили внутри, кипели, булькали и требовали немедленного спуска пара, грозя в противном случае взорваться. И Виктория решилась – почти ни на что не надеясь, отослала в первое попавшееся издательство рукопись под названием «Солнце Стамбула». Нет, она не мечтала немедленно построить головокружительную писательскую карьеру и уж точно не рассчитывала, что когда-нибудь сможет зарабатывать этим на жизнь. Переводы были надежным, серьезным, а главное, любимым ремеслом. А отправка романа на суд знающих людей была скорее своеобразным жестом психотерапии.

Но в издательстве ее книгой заинтересовались. Объявили вдруг, что это свежо, ново, остро. Что у Виктории легкое перо, неповторимый стиль, а герои ее выглядят настолько живыми, что, кажется, вот-вот соскочат с бумажных страниц и ринутся куролесить в реальной жизни.

Роман опубликовали. Преувеличением было бы сказать, что он стал бомбой, взорвавшей российские литературные круги. Однако книга была замечена, заслужила положительные рецензии, нашла своих читателей. А издательство заключило с Викторией договор на собственную серию. И через несколько лет Виктория Стрельцова уже была автором, которого знали и в России, и в Турции (разумеется, переводила свои книги на турецкий она сама). Читатели обеих стран любили ее, ждали новинок, приходили на творческие встречи. А сама Виктория жила на две страны, вернее, на два города, ставших ей одинаково дорогими, – Стамбул и Москва, и затруднялась сказать, какой из них считает своим настоящим домом.

К тридцати пяти у нее было, пожалуй, все, о чем только можно мечтать. Известность, успех, постоянный доход – не такой, чтобы купаться в роскоши, но вполне позволяющий жить так, как хочется. Возможность заниматься тем, что нравится, и получать за это неплохие деньги. Свобода от каких-либо обязательств, благодаря которой можно было вдруг, по наитию, срывать в путешествие или, наоборот, запирается дома, отключать телефон и устраивать себе день релаксации. Может быть, такой стиль жизни кто-то назвал бы эгоистичным, но Виктории всегда было наплевать на чужое мнение. Она жила так, как ей нравилось, по нескольку раз в год летала из Москвы в Стамбул и обратно, пару раз едва не выскочила замуж – один раз за редактора из Москвы, другой за университетского преподавателя из Стамбула, но в конце концов всегда делала выбор в пользу независимости.

Именно такой, успешной, молодой, красивой, свободной, способной кружить головы своей славянской красотой и ставить в тупик умным, язвительным разговором, она чувствовала себя в тот день, когда ехала на киностудию – обсудить детали предлагаемой ей работы.

Фильм, о котором шла речь, Виктория еще не видела. Но, судя по тому, что сказал ей в телефонном разговоре продюсер – и судя по

известной ей фамилии режиссера, – проект был серьезный, артахусный, и отнестись к нему стоило со вниманием.

В то утро она проснулась в странном настроении. То ли сказалось всегда царящее в Стамбуле осенью желание задержать ускользающее лето, то ли то, что день выдался не по-осеннему жаркий. Но отчего-то внутри что-то тревожно и радостно подрагивало, требовало немедленно сделать что-то, чтобы солнечный карнавал не заканчивался. И, повинувшись этому смутному чувству, Виктория оделась для визита на киностудию легко – в летящее светлое платье и белые открытые туфли. Вошла в здание киностудии, поднялась по лестнице, свернула в коридор и... Она даже не сразу поняла, что произошло. Несколько секунд просто смотрела вниз, на собственные босоножки, по светлым кожаным мыскам которых расплывались коричневые пятна. Потом оторопело подняла глаза и встретила взглядом с незнакомым парнем, так же растерянно созерцавшим зажатый в руке стакан, из которого расплескался кофе.

Удивительно, он явно был ее ровесником, может, даже на пару лет старше. Возраст проглядывал в мелких лучиках морщинок, расходящихся от уголков глаз, в складках у губ. И все же лицо его оставалось неуловимо мальчишеским – может, благодаря живой мимике или открытому, даже чуть вызывающему взгляду зеленых с коричневыми крапинами глаз. А может, все дело было в улыбке – лукавой и ласковой одновременно. Так или иначе, но этот незнакомый парень, столкнувшийся с ней в коридоре и расплескавший кофе ей на туфли, был чертовски обаятельным.

– Ох, простите...

Виктория не успела ничего сказать, не успела даже оценить ущерб – определить, только туфли пострадали или подол светлого платья тоже безнадежно испорчен, как мужчина вдруг опустился перед ней на колени. Одним плавным, по-кошачьи грациозным движением вытащил из нагрудного кармана зеленого поло пачку бумажных носовых платков и принялся вытирать ее обувь.

– Что вы? Зачем? – попыталась запротестовать она.

Он же вскинул голову, посмотрел снизу вверх и улыбнулся ей этой своей озорной и одновременно нежной улыбкой, от которой на впалых щеках образовывались ямочки. Сверкнули идеальные белые ровные зубы.

– Вы такая красивая. Не прощу себе, если из-за меня вы целый день вынуждены будете ходить в забрызганных туфлях.

Он снова занялся ее обувью. Виктория же замерла, разглядывая его макушку. Волосы у него были длинноватые, достигающие почти до подбородка и чуть подвигающиеся на концах. Темно-каштановые, почти черные, но в солнечных лучах вспыхивавшие медными искрами.

От всей этой ситуации Викторию охватило какое-то странное волнение. Необъяснимое. Да, парень был обаятельным, тут не поспоришь. Такая улыбка... И поразительно красивым, просто глаз не отвести. Но все же для нее, женщины взрослой и опытной, этого было мало, чтобы смутить.

Позади послышались голоса, и в коридор вышла группа молодых людей, что-то весело обсуждающих на ходу. Увидев открывшуюся перед ними сцену, они зашумели еще оживленнее, а один крикнул даже:

– Что, Альтан, любовь с первого взгляда? Решил сразу предложение сделать?

– Извините, – сказала парню Виктория, когда весельчаки скрылись за поворотом коридора.

Он же, стерев с ее туфель последнее пятнышко и легко вскочив на ноги, махнул рукой:

– Ерунда! – И добавил, заглянув ей в глаза: – На самом деле, он не так уж неправ.

Виктория невольно рассмеялась. Парень – его звали Альтан, она запомнила, – тоже улыбнулся. Пора было расходиться в разные стороны.

– Мне все же неловко, – сказала Виктория. – Из-за меня вы свой напиток расплескали...

А Альтан внезапно перебил:

– А знаете что? Давайте, когда мы встретимся с вами в следующий раз, вы угостите меня кофе? Чтобы загладить вину.

– А вы уверены, что мы встретимся еще раз? – вскинула брови Виктория.

– Уверен! – решительно закивал Альтан. – Обязательно встретимся. Это судьба! У меня предчувствие...

– Знаете, я не верю в предчувствия. И в судьбу, – отрезала Виктория.

Такой откровенный флирт – пускай даже исходящий от создания поразительной красоты – переставал ей нравиться. Альтан же улыбнулся загадочно, бросил:

– Вот и проверим! – И пошел прочь по коридору.

Виктория видела, как он допил остатки кофе и, смяв стаканчик, выбросил его в урну.

Приключение, конечно, получилось забавным. И даже где-то волнующим. Однако она пришла сюда по делу. Делом и стоило заняться.

Продюсер и автор сценария фильма «Тень горы» ждали ее в небольшом кабинете. Оба начали встречу с потока комплиментов. Как они рады, что такой блестящий переводчик и признанный классик современной литературы заинтересовалась их проектом. Как Виктория ослепительно выглядит, поистине, одаренный человек одарен во всем. И так далее, и так далее. Проведя в Турции много лет, Виктория уже знала цену пышным восточным любезностям, а потому поспешила прервать этот поток красноречия:

– Давайте к делу, господа. Расскажите мне подробнее о фильме и о том, какие условия вы предлагаете.

Сценарист принялся пересказывать ей краткое содержание картины, продюсер вносил свои замечания. Затем уточнил, сколько времени они могут выделить на перевод и какая предполагается оплата. Предложение Викторию вполне устроило, однако, когда все детали были уже обговорены, продюсер вдруг добавил:

– И еще одно. Дело в том, что речь одного из героев фильма довольно специфическая. Он говорит на помеси турецкого языка и курманджи, северно-курдского. Актер, который играл этого персонажа, специально ездил в район Кайсери, чтобы освоить этот диалект, занимался со специалистом, который ставил ему речь. К сожалению, этот человек сейчас в отъезде, и мы подумали, что вам удобно будет проконсультироваться по поводу речи персонажа с исполнителем этой роли.

– Да, это может быть полезно, – кивнула Виктория.

– Где он? – нетерпеливо спросил продюсер, обернувшись к своему ассистенту. – Ты договорился с ним на два часа?

– И утром перезвонил еще раз, напомнил время, – подтвердил ассистент. – Должен быть здесь. Если, конечно... – Он не договорил,

но показательно закатил глаза.

Продюсер, нахмурившись, выругался и, обернувшись к Виктории, смущенно пояснил:

– Он человек довольно... своеобразный. Взбалмошный, порывистый... Рассчитывать на него сложно. Но артист крайне талантливый, вы сами убедитесь.

– Ничего, я не спешу, – отозвалась та.

По роду занятий ей нередко приходилось общаться с актерами, как турецкими, так и российскими, работавшими на дубляже переводных фильмов, писателями и прочей творческой братией. И Виктория привыкла к их нраву.

Ассистент продюсера отошел в глубь кабинета и начал названивать по мобильному, видимо, тому самому пропавшему актеру. Продюсер и сценарист тем временем пытались развлекать Викторию светской беседой. Оба так очевидно боялись, что она разозлится на опоздание и уйдет, отказавшись от проекта, что Виктория посмеялась про себя. В конце концов, это было чертовски приятно – чувствовать себя такой нужной и востребованной.

Наконец дверь кабинета распахнулась. Продюсер процедил сквозь зубы:

– Наконец-то.

– Добрый день! Прошу прощения, я опоздал, – поздоровался вошедший.

Виктория обернулась на голос и не смогла сдержать изумленной улыбки. В дверях кабинета стоял тот самый красавец с мальчишескими ямочками на щеках, который облил кофе ее туфли, а затем так непосредственно рухнул на колени.

Парень, разумеется, тоже узнал ее и расплылся в уже знакомой обаятельной улыбке. Правда, судя по тому, что в глазах его не промелькнуло ни тени изумления, можно было предположить, что он ожидал ее здесь увидеть. Видимо, еще там, в коридоре, откуда-то знал, кто она такая.

– Почему вы опоздали? – спросила она. – Еще кого-нибудь облили?

– Нет. – В зеленоватых, с карими искрами глазах мужчины – Альтана, вспомнила Виктория, – плясали чертенята. – Выбирал

кофейню, в которую мы с вами пойдём. Я ведь говорил, что мы ещё встретимся. А вы зря не верите в судьбу.

Продюсер, в недоумении переводивший взгляд с Виктории на Альтана и обратно, наконец вклинился в разговор:

– Вижу, вы уже знакомы с Альтаном. Альтан Фират и есть тот самый актер, исполнитель роли, о которой я вам говорил.

– Надеюсь, говорили хорошее? – перебил его Альтан, не сводя глаз с Виктории.

– Мне сказали, что на вас трудно положиться, – ввернула Виктория с усмешкой.

– Клевета! – отреагировал Альтан. – Сущяя клевета. Можете даже не сомневаться, что свой кофе я с вас стребую обязательно.

Со встречи они ушли вместе. И через несколько минут действительно оказались в одной из кофейен, располагавшихся неподалеку от киностудии. Альтан много шутил, вообще казался каким-то искрящимся жизнью, неутомимым, легким и пьянящим, как шампанское. Его обаянию было трудно противиться. К тому же он явно делал все, чтобы понравиться Виктории, завоевать ее интерес.

Однако, анализируя позже все произошедшее, Виктория понимала, что по-настоящему потеряла голову не тогда, когда они с Альтаном пили кофе, разговаривали так оживленно, будто были знакомы всю жизнь, и хохотали как безумные. И не тогда, когда они бродили по вечернему Стамбулу, заходя в бары, останавливаясь посидеть в скверах, глядели с моста на плавно катящийся свои воды Босфор. Нет, что действительно зацепило ее, опрокинуло и вывернуло наизнанку – это фильм, в котором она впервые увидела игру Альтана.

Она сразу же решила, что раз им с Альтаном предстоит поработать над речью его героя, то и фильм, который она будет переводить, лучше посмотреть вместе с ним. Вдруг он подскажет ей еще какие-то нюансы. В обычных обстоятельствах звать едва знакомого мужчину к себе Виктория не стала бы. Но с Альтаном ей с первой же минуты было так легко, он казался настолько ненавязчивым, приятным и близким ей по духу человеком, что она, не сомневаясь ни секунды, пригласила его завтра в свой отель, чтобы вместе оценить, что же это за арт-хаусный проект, над которым ей предстоит работать.

Отель «Grand Sevahir», в котором Виктория всегда останавливалась в Стамбуле, был расположен в центре. Не предназначенный для туристов, он размещал людей, приезжавших в Стамбул по работе, и потому здесь почти всегда было тихо и спокойно. Временами тут устраивались конференции или какие-то другие мероприятия, но постояльцам они нисколько не мешали. Виктория, как постоянный гость, всегда занимала один и тот же номер и привыкла мысленно относиться к нему как к своему стамбульскому дому.

Главный менеджер являлся большим поклонником ее книг. И потому вот уже который год апгрейдил забронированный Викторией номер за 70 евро в сутки до двухкомнатного люкса. В награду за труды прося только, чтобы любимая писательница поужинала с ним в ресторане отеля.

На этот раз Альтан явился без опоздания, да еще и принес с собой бутылку хорошего вина. Они расположились в гостиной, распили по бокалу за встречу. Затем Виктория щелкнула пультом, запуская фильм на экране телевизора. И все. Ровно с этого мгновения ее жизнь сделала крутой рывок.

С первого же своего появления на экране Альтан приковывал к себе внимание зрителя намертво. Он играл роль молодого курда, вынужденного вступить в борьбу за права своего народа, однако по ходу сюжета, пережив ряд потрясений, понимающего, что свободу нельзя купить кровью, и пытающегося сделать все, чтобы примирить враждующие стороны. От него невозможно было отвести взгляд. Зритель радовался, плакал, загорался надеждой и умирал вместе с ним. Виктория не могла понять, в чем кроется эта магия. Вот на экране его лицо крупным планом – он не рыдает, не кривит страдальчески губы, не закатывает глаза, не делает других драматических жестов. Он лишь несколько раз беспомощно моргает и чуть заметно дергает уголком рта. Но того, кто смотрит на него с экрана, захлестывает такая волна отчаяния и безысходности, что, кажется, дальше невозможно будет жить.

После того как фильм закончился, они еще несколько минут сидели в молчании. На экране застыл кадр, в котором сраженный смертельной пулей герой Альтана лежал, распростершись на камнях. По его искаженному страданием лицу бежали строчки титров. Виктория поняла вдруг, что в комнате стало темно. Оказывается,

солнце село, пока они смотрели фильм. А она и не заметила. Да что там, она вообще на эти два с половиной часа полностью выпала из реальности, забыла обо всем. И теперь, как внезапно разбуженная сомнамбула, растерянно оглядывалась по сторонам, силясь понять, где находится.

Альтан напряженно смотрел на нее из стоящего напротив кресла. Лицо его в сумраке комнаты казалось бледной маской. К своему удивлению, Виктория поняла, что в уголках губ его не таится обычная усмешка. Что, кажется, он утратил эту свою обычную легкую манеру общения, способность ко всему относиться несерьезно и смотрит на нее будто осужденный в ожидании приговора. Ну разумеется, она ведь за весь фильм не издала ни звука. И сейчас продолжала молчать. Должно быть, он решил, что ей не понравилось, что она в шаге от того, чтобы отказаться от проекта.

Нужно было скорее развеять это заблуждение, но Виктория – что случалось с ней крайне редко – просто не находила слов. Все они сейчас казались бессмысленными, неточными, не способными выразить то, что она испытала, смотря картину.

Глаза Альтана становились все отчаяннее. И Виктория в конце концов решилась. Она поднялась с кресла, в два шага преодолела разделявшее их расстояние, наклонилась и, взяв его лицо в ладони, поцеловала в сомкнутые губы. Альтан, явно не ожидавший такого поворота, вздрогнул. Замер, а затем резко подался вперед, обхватил руками ее шею и страстно ответил на поцелуй. Локтем он задел стоявший на столике бокал с вином, тот с тихим звоном стукнулся об пол, по плиткам растеклась багровая лужа. Но Виктории сейчас было не до того. Видно, так уж у них повелось с первой минуты – вносить в жизнь друг друга раздор и хаос.

Следующие несколько недель остались в памяти Виктории как время постоянного эмоционального напряжения, когда внутренний тумблер настроения за считанные секунды переключался с абсолютного счастья к самому черному отчаянию. Счастьем было сидеть вместе с Альтаном перед экраном, снова и снова прокручивать особо драматические моменты фильма, слушать, как он объясняет точное значение непонятных ей курдских слов.

Счастьем было позже, когда работа над переводом «Тени горы» была закончена, ходить к нему на репетиции в театр. Альтан, приглашенный на роль Астрова в постановке «Дядя Ваня», упросил Викторию выступить русскоязычным консультантом. И так ей довелось увидеть его не только на экране, но и на сцене, где потрясающее актерское дарование Альтана било наотмашь.

Когда какая-то сцена ему не удавалась, когда не получалось поймать тонкий оттенок эмоции, Альтан принимался метаться туда-сюда, щелкать пальцами, закрывать лицо ладонями. Иногда бессильно падал в кресло, запускал руки в волосы, ерошил пряди – и такой, встрепанный, раздраженный, с блестящими азартом глазами, становился еще больше похожим на мальчишку, сорванца и выдумщика. Хотелось подойти к нему, пригладить вихры, успокоить поцелуями пылающий лоб. Довольно часто тем и заканчивалось – не в самом театре, конечно. Но как только режиссер отпускал всех, Виктория с Альтаном запрыгивали в такси и неслись в ее отель или к нему на квартиру.

Счастьем было ловить на себе восхищенный взгляд зеленых с коричневыми крапинами глаз, чувствовать горячие губы на шее. Просыпаться рядом с Альтаном и рассматривать чистые идеальные линии его лица, его порочную и в то же время очень манкую, притягательную красоту. Тонкий нос, резко выступающие надбровные дуги, точеный подбородок, легкий шрам под глазом. Ямочку на щеке, которая в минуты, когда губы не улыбаются, превращалась в крошечную, едва заметную морщинку.

Слушать его голос – мягкий, вкрадчивый баритон, который умел так лихо кружить голову, то обволакивая бархатными интонациями, то срываясь на горячечный шепот:

– Ты самая лучшая. Я никогда таких не встречал.

Вечерами, когда у Виктории начинала голова идти кругом после работы над переводом или очередной книгой, а Альтан приезжал вымотанный после репетиции, они срывались на прогулку по ночному Стамбулу, чтобы бродить по улочкам Кадыкей, где прошло детство Альтана. Пытаться сквозь яркую толпу развеселых туристов разглядеть дома XVII–XVIII века, заставляющие задуматься о том, какой была здешняя жизнь в прошлых столетиях. Проникаться ощущением вечности, незыблемости этого удивительного города. Потерять друг друга где-то в переулках Султан Ахмет, в арабской части Стамбула, где порой кажется, что тебя занесло куда-то в Марокко. Метаться в панике среди лепящихся друг на друга домишек, лавок, уличных торговцев и шпаны и хохотать от облегчения, выйдя наконец к мечети и обнаружив там такого же перепуганного ее исчезновением Альтана.

Все это было счастьем.

Несчастьем же было то, что Альтан оказался именно таким, каким охарактеризовал его продюсер фильма на той первой встрече. Невероятно талантливым и обаятельным, но взбалмошным, человеком, на которого невозможно рассчитывать. Он мог вдруг исчезнуть на несколько дней – не предупредив, пропустить назначенную встречу. Не отвечал на звонки, не появлялся в сети. Поначалу Виктория злилась на сорванные планы, затем начинала волноваться – мало ли что могло случиться с этим безрассудным мальчишкой в огромном разноликом Стамбуле. Альтан возникал вдруг, как ни в чем не бывало, на ее пороге. Улыбался этой своей невозможной нахально-ласковой улыбкой, за которую, казалось, можно простить все. Лез обниматься, тыкался носом в шею, обдавая запахом трехдневного перегара вперемешку с его собственным неповторимым древесным ароматом, тянул бархатным голосом:

– Викааа, я так по тебе соскучился. Знаешь, ты вызываешь привыкание. Все время хочется новой дозы.

– То есть, пропадая вот так, ты пытаешься соскочить? – язвила она.

Альтан же уже обнимал ее жадными руками, шептал:

– Ну брось, не дуйся! Я так давно тебя не видел, не будем тратить время на ссоры.

Извиняться он, разумеется, не умел. Да и смысла в извинениях не было, ведь он совершенно не раскаивался в своем поведении.

Несчастьем было и то, что он не доверял ей, не спешил делиться новостями и проблемами. Наоборот, ревностно оберегал границы. А попытки расспросить и предложить помощь воспринимал в штыки, мгновенно раздражаясь и выстраивая между ними непроницаемую стену.

Однажды – еще в самом начале знакомства, когда они, работая над очередным эпизодом фильма, сидели на полу перед экраном – Виктория с ноутбуком на коленях, Альтан рядом, с бокалом красного вина, которым всякий раз сопровождал трудовой процесс, – у него зазвонил мобильный. Альтан взглянул на экран и сразу сник, померк, будто кто-то прикрутил яркость изображения.

– Да, – сухо ответил он в трубку. – Да, понял. Нет, не могу сейчас. Нет, я... – Он помолчал, слушая голос в трубке, стиснул лоб ладонью, в напряжении потер пальцами сразу залегшие на переносице глубокие морщины и наконец бросил коротко, резко: – Хорошо. Я буду.

Сунул телефон в карман и тут же, ничего не объясняя, вскочил на ноги и принялся собираться.

– Мне пора.

– Куда? Почему? Мы же только начали? – не понимала Виктория.

Он же, казалось, уже не видел ее, метался по комнате, собирая разбросанные вещи – куртку, сигареты, зажигалку.

– Послушай, – встревоженная происходящим, обратилась она к нему. – У тебя что-то случилось? Какие-то неприятности? Может быть, я смогу помочь?

– Что ты пристала ко мне? – вдруг, развернувшись, бешено заорал он.

Виктория до сих пор никогда его таким не видела. Бледный от ярости, дерганый, с каким-то диким затравленным взглядом, он ничем не напоминал того смешливого, по-кошачьи грациозного, обаятельного парня без возраста, которого она знала и – приходилось в этом признаться – успела полюбить. Слегка растерявшись от такой

метаморфозы, она отшатнулась, не решаясь приблизиться к Альтану. Он же сам наступал на нее, злобно цедя сквозь зубы:

– Что ты о себе возомнила? По какому праву ты лезешь в мою жизнь? Ты мне никто! Даже не думай, что тебе удастся привязать меня к своей юбке. Я свободный человек, я ничего тебе не должен и всегда буду приходить и уходить, когда захочу!

С этими словами он вылетел из номера.

Его не было три дня. Три дня, за которые Виктория успела пройти стадии от гнева: «Что он себе позволяет? Я не та женщина, с которой можно так себя вести!» – до принятия и прощения – «Наверное, у него случилась какая-то беда, поэтому он сорвался. Только бы с ним все было хорошо».

Альтан появился утром четвертого дня. Виктория просто наткнулась на него утром, спустившись в лобби отеля. Он сидел в самом дальнем кресле, задвинутом за кашпо с фикусом. От входа его было не видно, но Виктория, спустившись по лестнице, сразу его заметила. Альтан, кажется, дремал. По крайней мере, когда она присела рядом с ним и заглянула ему в лицо, глаза его были закрыты. Потом ресницы дрогнули, он взглянул на нее и тут же улыбнулся своей проклятой подкупающей улыбкой. Спросил:

– Ты очень торопишься? Побудь со мной немного.

А в номере тут же повалился на диван, поймав Викторию за талию, притянул ее к себе, обхватил руками и моментально уснул, уткнувшись ей в плечо. Естественно, ни объясняться, ни извиняться он не стал, очевидно, считал, что того, что он все же вернулся, уже должно быть достаточно.

Никому другому никогда в жизни Виктория не позволила бы поступать так с собой. Но в Альтане было что-то такое, что не давало долго на него злиться. То ли его талант, то ли бьющее наотмашь обаяние, то ли искренность, с которой он чудил, как будто бы честно не понимая, что делает не так. А может быть, она за тридцать пять лет жизни просто впервые по-настоящему влюбилась. И, несмотря на большой опыт общения с турецкими мужчинами, позволила себе поверить, что и его связывают с ней настоящие чувства.

Как бы там ни было, эти столкновения с лихвой окупались проведенными вместе часами. Однажды, например, Альтан пригласил Викторию поехать на Принцевы острова – на яхте его друга, вместе с

большой компанией. Но на месте, улизнув от всех, они остались вдвоем, укрылись на уединенном пляже и смотрели на уже поосеннему высокие волны. Альтан, нашарив ее руку и сжав пальцы, шептал куда-то ей в волосы:

– Как я устал, если бы ты знала. Устал от постоянного притворства, от маски, которую мне приходится носить. Только здесь, вдали от людей, я могу быть настоящим. Здесь и... с тобой.

– Но ведь у тебя есть семья, друзья, – возражала Виктория, пытаясь приободрить его, стереть страдальческую складку между бровей. – Разве они чего-то требуют от тебя? Разве не готовы принять тебя любим?

– Друзья? – невесело усмехался Альтан. – Поверь, как только меня перестанут снимать, никого не останется. Они роятся вокруг только потому, что я известен, что мой последний фильм получил премию на Пекинском кинофестивале. Бездарности и завистники. А семья... – Он внезапно махнул рукой и отвернулся, пряча глаза. – Не будем о моей семье.

– Не будем, – покладисто согласилась Виктория и обняла его крепче.

Через минуту Альтан уже целовал ее, шепча под рев волн какую-то ласковую чушь.

– Как так получилось, что я никогда раньше не смотрела твоих фильмов? – спросила она однажды, когда они в очередной раз прокручивали на экране особо драматический эпизод «Тени горы», над диалогом в котором хотели поработать. – Я ведь много сотрудничала с турецкими киностудиями, а тебя не заметить невозможно.

Первое, самое острое и яркое впечатление от игры Альтана, конечно, уже притупилось. И все же всякий раз, стоило Виктории увидеть на экране его героя, запутавшегося, замаравшего руки кровью борца за свободу, в глубине души оставшегося наивным романтиком, верящим в добро и справедливость, она ощущала, как вдоль позвоночника бегут мурашки. Это было поразительно – невиданное чудо, какой-то божественный уровень перевоплощения.

Альтан нервно дернул ртом, и Виктория испугалась, что он сейчас опять вспылит – как происходило всякий раз, когда она вольно или

невольно затрагивала неприятную для него тему. Однако на этот раз он, как ни странно, ответил:

– Был не самый лучший период в карьере. Приходилось сниматься в заштатных сериальчиках. Ты такими не занималась, конечно. Тупое мыло, в котором мне и играть-то было нечего. Ерунда совершенно не моего уровня.

Это завораживало в нем – то, как без малейшей тени скромности или смущения он отзывался о собственном актерском даровании. И в этом тоже чувствовалось этакое хвастливое мальчишество. В ком-то другом, возможно, это насторожило бы, вызвало негативные эмоции, но у Альтана непрошибаемое самомнение выглядело так же очаровательно, как и прочие несовершенства, казалось, только придававшие пикантности его образу.

– А что случилось? Почему так произошло? – поинтересовалась Виктория.

Он поморщился, начал было что-то говорить. Но тут же перебил сам себя:

– Но, между прочим, эти многосерийники подарили мне такую народную любовь, которая вам, интеллектуалам от искусства, и не снилась. Что, не веришь? – Он азартно взглянул на нее.

– Почему же? Охотно верю. Тебя невозможно не любить, – произнесла Виктория и тут же осеклась.

Это было впервые, когда она озвучила чувства, которые испытывала к Альтану. Пускай не осознанно, невольно оговорившись, но... В груди толкнулось волнение, кровь прилила к щекам. Однако Альтан, похоже, ничего не заметив, уже потащил со стола ноутбук и принялся тыкать пальцами в кнопки клавиатуры.

– Сейчас я тебе покажу. Где же... А, вот он!

Он с победным видом развернул ноутбук экраном к ней, и Виктория увидела страницу фанатского аккаунта в инстаграме, представляющую собой коллаж из фотографий Альтана.

– Видишь? Это мои фанатки сделали, – рассмеялся он. – Обожают меня. Что они тут пишут, ты бы видела. Хочешь, почитаем? Оборжаться можно.

Альтан принялся щелкать мышкой, открывая комментарии под фотографиями. А затем, закатив глаза, стал декламировать с придыханием:

– «Свет моей жизни! Бесподобный, прекрасный актер и самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела». «Девочки, представляете, я на днях встретила его в клубе... Как же он красив! Это что-то невероятное». «А правду говорят, что у него роман с актрисой?..» – «Глупости! Не слушайте сплетни! Он ни за что не стал бы встречаться с этой пустышкой».

Закончив читать, он расхохотался и отодвинул от себя ноутбук. Виктория, неприятно удивленная таким бахвальством, спросила осторожно:

– Послушай, может, не стоит так отзываться о своих зрительницах? Ведь ты работаешь ради них. Разве они тебя не интересуют?

– А тебя что, интересуют твои читатели? – фыркнул Альтан.

– Конечно, интересуют. Ведь я для них и пишу. Для них и про них...

Она и сама не поняла, почему Альтан вдруг так завелся. Вскочил, принялся мерить комнату шагами, уже знакомо запустил пальцы в волосы, вороша каштановые пряди.

– А они мной интересуются? – внезапно напряженно заговорил он. – Они видят во мне живого человека, как ты считаешь? Или только блестящего плейбоя? Хоть одну из них волнует, почему я вынужден был сниматься в этом слащавом дерьме? Как бы не так, теперь они все очень недовольны тем, что я сыграл в какой-то, по их выражению, «зауми». И очень ждут, когда же я вернусь в их любимое мыло. Поверь, это честная игра, – заключил он. – Они видят во мне Казанову из сериального мыла, а я в них – тупых фанаток, чьим восхищением можно пользоваться.

Он так разволновался, что Виктория, уже зная, на какие вспышки он способен, решила побыстрее сменить тему. Защелкала мышкой, переключая на экране снимки. По большей части это были фотографии со светских вечеринок, киношных тусовок и т. д. Виктория машинально проглядывала их и зацепилась взглядом за фотографию, на которой Альтана обнимал за плечи мужчина, слегка на него похожий. Он явно был старше и ниже ростом, не обладал ни отличным сложением Альтана, ни его манкой красотой, ни природным обаянием. И все же было что-то в его чертах, позволяющее почти безошибочно определить в нем родственника Альтана.

– Слушай, а это кто? – спросила она, развернув ноутбук экраном к Альтану и показывая ему снимок.

Тот коротко глянул на дисплей, но отчего-то еще больше нахмурился.

– Мой брат, Джан.

– Не знала, что у тебя есть брат, – удивленно протянула Виктория.

– Откуда бы тебе знать? – недобро усмехнулся Альтан.

И Виктория поняла, что ее маневр не сработал. Он все еще злился, бог знает на что. Подобные перепады настроения пугали ее, заставляли задуматься, что же представлял собой Альтан на самом деле. Такой чуткий, тонкий и внимательный человек в хорошем расположении духа, в гневе он совершенно преображался. Становился язвительным, жестоким, мог очень больно обидеть. Выискивал оскорбительный подтекст в случайно брошенных фразах, надумывал какие-то козни, которые якобы плели близкие ему люди против него. И какая же из этих двух противоположных личностей была настоящей? Или они являлись двумя сторонами одной медали и нужно было признать, что Альтан, парень, безусловно, невероятно талантливый, умный и обаятельный, является в то же время избалованным славой и фанатским обожанием эмоционально неустойчивым инфантилом?

В хорошие дни подобные рассуждения в голове Виктории меркли, сдавались под силой притягательности Альтана и отступали на задний план. А в плохие ей не удавалось в них разобраться, так как его внезапные вспышки ярости не оставляли времени на размышления.

– Что ты вообще обо мне знаешь? – выплевывал он ей в лицо. – Ты же сама ничем не отличаешься от этих куриц из инстаграма. Тебя никогда не интересовала моя жизнь. Что я люблю, а что ненавижу, чего боюсь и о чем мечтаю. Что меня гложет, что не дает мне покоя. Тебе на все это наплевать, ты просто счастлива, что умудрилась заполучить в любовники звезду.

– Альтан, – Виктория из последних сил старалась сохранить самообладание, – ты сейчас чудовищно несправедлив. И сам это знаешь. Тебе завтра будет стыдно за эти слова.

– Ну, конечно! Как всегда, я подонок, а ты святоша! – выкрикнул он, схватил со спинки кресла куртку и выскочил из номера, хлопнув дверью.

Виктория в растерянности остановилась посреди комнаты. Внутри, как и после каждой ссоры с Альтаном, все болело. Но больше всего бесила собственная беспомощность: что она должна была делать? Дать твердый отпор этому пресыщенному неврастенику? Или постараться помочь ему, ведь он же сам страдает от своего несносного характера. А может, стоило вообще стереть телефон Альтана из контактов в мобильном и закрыть для себя эту историю?

С экрана стоящего на столе ноутбука на нее, приобняв за плечи младшего братишку, смотрел Джан и усмеялся, будто все про нее знал и заранее предвидел финал этой истории.

Когда все начало разваливаться? Может, именно в тот вечер? Хотя после, конечно, Альтан вернулся и вел себя как ни в чем не бывало, разве что целовал ее особенно нежно, будто безмолвно извиняясь за свое безобразное поведение. А может, сыграло свою роль то, что слухи об их отношениях как-то просочились в театр?

Виктория продолжала иногда бывать на репетициях «Дяди Вани», консультировать режиссера относительно особенностей русской драматургии и жизни в России конца XIX – начала XX века. Это был бесценный опыт – и хотя бы косвенно принять участие в подобной постановке и посмотреть на игру актера такого дарования, как Альтан. Сам он буквально бредил театром, эта часть его карьеры была для него едва ли не важнее, чем киношная. Виктория получала истинное наслаждение, наблюдая за ним на сцене.

Однако они никак не афишировали, что знакомы куда ближе, чем по совместной работе над переводом фильма. На репетициях практически не разговаривали. И все же вскоре по обмолвкам, брошенным вскользь шуткам, стало понятно, что вся труппа уже в курсе. Однажды у Альтана разрядился айфон, режиссер не смог до него дозвониться и набрал Викторию, попросив по возможности поскорее передать Альтану, чтобы он с ним связался. Виктория, как раз находившаяся в его квартире, выполнила просьбу, и Альтан мгновенно помрачнел. Не говоря ни слова, отыскал разрядившийся телефон, поставил его на зарядку и набрал режиссера.

– Интересно, с чего он решил, что я увижусь с тобой раньше, чем он сам? – сказала Виктория, когда он окончил разговор.

И Альтан тут же зло выплюнул:

– Даже и не знаю, как такая мысль могла прийти ему в голову. Не иначе кто-то его просветил насчет нас.

Через несколько дней Виктории написала по электронной почте знакомая журналистка из России, попросив дать комментарий по поводу фильма, над переводом которого она работает. Комментарий должен был пойти в интернет-издание, посвященное новинкам зарубежного кинопроката в России. Виктория набросала несколько строк о том, какое сильное впечатление произвела на нее картина «Тень горы», как счастлива она была поработать над таким глубоким материалом. Подробнее остановилась на образе главного героя, блестяще сыгранного замечательным турецким актером Альтаном... и упомянула, какой бесценный опыт она получила, сотрудничая с ним.

А спустя два дня грянул скандал. Произошло это в театре, куда Виктория пришла посмотреть генеральный прогон постановки перед премьерой. Ее помощь здесь была уже не нужна, но очень хотелось взглянуть на Альтана и на весь спектакль целиком.

Альтан опаздывал. И Виктория, привыкшая к его непунктуальности, поболтала немного с актерами, с которыми успела познакомиться во время репетиций, перебросилась парой фраз с режиссером.

Альтан ворвался в зал раскрасневшийся, злой, с перекошенным от ярости ртом. Виктория не успела даже спросить, что случилось, как он, не стесняясь присутствовавших вокруг, начал орать:

– Тебе не надоело повсюду трепаться о наших отношениях? Чего ты добиваешься? Хочешь загубить мне карьеру? Или позвездить за мой счет?

– О чем ты говоришь? – недоумевала Виктория.

Труппа притихла. Все разговоры смолкли, все уставились на них. Исполнительница роли София зашептала что-то Елене Андреевне. Виктория искренне не понимала, что происходит. Почему Альтан с порога набросился на нее. Какая муха его укусила?

– Кому ты наболтала про то, как тебе приятно было поработать со мной индивидуально? Что это стало в твоей карьере бесценным и очень эмоциональным опытом?

– Я... – Виктория, подумав, вспомнила звонок журналистки. – Я написала комментарий о фильме для «Киномана». Это российское интернет-издание...

– Ты что, совсем тупая? – завопил Альтан. – Не понимаешь, что все, что попадает в интернет, тут же раздувается до гигантских масштабов и потом отправляется гулять по сети?

– Послушай, во-первых, я не говорила ничего крамольного... – начала Виктория, чувствуя, как внутри, вместе с обидой, вскипает злость.

В конце концов, сколько можно относиться к этим истерикам с пониманием? Как бы ни восхищали ее талант и поразительная красота Альтана, как бы ни была глубока ее привязанность к нему, каким бы сильным ни было чувство, захватившее ее, но всему же есть предел. Затянуть такой скандал, оскорблять ее публично...

– Не говорила? Ну, конечно! – перебил Альтан. – А ты посмотри, что теперь творится на форумах!

Он рывком достал из кармана айфон и сунул его Виктории едва не в лицо. Руки его подрагивали от ярости, и строчки плясали у Виктории перед глазами, мешая что-либо рассмотреть.

– Весь интернет гудит, что у меня роман с русской писательницей! На моем личном сайте фанатки рыдают и волосы на себе рвут. Как же так, их кумир скрыл от них такое событие в личной жизни. Мне пишут в инстаграм, в фейсбук. Дошло до того, что моим родственникам звонят, спрашивая, правда ли, что я женюсь и переезжаю жить в Россию!

– Мне очень жаль, правда, – попыталась все же не сорваться и не наговорить лишнего Виктория. – Но ты же сам понимаешь, ты публичный человек, известный, любимый народом. Наверняка это не первый слух, который про тебя возникает. Особенность интернет-сплетен в том и состоит, что они забываются так же мгновенно, как вспыхнули. И потом... клянусь тебе, в моем интервью ни слова не было о том, что у нас какие-то близкие отношения. Я могу переслать тебе текст, если не веришь.

– Как будто ты не сможешь его подправить, прежде чем отсылать, – усмехнулся Альтан. – Да, я не верю тебе! О нас все узнали мгновенно. По студии тут же поползли слухи. Откуда, по-твоему, они взялись?

– Может, оттуда, – не выдержав, ядовито процедила Виктория, – что ты сам не слишком-то оберегал свою приватность? Напивался и звонил мне из кабаков и с тусовок? По-твоему, этого никто не слышал,

не мог сложить два и два? Вот сейчас, например, ты выясняешь отношения публично. Потом тоже будешь удивляться, почему все в курсе?

– То есть теперь ты меня обвиняешь? – взревел Альтан.

– Я никого не обвиняю. Я вообще не понимаю, что такого уж страшного случилось. Даже если кто-то и узнал... Я что, связь, которой нужно стыдиться? Какая-то уголовница или наркоманка, с которой и появиться рядом нельзя без угрозы погубить свою репутацию?

– Ты – никто! – окончательно рассвирепев, заорал Альтан. – Какая-то писака из страны третьего мира, которую никто не знает! Стареющая русская баба. Что, последний шанс, да? Я не позволю тебе пиариться за мой счет. Убирайся! Вон отсюда! И из моей жизни!

Толкнув Викторию плечом, он ринулся к двери зала, распахнул ее и кивнул головой на выход:

– Проваливай!

– Ну вот что.

Виктория чувствовала, как глаза захлестывает белая ослепляющая ярость, как холодеют виски и кончики пальцев. Она уже не видела замерших вокруг, ловя каждое слово, членов труппы. Режиссера, пытавшегося утихомирить разбушевавшегося актера. Лицо Альтана дробилось и дергалось перед глазами, превращая его в какого-то жестокого паяца, дикого клоуна. В эту минуту ей показалось, будто гнев, поднявшийся внутри мутной душевной волной, смысл из души все чувства к нему, все то сокровенное, теплое и искреннее, что было между ними. Чужой истеричный мужик, распоясавшийся хам, – вот кто стоял сейчас перед ней, указывая ей за порог.

– Я уйду, – негромко, сдерживая клокочущую в горле злость, проговорила она. – Но знай же, что ты – не звезда экрана, не великий драматический актер, ты жалкий неудачник, растративший свой талант на пустые мыльные оперы, а юность и красоту – на пьянство и разврат. И если кому из нас и стыдно показаться рядом с другим, то это мне, а не тебе. Безвольный истеричный придурок, никогда ты не станешь великим артистом, никогда тебе не видать мировой славы. Твой предел – тупые восторженные фанатки в интернете, только для них ты кумир и прекрасный принц. Я уйду. Но имей в виду, что с этого дня не будет

тебе покоя. Ты еще вспомнишь, как обошелся со мной, и горько об этом пожалеешь.

Альтан еще что-то выкрикивал ей вслед, но Виктория уже вышла из зала, сбежала по ступенькам и выскочила на улицу.

Осень в Стамбуле – пора короткая, почти незаметная. И теперь она уже отступила, давая дорогу зиме. По переулкам гулял порывистый холодный ветер, доносивший запах снега с гор. Хмурое холодное небо низко нависло над домами, не пропуская ни единого лучика солнца. Где-то в отдалении ворчало, волнуясь, море.

Виктория глубоко вдохнула прохладный воздух. И снова, и снова – пытаюсь успокоиться. Теперь, когда Альтан не маячил перед ней, бросая в лицо беспочвенные обвинения, злость отступила. И едкая обида затопила ее, мешая дышать. За что он так поступил с ней? Ведь она за эти недели поверила, что стала хоть сколько-то ему дорога. И сама позволила себе увлечься. Да что там, хоть с самой собой можно быть честной? Она влюбилась в него, как наивная восьмиклассница, замирая от восторга, любовалась его красотой, затаив дыхание, следила за его героем на экране, преклоняясь перед талантом, раз за разом сдавая свои позиции. И вот теперь он так жестоко посмеялся над ней, выставил вон, обвинив бог знает в чем.

Виктория, махнув рукой, поймала такси, села на заднее сиденье и только тут, отгородившись от всего окружающего мира, дала волю слезам.

Проклятый Альтан проехался по ней катком. Не пощадил, не пожалел. Не снизошел даже до того, чтобы как-то культурно закончить роман, который, по всей видимости, стал ему в тягость. Растоптал чувства, прошелся по гордости и человеческому достоинству. Осознавать это, как и то, что она сама, как неопытная девчонка, позволила втянуть себя в жестокую игру, подставилась, так искренне потянувшись к малознакомому мужчине, подпала под его невероятное обаяние и придумала себе не имеющих отношения к реальности сказок, было больно. Очень больно.

Разорвав отношения с ней, Альтан, похоже, все силы бросил на то, чтобы развеять курсировавшие слухи о нем и русской писательнице. В светской хронике едва ли не каждый день появлялись фотографии с вечеринок, где он был непременным и самым заметным участником. Виктория не собиралась следить за его жизнью, но снимки, на которых он то отрывался в развеселой компании, то обнимался с очередной пассией на один вечер, выпрыгивали на нее буквально отовсюду. Альтан на них был бледноват – очевидно, сказывались последствия загула, – но неизменно скалился ненавистной ей улыбочкой. И вообще производил впечатление человека, крайне довольного жизнью.

Это тоже не улучшало настроения. Но Виктория была не из тех женщин, кто, пережив любовную драму, уходит в себя и предается самобичеванию. Бунтарская натура требовала спрятать разбитые надежды подальше и доказать всему миру – а прежде всего самой себе, – что сломить ее никому не удастся. Что, несмотря на окончившиеся крахом отношения, она молода, хороша собой, все еще способна сводить мужчин с ума и радоваться жизни. Что ей не больно, нет-нет, ни капельки. Она продолжает жить и получать от жизни удовольствие.

Перевод фильма был окончен. Ее участие в постановке спектакля тоже завершилось. Все гонорары были выплачены, и в принципе в Турции ее ничего не держало, можно было отправляться домой в Россию. Но Виктория не была бы самой собой, если бы не решила в качестве компенсации за пережитое устроить себе небольшие

каникулы. Уезжать оплеванной и поджавшей хвост? Черта с два! Она всем покажет, что жизнь ее после предательства Альтана не окончилась.

Позже, возвращаясь в воспоминаниях к этой точке своего прошлого, она не раз гадала, как могло бы все обернуться, если бы ее дерзкая натура не потребовала удовлетворения. И приходила к выводу, что, вероятнее всего, жизнь ее постепенно вошла бы в привычную колею. Острая боль от оскорбления постепенно затерлась бы, осталась где-то глубоко изредка ноющей занозой. Но в целом все могло бы обернуться куда благополучнее и для нее самой, и для других.

Однако сетовать на прошлые ошибки и бесконечно рисовать в воображении радужные картины несбывшегося тоже было не в ее природе. А потому таким размышлениям Виктория предавалась редко.

В тот же день, когда деньги за работы были получены полностью, она решила отметить успешное окончание проектов в клубе на Истикляль, куда часто захаживала во время своих приездов в Стамбул. У этого заведения был некий богемный флер. Сюда заглядывали в основном представители творческих профессий, съехавшиеся в Стамбул со всего мира. Здесь несложно было встретить известного художника, за чьи картины ценители выкладывали кругленькие суммы, музыкантов набирающей популярность датской рок-группы, знаменитую актрису, только что покрасовавшуюся на красной ковровой дорожке в Каннах. И Виктория чувствовала себя среди этой публики в своей тарелке. Многие были ей знакомы, радостно махали руками, завидев ее в толпе, звали за свой столик, обменивались новостями. В общем, обстановка располагала к непринужденному веселью и дружескому общению.

В ту пятницу в клубе, как всегда, было шумно. Виктория для начала под села к стойке, перекинулась парой фраз со знакомым барменом, выпила полосатый коктейль в высоком бокале. Потом ее позвали за свой стол знакомые, завязалась беседа. Вопросов об отношениях с Альтаном никто не задавал, и Виктория постепенно расслабилась. Вероятно, не так уж широко разошлись слухи об их романе, как Альтану нарисовало его болезненное воображение. Да и известность его, очевидно, была намного меньше, чем ему хотелось думать. По большому счету, всем этим молодым и талантливым хозяевам жизни было наплевать, что за драмы творятся у какого-то

турецкого актера. Никто не собирался уделять им свое драгоценное внимание.

Викторию такой вариант более чем устраивал. Кроме всего прочего, он давал надежду, что вскоре и она сможет воспринимать случившееся как очередной малозначащий жизненный эпизод, перестанет видеть в нем крах единственной, слишком поздно наступившей ее настоящей любви.

Настроение слегка улучшилось, и, еще немного поболтав со знакомыми, Виктория отправилась на танцпол. Кое-кто из компании потянулся за ней следом, и вскоре на площадке образовался кружок. Виктория любила танцевать. Ей нравилось, как музыкальный ритм подчиняет себе тело, заставляет его двигаться в такт. Как музыка захватывает все существо, вытесняя докучающие мысли и сомнения. Нечто подобное она испытывала и когда плыла в море. Отдаться стихии, поймать ее дыхание, не противиться, но следовать за волной, зная, что тело само найдет способ слиться с ней, поймать плавное движение и вознестись на поверхность, к спящему солнцу.

Так было и сейчас. Музыка звучала все громче, плитки площадки, казалось, пульсировали под ногами, вспыхивали и гасли вокруг разноцветные огни. И в этом ярком радостном подчиненном гармонии мире, кажется, не было места ни разбитой любви, ни горьким сожалениям. Знакомые улыбались ей, двигались в такт, кто-то передал высокий бокал с очередным коктейлем. И вроде бы удалось забыться, нырнуть в бушующий водоворот и отдаться течению.

Пристальный взгляд Виктория почувствовала затылком. Нет, даже не затылком, как будто всей кожей, всем своим существом. Кто-то, стоявший позади, смотрел на нее, не отводя глаз. Она не то чтобы всерьез верила во флюиды, в возможность невербального общения, но сейчас поклясться могла бы, что за ее спиной стоит Альтан. Слишком схожее ощущение охватывало ее, когда он смотрел на нее. Тот же импульс, та же энергетика...

Как он здесь оказался? И почему, заметив ее в толпе, не ушел, не побоялся, что их снова увидят вместе, и слухи, которые его так бесили, разгорятся сильнее? Быть может... он пожалел о своем поведении? Возможно ли, что он захотел все вернуть, забрать назад свои жестокие слова и попытаться начать сначала?

Виктория обернулась не сразу. Дождалась, пока очередная музыкальная композиция затихнет, и только после медленно повела головой, бросила взгляд через плечо. Разочарование словно плеснуло в лицо холодной водой. Нет, это был не Альтан. Этот человек лишь смутно напоминал его. Быть может, чуть раскосыми глазами или формой носа... Да, определенное сходство несомненно было. Но в этом мужчине не было ничего легкого, летящего, мальчишеского, что составляло львиную долю очарования Альтана. Ниже его ростом, шире в плечах, он производил впечатление приземистого, возможно, чуть грузного, хотя и не тучного, здоровяка, который крепко стоит на ногах. Волосы – каштановые, как и у Альтана, – не спадали шелковистыми прядями до подбородка, наоборот, были коротко острижены и колко топорщились у висков и над ушами. Тяжелый подбородок придавал лицу хмурое, жесткое выражение.

Нет, этот мужчина определенно не был Альтаном, и все же лицо его было Виктории знакомо. Когда прожектор, вспыхнув белым, ярко высветил его из толпы, она вдруг поняла, где его видела. На фотографии, в фанатском аккаунте инстаграма. Это был брат Альтана. Как он его называл? Ах да, Джан.

Внутри внезапно толкнулось что-то темное, мстительное. Вдоль позвоночника пробежал холодок, всегда означающий, что авантюрная натура подняла голову и потребовала дать ей волю. Виктория развернулась к мужчине, повела плечами, качнула головой, отчего волосы взмыли пшеничной искрящейся волной и распались по спине, и сделала шаг навстречу.

– Потанцуем? – предложила она, безмятежно улыбаясь.

Сколько раз ей доводилось видеть подобное? Как в глазах глядящих на нее мужчин вспыхивает хищный огонек, как ноздри их раздуваются от предвкушения, язык коротко пробегает по пересохшим губам. А затем жертва, наивно считающая себя охотником, сама идет в руки. Джан помедлил пару секунд, как будто не веря, что белокурая красotka обращается именно к нему, и Виктория вдоволь натешилась про себя над его остекленевшим взглядом. Затем вспыхнул свекольным цветом, шагнул вперед и опустил горячие ладони на ее талию. От всей его крепкой приземистой фигуры веяло жаром, неловкие пальцы сминали легкую ткань ее платья. И все же, танцуя с ним, Виктория впервые за последние несколько дней искренне улыбалась. Пускай и

от разгоравшегося внутри мстительного торжества. Интересно будет посмотреть, как перекосит физиономию Альтана, когда он увидит ее вместе со своим братом.

– Вы давно в Стамбуле? Я где-то видел вас, – прошептал Джан, обдавая ее шею горячим дыханием.

Он был чуть ниже рослой Викторией, и, танцуя с ним, она видела его коротко стриженную, присыпанную сединой макушку.

– Вот как? Любопытно, где же? – увернулась от ответа она.

Вспомнилось, как Альтан кричал ей, что его родственникам называют журналисты, спрашивая, действительно ли он собирается жениться на русской. Интересно, относился ли к этим родственникам Джан? Насколько пристально он следил за жизнью брата? И уж не в желтых статейках ли видел ее фотографии?

Но, если это было и так, Джан определенно не связывал лицо с фотографий со встреченной им в клубе прекрасной незнакомкой.

– Наверное, я видел вас во сне, – заключил он.

Виктория едва не фыркнула, слишком уж пафосно-слащавым вышло признание.

– Надеюсь, не в кошмарном? – поддразнила она.

Джан же, не уловив иронии, возразил:

– Как можно! Такая красота бывает только в мечтах или во снах.

– Так, может, вы и сейчас спите? – продолжала подначивать его

Виктория.

– Признаюсь вам честно, я сам все время об этом думаю, – ответил он.

Вот это было, пожалуй, трогательно. Впрочем, в планы Викторией не входило проникаться к Джану какими бы то ни было чувствами. Ее задачей было отомстить Альтану, сделать ему так же больно, как он сделал ей. А Джан... Ну что ж, ему предстояло послужить просто орудием в ее руках. Не самый высокоморальный поступок. Но Виктория никогда и не считала себя святой.

Джан не отходил от нее, пригласил на следующий медленный танец, затем предложил угостить коктейлем.

– А ваши друзья вас не потеряли? – спросила Виктория, прощупывая почву. – Или вы здесь один?

– Я... нет, – неожиданно смешался он.

Проследив в направлении его взгляда, Виктория заметила за одним из столиков компанию, не сводившую с Джана глаз. Несколько мужчин и женщин смотрели на Джана и пораженно перешептывались, изредка бросая сочувственные взгляды на миловидную брюнетку с округлыми формами. Та сидела, бледная, и прожигала Джана оскорбленным взором. Должно быть, в компании она числилась его официальной девушкой.

«Ну что же, – решила Виктория, чувствуя, как ее захватывает знакомый темный азарт. – Поглядим, насколько преданным окажется твой кавалер».

– Знаете, мне уже пора, – сказала она Джану, отставляя на стойку опустевший бокал.

– Что вы? Не уходите! – всполошился тот. – Вечер только начинается.

– Это верно, – многозначительно кивнула она. – Но тут так душно и шумно... Хочется переместиться в более спокойное место.

Наблюдать за внутренними терзаниями Джана было забавно. Взгляд его заметался между ней и обиженной брюнеткой, щеки вспыхнули. Бедняга, кажется, никак не мог выбрать между поступком, достойным честного мужчины, и желанием, которое неудержимо влекло его к роковой блондинке.

– Идите, вас ждут, – подтолкнула его Виктория. – Было очень приятно познакомиться.

Она сделала несколько шагов к выходу, почти не сомневаясь, что брат Альтана последует за ней как привязанный. И совершенно не удивилась, услышав брошенное ей в спину:

– Пойдите! Я с вами!

Несчастливая брюнетка, видимо, окончательно потеряв самообладание, вскочила из-за столика, бросилась к ним и преградила дорогу.

– Джан! – вскрикнула она. – Куда ты? Как ты можешь так со мной поступать?

– Я... – замялся ее недавний спутник. – Извини, я должен...

– Кто эта женщина? – не отставала та. – Ты ведь ее совсем не знаешь.

Виктория, наблюдавшая за сценой объяснения с недоброй усмешкой, вмешалась:

– Решайтесь, Джан. Вы еще можете остаться.

Бедняга Джан мотал головой, словно буриданов осел. Брюнетка заламывала руки и смотрела на него с отчаянием.

– Увидимся в ваших снах, – произнесла Виктория, безмятежно улыбаясь.

И тем самым, видимо, вбила последний гвоздь в крышку Джановых отношений.

– Я ухожу с вами, – решительно заявил он, бросив девушке: – Прости.

И, не оглядываясь, пошел к выходу вместе с Викторией.

Первое время они шли рядом в молчании. Густая южная ночь уже пришла в Стамбул, и задворки Истикляль, по которым они пробирались к стоянке такси, были окутаны тьмой.

– Вы знаете мое имя, – наконец выговорил Джан, искоса глянув на Викторию.

Теперь, когда азарт, подстегивавший ее в клубе, утих, и дурман, вызванный выпитыми коктейлями, рассеялся, ей стало слегка неловко за содеянное. Мужчина, идущий сейчас рядом с ней, не сделал ей ничего плохого и, конечно, не заслуживал, чтобы с ним так поступили – шутя и играя, разрушили его, возможно, многолетние отношения.

– Знаю, – кивнула она. И внезапно, поддавшись порыву, добавила: – Вы были правы, вы могли меня видеть раньше. В прессе. Я знакома с вашим братом Альтаном.

– Ну конечно, – Джан хлопнул себя ладонью по лбу. – Вы та русская, с которой журналисты его едва не поженили, – он негромко рассмеялся. – Только я ни на секунду не поверил, что это правда.

– Не поверили, что ваш прославленный брат может жениться на какой-то русской писательнице? – хмыкнула Виктория.

– Не поверил, что писательница, если у нее есть хоть капля здравого смысла, согласится выйти за Альтана, – возразил Джан. – Да и что он может построить с кем-то отношения дольше чем на пару недель, тоже не поверил. Но, может быть, я ошибся? – Он пристально взглянул на Викторию.

Та, смущенная тем, насколько верной оказался его вердикт, покачала головой:

– Нет, вы были правы. Мы с Альтаном расстались.

Джан кивнул так, словно его это сообщение несколько не удивило.

– Нужно было бы сказать, что мне жаль, но я не буду, – отозвался он. – Потому что мне не жаль. Мой брат – эгоистичный, незрелый, избалованный мальчишка, не способный любить никого, кроме себя; уверенный, что весь мир его не достоин и обязан преклоняться перед его гением. Я только надеюсь, что он не сделал вам слишком больно.

– А вы, похоже, не очень ладите? – заметила Виктория, не став никак комментировать последнюю фразу.

Обсуждать с Джаном, насколько сильное чувство связывало ее с Альтаном и как крепко он прошелся по ее гордости и самооценке, она не собиралась.

– Он мой младший брат, – помолчав, ответил Джан. – Я люблю его больше жизни, нет, наверное, ничего, что бы я ради него не сделал. Вся наша семья очень гордится им. Но я трезво смотрю на вещи и признаю, что женщине, осмелившейся связать с ним свою судьбу, я бы не позавидовал.

Виктория поняла, что против воли проникается симпатией к этому спокойному рассудительному мужчине. Пускай он не обладал ни броской красотой брата, ни его обаянием, ни умением заворожить собеседника и заставить плясать под его дудку, ни талантом. В нем чувствовалось что-то надежное, крепкое и настоящее.

Джан еще некоторое время шел молча, а затем снова заговорил:

– Откровенность за откровенность, идет?

– Давайте попробуем.

– Вы ушли со мной из клуба для того, чтобы отомстить Альтану? Чтобы он узнал об этом и ему стало больно? Я ведь не слепой и прекрасно понимаю, что вряд ли могу увлечь женщину, такую, как вы?

И снова эта его искренность и отсутствие тщеславия – особенно по контрасту с самовлюбленным братом – подкупили Викторию.

– Знаете, я бы солгала, если бы сказала, что вы не правы, – подумав, ответила она. – Я действительно подошла к вам потому, что узнала в вас брата Альтана. Но теперь... – Она помедлила и тепло улыбнулась Джану: – Теперь вы начинаете мне нравиться.

Он улыбнулся в ответ, поймал в темноте ее руку и сжал теплой ладонью.

С Джаном оказалось на удивление легко. Он был полной противоположностью брату. Пунктуальный, вежливый, спокойный. Он не форсировал события, относился к Виктории уважительно и не спешил сокращать дистанцию. В тот первый вечер проводил ее до отеля, церемонно поцеловал руку на прощание и попросил разрешения встретиться с ней еще.

Потом пригласил в ресторан, затем на рок-концерт. Виктории с ним было спокойно. Уязвленное самолюбие, израненное жестоким и неадекватным поведением Альтана, во время встреч с его братом унималось и переставало саднить. Его явная увлеченность, даже некоторое благоговение перед ней – образованной европейкой, писательницей, чьи книги знают и любят во многих странах, действовало как целебный бальзам. Джан много расспрашивал ее о творческих планах, о том, над чем она сейчас работает и как вообще решила попробовать себя в литературе. И по контрасту с сосредоточенным на себе Альтаном это было приятно.

Через несколько дней после знакомства Джан предложил пойти вместе на премьеру «Дяди Вани», спектакля, в котором Альтан играл Астрова. Викторию, разумеется, пригласил на премьеру режиссер, ведь она тоже работала над этой постановкой как консультант. Но поначалу она не думала идти – не хотелось ловить на себе взгляды после скандала, учиненного Альтаном на генеральном прогоне. Не хотела и причинять себе лишнюю боль, наблюдая Альтана на сцене, в который раз с трепетом склоняя голову перед его талантом. Но предложение Джана опять задело внутри авантюрные струнки. Представилось, как вытянется лицо Альтана, когда они вместе подойдут поздравить его с успешной премьерой.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что это будет скандал? – спросила она у Джана.

Тот задумался на секунду, а затем возразил:

– Знаешь, мой брат всегда отличался невоздержанным поведением. И с годами я понял, что нельзя ему в этом потакать. В конце концов, у кого-то же он должен учиться уважительному обращению с женщинами.

– Думаешь, его еще возможно этому научить? – недоверчиво хмыкнула Виктория.

А Джан, поймав ее руку и нежно поднеся пальцы к губам, произнес проникновенно:

– Не волнуйся! Я не позволю ему тебя обидеть.

Что ж, это могло стать забавным приключением. Виктория оделась на премьеру с особой тщательностью. Выбрала светлое платье, простое и элегантное, в душе надеясь, что оно напомнит Альтану их первую встречу. Ведь не может быть, что она так ошиблась в нем. Она писатель, она чувствовала природу людей, понимала ее, иначе не могла бы создавать точных и живых персонажей. А значит, Альтан действительно что-то испытывал к ней. Может быть, она под воздействием собственных чувств преувеличила, разглядела то, чего не было. Но в то, что он все это время оставался совершенно к ней равнодушен, Виктория поверить не могла.

Джан заехал за ней около семи. И, когда Виктория спустилась к нему в лобби отеля, не смог скрыть своего восхищения.

– Ты прекрасна, – шепнул он, осторожно целуя ее в щеку. – Мой брат – полный идиот.

– Сегодня у него будет шанс доказать нам, что это не так, – усмехнулась Виктория.

Уже сидя в зале и глядя на сцену, она почти пожалела о том, что пришла на спектакль. Когда Альтан произносил:

– Надо сознаться – становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян. Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда все нипочем! – в глазах его было столько горькой насмешки над самим собой, столько отвращения к пошлой жизни, сделавшей и из него – тонкого талантливое человека – пьяницу и пошляка, что Виктории казалось, будто он говорит сейчас не за доктора Астрова, а за самого себя.

– А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-богу, в ней нет решительно ничего хорошего. Знаете, когда идешь темною ночью по лесу, и если в это время вдали светит огонек, то не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток, которые бьют тебя по лицу... Я работаю, – вам это известно, – как никто в уезде, судьба бьет меня, не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нет огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю

людей... Давно уже никого не люблю, – тяжело опершись на дверцу бутафорского буфета, говорил Альтан со сцены.

И Виктории хотелось, как раньше, подойти к нему, успокоить поцелуями набрякшие веки, разгладить пальцами морщины на лбу, пообещать, что огонек будет, обязательно будет. Она сама сможет стать для него таким огоньком. И все наладится, он успокоится, тот темный демон, который сжигает его изнутри, заставляет пить, дурно отзываться о людях, делает жестоким и несправедливым, уймется, выпустит его из своих когтистых лап.

Когда спектакль окончился, она, уже забыв о том, как поступил с ней Альтан, искренне аплодировала и кричала «Браво!». Потому что, каким бы он ни был, на сцене он творил великое искусство. И это затмевало все.

– Пойдем, нужно поздравить, – взял ее под локоть Джан.

А Виктория, все еще находясь под воздействием спектакля, в просветленном всепрощающем состоянии души, возразила:

– Может, не стоит? Вряд ли он будет рад нас видеть.

Но Джан решительно повел ее через толпу, за кулисы. Видимо, его знали в лицо как родственника исполнителя одной из главных ролей, потому что никто не остановил их. По дороге Виктория столкнулась с режиссером, тепло поздравила его. И получила в ответ не менее искреннее:

– Без ваших бесценных консультаций спектакль не приобрел бы такой точности и глубины. Мы все очень вам благодарны, и я в особенности. И... – он понизил голос, – от души надеюсь, что вы не приняли близко к сердцу тот неприятный эпизод. Актеры, знаете ли, люди эмоционально нестабильные, перед премьерой нервничают и бывают неадекватны.

– Что вы, все в порядке, – сдержанно улыбнулась Виктория. – Огромное вам спасибо за прекрасный вечер!

С Альтаном они столкнулись, свернув в один из коридоров закулисы. Взъерошенный, покрасневшийся, с испариной на висках, уже без пиджака, но все еще в белой сорочке образца конца XIX века, со съехавшим набок галстуком, он принимал поздравления. Вокруг толпились участники труппы, работники театра, журналисты, какие-то поклонницы, умудрившиеся пробраться за кулисы. Щелкали вспышкой камеры, все галдели, смеялись.

– Поздравляю, брат! Такой успех! – сдержанно проговорил Джан.

Альтан обернулся на голос, увидел их и мгновенно посерел лицом. Викторией до сих пор еще не доводилось видеть, чтобы человек за считанные доли секунды настолько менялся. Только что был усталым, вымотанным, но довольным своей работой, удовлетворенным и купающимся в восхищении артистом и вот уже на глазах превратился в дрожащего от ярости паяца с прыгающей от волнения нижней челюстью.

– Ты... – прошипел он, переводя взгляд с Викторией на Джана и обратно.

И непонятно было, к кому именно он обращается.

– За что ты меня так ненавидишь?

– Я не понимаю тебя, брат, – рассудительно отозвался Джан. – Мы пришли поздравить тебя с премьерой. Нас очень впечатлила твоя игра.

Но Альтан, кажется, ничего не слышал.

– Почему ты с ней? – вскричал он. – Откуда?..

И осекся, с трудом переводя дыхание. Виктория не могла точно определить, что сейчас сквозит в его взгляде. То ли неприкрытая ненависть, то ли затаенная боль.

– А ты? – продолжил он, почти что ткнув пальцем ей в грудь. – Ты решила вот так до меня добраться? Не удалось попиариться на одном брате, переключусь на другого? Лишь бы мелькнуть в прессе, спровоцировать светский скандал?

– Скандал сейчас создаешь ты, – спокойно отметила Виктория.

Внутри снова поднялась клокочущая ярость. Стало стыдно за свои искренние слезы во время спектакля, за порыв все забыть, все простить Альтану во имя его таланта. Ничего не осталось в нем от того чистого, честного, глубоко несчастливого, сумевшего за несколько недель проникнуть в душу человека. Только этот истерично кривящийся рот, дергающаяся, словно в тике, бледная щека, горящие ненавистью глаза.

– Сука! – рявкнул он. – Беспардонная наглая дрянь! Ты...

– Я требую, чтобы ты прекратил оскорблять... мою невесту, – внезапно твердо произнес Джан, выступая вперед и заслоняя Викторией собой.

И пока Альтан, обескураженный, ловил ртом воздух, продолжил:

– Да, я собираюсь жениться на Виктории. Если, конечно, она согласится...

Едкая обида жгла горло, жарко пульсировала в висках. И Виктория, через силу растянув губы в лучезарной улыбке, громко и отчетливо ответила:

– Я согласна.

Свадьбу сыграли скромную. Виктория и Джан просто расписались в мэрии, а затем отметили событие в узком кругу в небольшом греческом ресторане. Приглашать Альтана Виктория не хотела, однако понимала, что для традиционалиста Джана это может быть важно. К счастью, блудный братец так и не появился на торжестве. Родители братьев уже умерли – отец много лет назад, а мать в прошлом году. И в ресторан явились только незнакомые Виктории тетушки, дядюшки, двоюродные братья и сестры. Все они старались держаться светски и все же украдкой буровили Викторину любопытными взглядами.

Атмосфера в ресторане царила теплая, домашняя. От белоснежных скатертей, казалось, пахло уютом, как в детстве в доме бабушки. Сытная пряная еда, терпкое вино, разлитое по пузатым графинам, певучая народная музыка, иногда сменявшаяся стройным хором мужских голосов – когда на сцене появлялся ансамбль, исполнявший греческие песни... Все это окутало Викторину ощущением покоя и умиротворения. Подумалось почему-то, что метания закончены, впереди жизнь тихая, размеренная и... Чем черт не шутит, возможно, счастливая?

Одна из кузин, Идиль, кажется, выпившая лишнего, начала произносить поздравительный тост и неожиданно ляпнула:

– Ваша свадьба такой сюрприз для всех нас. Мы-то думали, что у Альтана роман с русской писательницей. А оказалось, что Виктория выбрала Джана.

Над столом повисло неловкое молчание. Счастливый жених потемнел лицом и буркнул себе под нос:

– Все это сплетни!

А Виктория, осознав, что нужно спасти положение, с широкой улыбкой выдала:

– Журналисты готовы как угодно исказить события, лишь бы родить сенсацию.

Кузина, то ли не сообразившая, что допустила бестактность, то ли, напротив, решившая и дальше изображать милую

непосредственность, расплылась в улыбке:

– В любом случае, все мужчины в нашей семье – настоящие рыцари и красавцы. Так что, с кем бы Виктория ни решила связать свою судьбу, она обязательно будет счастлива. Тем более у нее к тридцати пяти годам наверняка уже есть опыт супружеских отношений. Может, даже и не одних.

Застолье шло своим чередом. Мать, которую Виктория пригласила на свадьбу из России, откровенно скучала, не зная языка. Дядюшки окидывали Викторию восхищенными взглядами и поздравляли Джана. Их, кажется, нисколько не смущал такой скоропалительный брак, наоборот, по их мнению, Джан правильно поступил, что поторопился на законных основаниях заполучить высокую красотку с золотыми волосами. Тетушки укоризненно качали головами и перешептывались.

Одна из них позже поймала Викторию на террасе ресторана и завела проникновенную речь:

– Вся наша семья искренне желает Джану счастья. Он такой внимательный, такой положительный мальчик. Жаль только, что Альтан не смог прийти. Они с братом всегда были так дружны. Неужели из-за всех этих событий между ними пробежала черная кошка?

– Я уверена, все образуется, – отрезала Виктория.

Она решительно отказывалась испытывать чувство вины за разлад между братьями. Тем более, памятуя о том, как Джан отзывался об Альтане и что тот говорил брату, можно было предположить, что не так уж все радужно было между ними и в прошлом.

Мать подошла к ней в самом конце вечера, окинула пристальным взглядом, едва заметно нахмурилась. Обняла и шепнула в ухо:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Конечно, мам, – рассмеялась Виктория. – Я ведь уже большая девочка.

У выхода из ресторана их, как оказалось, ждали вездесущие журналисты. Откуда только они здесь взялись? Ни Виктория, ни Джан не афишировали свадьбу. К тому же они не были звездами и завсегдатаями колонок желтой прессы. Возможно, дело было в том, что о ней недавно писали как о подруге Альтана? И бумагомаракам не терпелось раздуть сенсацию? У Виктории мелькнуло в голове, что раззвонить об их бракосочетании мог Альтан. Черт его знает почему.

Из вредности, из мести... Догадываясь, что внимание прессы им будет неприятно.

Так или иначе, но стоило Виктории и Джану показаться на крыльце, как вокруг защелкали камеры. Какой-то особо наглый писака не побоялся даже сунуться прямо к ним с вопросами:

– Добрый вечер! Вы брата актера Альтана?.. Как вы прокомментируете слухи о том, что у вашей невесты ранее были отношения с вашим братом, актером Альтаном?..

Виктория, краем глаза заметив, как заиграли желваки на щеках Джана, выступила вперед.

– Обращать внимание на слухи – удел людей, не уверенных в себе и внушаемых. Ни я, ни мой муж к таким не относимся. Всего доброго!

Журналиюга отступил. Виктория боялась, что Джана этот инцидент расстроит и разозлит. Однако, как ни странно, она ошиблась. В такси Джан довольно улыбался и блеснул глазами. Что, в общем-то, было естественно для новобрачного. Только вот Виктории показалось, что его радостное возбуждение было никак не связано с ней.

Всю дорогу он сидел, уткнувшись носом в телефон, перелистывал что-то на экране и удовлетворенно хмыкал. Виктория, искоса глянув в экран, увидела на нем их с Джаном фотографию. Сделанную, по всей видимости, только что, на ступенях ресторана. Она – конечно, не в пышном, с кринолином, но во вполне очевидно свадебном платье. Джан в костюме. Под фотографией значилась подпись: «Брат популярного актера Альтана... сегодня сочетался браком с российской писательницей Викторией Стрельцовой». Кажется, Джан просматривал инстаграм, находя все новые и новые упоминания об их свадьбе. И это нисколько его не расстраивало.

Все это было немного странно, ведь он сам настаивал на том, чтобы свадьба прошла как можно скромнее. Впрочем, подумала Виктория, может быть, он не столько не хотел огласки, сколько желал провести церемонию как можно скорее, не тратя времени на пышную подготовку?

Только когда машина въехала в район Джахангир и притормозила у здания, в котором находилась квартира Джана, Виктория вдруг в полной мере осознала, что стала женой этого человека. Что сейчас она войдет в свой новый дом, ляжет с этим почти чужим мужчиной в

постель. Что отныне ей придется согласовывать с ним свои решения, он же будет иметь полное право на ее тело, мысли, планы, деньги... На всю ее жизнь. Об этом говорила мать, когда спросила ее, понимает ли она, что делает. А она... Как ни стыдно это признавать, кажется, не понимала.

Что за странная причуда заставила ее совершить этот скоропалительный поступок? Превратить свою жизнь в пошлый водевиль. Сначала один брат, затем другой... Эта дурацкая не нужная ей свадьба... Она словно превратилась в героиню одного из не самых лучших своих романов. Как можно было в свои тридцать пять, будучи умной опытной женщиной, совершить такой импульсивный поступок?

Впрочем, возможно, все еще было не так плохо, подумалось Виктории, когда Джан, галантно подхватив ее под локоть, ввел новобрачную в свою квартиру. Обхватил горячими руками, прижался губами к шее, прошептал хрипло:

– Я так счастлив.

В конце концов, этот мужчина, кажется, искренне любил ее, уважал, восхищался. А то, что под свадебным костюмом его скрывалось, как оказалось, полноватое тело с пухлым округлым животом... То, что, когда он обнимал ее, перед глазами стояло лицо Альтана, его мальчишеская улыбка, в конце концов, можно было пережить.

Джан долго не выпускал ее из объятий, жадно целовал и перебирал руками по телу. Снова и снова принимался ненасытно ласкать, запускал пальцы в волосы, трогал горячими губами. А после перевернулся на бок и уснул.

Виктория лежала без сна. Все в этой квартире – какой-то неприбранной, неряшливой, обставленной кое-как и заваленной вещами, сброшенной одеждой, каким-то хламом, сырой и холодной, было чужое. Не в силах расслабиться, она думала о том, где сейчас Альтан, чем он занят. Вспоминает ли о ней, жалеет ли о том, что собственными руками разрушил все, что было между ними? Инстаграм его, как обычно, пестрел короткими видео, «сториз», с бурных вечеринок. Сегодняшним днем был датирован только один снимок – кадр с недавней премьеры «Дяди Вани». Альтан в образе доктора Астрова смотрел с экрана, язвительно усмехаясь. И все же за

его усмешкой, в складках у губ, в глубине глаз, виделось неподдельное страдание. «Finita!» – было подписано под фотографией.

В сердце больно кольнуло. Под веками вскипели слезы. Виктория позволила себе лишь минуту, разглядывая фотографию, оплакивать свою не сложившуюся любовь, свою жизнь, отданную чужому человеку. Потом же сунула смартфон под подушку, вытерла глаза и легла, повторяя про себя:

– Пошлый позер. Запутавшийся жалкий истерик.

Все было кончено, и она больше не собиралась плакать об Альтане.

Сказать по правде, ее новая семейная жизнь мало чем отличалась от незамужней. Джан, все короткое время их знакомства бывший внимательным и нежным, теперь, заполучив ее в жены, как будто успокоился, уверился, что она никуда уже от него не денется, и почти перестал обращать на нее внимание.

– Много работы, – говорил он, объясняя свои частые отлучки. – Очень много работы. Не скучай, дорогая!

В подробности своего бизнеса он Викторию не посвящал. Она знала только, что занимается он какой-то коммерцией, кажется, поставкой медикаментов в стамбульские аптеки.

Виктория была не из тех женщин, кто станет требовать, чтобы муж сидел при ней неотлучно. И все же подобное пренебрежение удивляло. Она достаточно знала обычаи турков, чтобы понимать, что такое поведение нетипично. Ведь у них медовый месяц, они должны были бы уехать куда-то. Пускай сейчас осень, но другие пары находили возможность и в это время отправиться в романтическое путешествие. На высокогорные озера, в Каппадокию, просто куда-нибудь, где теплее и еще продолжается бархатный сезон.

Джан же ни словом не обмолвился об этом, исчезал с самого утра, оставив ее в своей захлавленной убогой квартирке. Бывало, что не являлся и на ночь, объяснившись короткой эсэмэской, что пришлось срочно выехать в область.

Все это было странно – и постоянная занятость Джана, и то, что он, едва заключив брак, кажется, совершенно забыл о жене, и условия, в которых, как оказалось, он жил. Не так Виктория представляла себе замужество.

И все же она действительно не скучала – вставала, как привыкла, в шесть утра, выходила позавтракать в ближайшее кафе, работала над новой книгой, которую ждали в российском издательстве, гуляла по городу, уже взятому в плен зимой. В один из дней, привычно спустившись позавтракать в крохотное семейное заведение, она встретила Альтана. Виктория не планировала этой встречи, не следила за его перемещениями в инстаграме. Вообще сразу после замужества приложила все усилия, чтобы забыть об этой странице своей жизни.

Как он оказался здесь, в такой час? Должно быть, вывалился из какого-то клуба, что располагался через улицу, после очередной отвязной вечеринки.

Увидев ее, сидящую за столиком перед блюдом с буреками и стаканом ароматного турецкого чая, Альтан остановился рядом и смерил ее взглядом сверху вниз. За те недели, что они не виделись, он изменился. Побледнел, еще больше похудел. Вообще был абсолютно не похож на себя. На лице резче выступили скулы, а глаза как будто провалились.

«Наверняка виной всему новый загул», – решила Виктория.

– Ну что, довольна? – негромко проговорил он хриплым голосом.

Виктория пожала плечами:

– Вполне.

Смотреть на Альтана, такого близкого и одновременно такого далекого, было больно. В памяти, как нарочно, всплывали те мгновения, когда они были счастливы друг с другом. Его улыбка, одновременно нахальная и ласковая, его руки, губы... Виктория постаралась напомнить себе, что все это было иллюзией. Она просто ошиблась, приняла желаемое за действительное. А на самом деле Альтан ничего к ней не чувствовал. Однако поверить в это отчего-то было сложно, особенно сейчас, когда он стоял перед ней такой потерянный.

– Знаешь... – Альтан говорил негромко, как будто через силу, – что бы ты там ни думала, я не желаю тебе зла. И надеюсь только, что ты не пожалеешь о том, что сделала.

Эти его слова Викторию очень разозлили. Что он имел в виду? Что она должна была и дальше терпеть его отвратительные выходки и смиренно ждать, когда прекрасный принц снизойдет и уделит ей толику своего внимания? А раз не захотела, решила устроить свою

жизнь, теперь обречена горевать и сожалеть о собственной ветрености и о том, что упустила шанс провести рядом с ним, Альтаном, несколько часов, когда ему придет мысль ей позвонить?

– Не волнуйся, не пожалею, – жестко ответила она и одарила Альтана широкой улыбкой. – Я очень счастлива.

Тот ничего больше не сказал, только в последний раз взглянул на Викторию и вышел из кафе.

Джану она об этой встрече рассказывать не стала. Да тот, надо признаться, и не интересовался особенно, как она проводила дни. Виктория все чаще начинала задаваться вопросом, чего ради он вообще на ней женился. Кажется, весь романтический интерес, который у него был к ней, испарился в первые же дни после свадьбы. По сути, они жили, как соседи, изредка встречающиеся за ужином и сухо сообщающие друг другу о последних событиях. Может, Джан, как и она сама, совершил импульсивный поступок, к которому его подтолкнуло давнее напряжение в отношениях с братом? Может быть, он уже пожалел о женитьбе?

А впрочем, возможно, его поведение объяснялось всего лишь проблемами в бизнесе. Виктории часто приходилось слышать, как он вел какие-то нервные переговоры по телефону. Обычно, если звонок заставал его в гостиной или спальне, он успевал бросить только пару отрывистых фраз и тут же выходил в другую комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Случалось, что он после таких разговоров неожиданно срывался куда-то и пропадал на несколько часов. Обсуждать, однако, это отказывался, твердил:

– Не забивай себе голову. Это мои проблемы, и я их решу.

В общем-то, упрекать его в том, что он хочет справляться сам, не вовлекая в неприятности жену, было бы странно. И все же Викторию эта ситуация тревожила.

Однажды, когда Джана в очередной раз не было дома, она, умываясь перед сном, уронила сережку. Опустилась на пол, на четвереньки, стала шарить рукой под ванной, пытаясь нащупать крошечную жемчужину, и вдруг наткнулась пальцами на край выступающей плитки. Виктория наклонилась поближе, посветила себе мобильником. Странно, одна плитка пола действительно слегка выступала над другими.

Конечно, это могли быть просто недочеты ремонта. Но Виктория написала слишком много остросюжетных романов, чтобы поверить в такое простое объяснение. Она попыталась подцепить плитку пальцами, затем пилочкой для ногтей, та не поддавалась.

Виктория уже готова была, рассмеявшись, решить, что у нее профдеформация. А потом вдруг в сердцах стукнула по плитке кулаком. Та на мгновение как будто вдавилась глубже в пол и со щелчком отскочила. Видимо, под ней находился какой-то механизм на пружине. В свете мобильного фонарика Виктория увидела небольшое прямоугольное углубление, в котором лежало несколько пакетов с белым порошком.

Виктория, разумеется, представляла себе, как выглядят наркотики. Да что там, в ее книгах они нередко фигурировали. И все же в первые секунды защитная реакция психики принялась множить успокоительные, хоть и неправдоподобные, версии. Может быть, это лекарство? Или просто какое-то безвредное вещество? Может быть, этот тайник принадлежит не Джану? А... например, остался от прежних хозяев квартиры.

Она села на пол, привалилась спиной к холодному борту ванны и закрыла лицо руками. Какая чушь, боже, какая чушь! Ну она ведь не дура, чтобы заниматься подобным самообманом. Конечно же, это тайник ее мужа, и содержимое его тоже принадлежит ему. Никто и никогда не съехал бы с квартиры, оставив новым хозяевам несколько граммов героина в качестве приветственного подарка. Неужели она могла быть настолько слепой? Но нет, если бы Джан употреблял, она бы заметила. Такое не скроешь, тем более когда люди вместе живут. Следы уколов на теле, неадекватное поведение, неестественная расслабленность, благодушные после дозы и дикая нервозность в поисках новой. Нет, ее муж не был наркоманом, это точно. Но тогда... зачем?

Джан, вернувшийся со своих таинственных бизнес-встреч, обнаружил ее там же, сидящей на полу в ванной. Он застыл в дверях, тяжелым взглядом оглядел помещение. И Виктория даже объяснить ничего не стала, просто кивнула головой на открытый тайник и лежащие в нем пакеты с порошком.

Лицо Джана побагровело, рот искривился, руки невольно сжались в кулаки.

– Зачем ты туда полезла? – с угрозой в голосе прорычал он. – Шпионишь за мной? Вынюхиваешь?

Виктория и слова сказать не успела, как муж грубо вздернул ее на ноги и тряхнул, больно впиваясь пальцами в плечи. Будь она от природы хрупкой тоненькой феечкой, не способной противостоять мужской силе, испугалась бы до полусмерти. Но, к счастью, Виктория отдавала себе отчет, что при своем росте и комплекции сможет справиться с Джаном, а потому, перехватив его запястья, жестко произнесла:

– Убери руки!

Поразительно, но такой отпор подействовал на него, как стакан холодной воды в лицо. Джан заморгал, приходя в себя, ослабил хватку, потом вовсе разжал пальцы и хрипло выговорил:

– Прости... Боже, прости, я совсем потерял голову. Я не сделал тебе больно?

Он принялся судорожно дергать вверх рукав блузки Виктории, пытаясь рассмотреть, не остались ли на коже синяки. Потом прижал ее к своей груди, начал отрывистыми движениями гладить по волосам.

– Прекрати. – Виктория мягко, но твердо отстранилась и пристально взглянула ему в глаза: – Объясни сначала, откуда у тебя героин.

– Да-да, нужно было сразу тебе рассказать... – сокрушенно закивал Джан. – Но я не мог... Пойдем отсюда, пойдем в гостиную. Я объясню.

Виктория позволила ему вытеснить себя из ванной, увидела через плечо, как Джан опустился на колени, пересчитал лежавшие в тайнике пакеты и приладил на место плитку. Затем вышел вслед за ней в гостиную, нервно прошелся по комнате, распахнул дверцу бара и налил им обоим выпить.

– Говори же, – потребовала Виктория. – Только ради бога не держи меня за идиотку и не пытайся внушить, что в пакетах зубной порошок.

– Там героин, ты все поняла верно, – помрачнев, ответил Джан.

Он наконец опустился в кресло напротив нее, отхлебнул из бокала, помял сильными пальцами нахмуренный лоб и выдал:

– Это для Альтана. Я вынужден покупать наркотики для него.

– Что? – ахнула Виктория.

– А чему ты удивляешься? – отозвался Джан. – Ты же знаешь его, видела, какой он избалованный, испорченный богемными привычками мальчишка. Вся его жизнь – погоня за удовольствиями. Странно ли, что в конце концов он добрался и до тяжелых наркотиков?

– Но я... Я не замечала в нем признаков героинового наркомана, – растерянно протянула Виктория. – Он гуляка, пьяница, гашишист, но не героинщик...

Мысленно она лихорадочно перебирала историю своих встреч с Альтаном. Да, он был эмоционально нестабильным, ему были свойственны перепады настроения: то внезапное возбуждение, то вдруг черная депрессия. Он был необязательным человеком, мог не явиться на встречу, не сделать вовремя того, что обещал. Все это было типично для человека, злоупотребляющего алкоголем и гашишем. А признаков героинового наркомана у Альтана однозначно не было. Ни следов от уколов, ни сужившихся в точку зрачков, ни заторможенности, ни мелких нервических движений, вызванных зудом.

– Конечно, не замечала. Он очень хитер и изворотлив, – говорил меж тем Джан. – Понимает, что, если слухи просочатся в прессу, его карьере придет конец. Никто не захочет связываться с торчком. Слава, успех, деньги – все это исчезнет. И поклонницы, которых он так любит использовать и выставлять наутро. Альтан скорее умрет, чем позволит, чтобы это случилось.

– Нет, не может быть... – возразила Виктория. – Ты ошибаешься! Такое не спрячешь, я бы заметила!

– Ты что, не веришь мне? – разъярился Джан. – По-твоему, я способен наговаривать на собственного брата? А ты не интересовалась, чем был вызван спад в его карьере, почему его многие годы приглашали только в мыло? А вот именно этим! Он попался на покупке героина и загремел бы в тюрьму, если бы я его не вытащил. Но слухи на киностудии все-таки просочились. Поэтому сейчас он делает все, чтобы о его зависимости не узнали.

Джан убеждал, приводил факты, о которых она действительно знала – спад в карьере. Альтан сам ей говорил. И все же картинка в голове не складывалась. Поверить, что она не распознала в Альтане героинового наркомана, Виктория не могла. Тут что-то явно было не так.

– Но постой, если все так, как ты говоришь, если он наркоман... – начала она.

Но Джан перебил:

– Что значит «если»? Ты думаешь, я вру?

– Не кричи на меня! – осадила его Виктория. – Я пока еще не обвиняла тебя во лжи. Я хочу разобраться. Если он действительно наркоман, зачем ты достаешь ему героин?

– А что я должен был делать? – взвился Джан. – Я пытался уговорить его лечиться, однажды мне даже удалось положить его в клинику. Но через два дня он оттуда сбежал. Я убеждал его, объяснял, что он угробит свое будущее. Но ты же знаешь его, он никого не слушает. Он уверен, что держит эту зависимость под контролем и может бросить в любой момент. Как все наркоманы. И, в конце концов, у меня просто не осталось другого выхода. Я понял, что лучше сам буду доставать для него наркотики, чем стану постоянно бояться, что он в момент ломки наделает глупостей. Вяжется в какой-нибудь криминал, купит некачественный товар, в конце концов умрет от передозировки. Нет уж, лучше я сам. Как бы больно мне не было.

Джан осушил свой бокал и замолчал, в задумчивости вертя его в руке. Виктория, не в силах усидеть на месте, ходила по комнате, пытаясь все осмыслить. Хорошо, допустим, она оглохла, ослепла, страсть застила ей глаза и она не разобралась, что за недуг сживает Альтана со света. Но если это так, то еще не поздно. Теперь, зная правду, она этого так не оставит. Она добьется, чтобы он лечился...

– Вот что, Джан, – решительно заявила она, подходя к мужу. – Я не могу с этим смириться. Альтан – твой брат, и мне он не чужой человек. И просто молча смотреть, как он гибнет, я не стану.

– Что ты хочешь этим сказать? – Джан подскочил с кресла.

Его всегда такое спокойное лицо исказилось, глаза лихорадочно заблестели.

– Ты должен прекратить покупать для него героин, – твердо сказала Виктория. – Мы поможем ему, вместе. Заставим его лечиться. Пусть сбегает из клиники, мы его найдем и снова туда поместим.

– Ты думаешь, я не пытался? – рявкнул Джан.

– Я знаю, что пытался. Но ты не пытался вместе со мной, – заявила она. – У нас все получится, я уверена.

Ей вдруг показалось, что Джан смотрит на нее с настоящей ненавистью. Глаза его сузились, лицо налилось свекольным оттенком. Он вдруг размахнулся и швырнул в стену бокал, который держал в руке. Тот со звоном разлетелся вдребезги. Виктория, едва успев увернуться от брызнувших в разные стороны осколков, закричала:

– Ты что? Что ты творишь?

– Это ты что творишь? – заорал в ответ Джан. – Кем ты себя возомнила? Думаешь, ты самая умная, самая ловкая? А я – жалкий неудачник, не смог вылечить собственного брата? Я сразу понял, что ты меня презираешь, сразу!

– Прекрати эту истерику, – неприязненно отозвалась Виктория. – При чем тут ты и наши с тобой отношения? Я всего лишь хочу помочь.

– Вот именно, наши отношения тут ни при чем. Потому что ты все еще любишь его. Признайся, любишь, да? А меня ты просто использовала.

Джан разошелся не на шутку. Виктория и сама не поняла, как от обсуждения помощи Альтану они скатились в самый грязный семейный скандал со взаимными обвинениями и битьем посуды. Джан ревел, как разбуженный зимой медведь. Подозревал ее в измене, требовал отчета, куда она ходила и с кем встречалась в те дни, когда он уезжал по работе. Виктория тоже завелась и в долгу не осталась. Кричала, что она у него отчета не требует и что он прекрасно знал о ее отношениях с Альтаном, когда женился, так к чему же теперь эти идиотские сцены ревности.

Они, должно быть, перебудили всех соседей. И через некоторое время, когда скандал перешел в совсем уж безобразную стадию, кто-то начал названивать в дверь. Джан открыл, и Виктория увидела через его плечо пожилую даму, что жила в квартире напротив.

– Безобразие! – возмущалась она. – Такой шум посреди ночи, когда приличные люди уже ложатся спать. Немедленно прекратите, не то я вызову полицию.

Джан смотрел на нее исподлобья и тяжело переводил дыхание. Кажется, визит соседки подействовал на него, он взял себя в руки, пробормотав себе под нос извинения:

– Простите, это больше не повторится.

А затем, закрыв за ней дверь, прошествовал в ванную и сунул голову под струю холодной воды.

Когда он вернулся в комнату, мокрый, взъерошенный, Виктория стояла у окна и, прихлебывая из своего бокала, смотрела на мерцавшую за окном зимнюю стамбульскую ночь. Шел снег, первый снег в этом году. Крупные хлопья, отливая голубым в свете фонарей, кружились в ночном воздухе и медленно оседали на землю. Укрывали купола мечетей, крыши, улицы и дворы, исчезали в черноте ночного Босфора.

Джан осторожно подошел к ней сзади, ткнулся лицом между лопаток. Она почувствовала, как от его влажных волос промокла блузка.

– Прости меня. Прости, – хрипло прошептал он. – Я с ума схожу, когда думаю обо всем этом. Мне тяжело, что у меня... такой брат. Я сорвался и наговорил лишнего.

– Я... тоже переборщила, – признала она, обернувшись в руках Джана и обняла его. – Просто... я хочу попытаться что-то сделать, помочь ему.

– Я понимаю, понимаю, – закивал он. – И ты совершенно права. Давай попробуем еще раз, вместе.

Развернув Викторию к себе, он сжал ее пальцы и потянул за собой, в спальню. И там, расстегивая на ней одежду, покрывая поцелуями плечи и грудь, все шептал:

– Я так люблю тебя... Люблю...

Виктория почувствовала, как гнев, разбуженный в ней поведением Джана, постепенно гаснет, сдает позиции под этой уверенной лаской. Джан опрокинул ее на кровать, гладил, целовал. Виктория обвила руками его шею, потянула к себе, чтобы поцеловать в губы. Но он отчего-то не поддавался, увернулся от ее рук и уткнулся лицом в плечо.

После, запустив пальцы в ее пшеничные волосы и играя прядями, любуясь, как они переливаются золотом в свете лампы, Джан предложил:

– Послушай, мы в последнее время с тобой совсем мало виделись. И на медовый месяц уехать не удалось. Извини меня. И давай завтра бросим все дела и поедем на пикник в горы. Только мы вдвоем. Идет?

Виктория на мгновение задумалась. Признаться, ее злость на Джана еще не прошла и отправляться с ним на романтическую прогулку желанья не было. И все же... Он ведь был ее мужем, и если она не собиралась завтра же с ним разводиться, стоило бы попытаться

все наладить. Тем более... если Джан будет в хорошем настроении, ей, возможно, удастся вытянуть у него больше подробностей про зависимость Альтана и лучше понять, как ему можно помочь.

– Ты за окно смотрел? Метель... – только и возразила она.

– А мы поедem в Болу. Там нет снега, еще продолжается золотая осень, – улыбнувшись, пообещал Джан. – А потом разведем костер, и я тебя согрею.

– Ладно, – кивнула Виктория. – А теперь давай спать, раз завтра нам рано подниматься.

Утром между ними все еще чувствовалась неловкость после вчерашней ругани. Джан был явно напряжен, нервничал, порой отвечал грубо и нетерпеливо. И тут же одергивал сам себя и извинительно обнимал Викторию. Ее же подобное поведение раздражало и тревожило. Если Джан все еще злился на нее, зачем предложил эту поездку? И почему он так старается скрыть свое раздражение? В конце концов, ничего непоправимого не случилось бы, если бы они дали друг другу время остыть и провели ближайшие дни порознь. Но, может быть, Джан просто боялся ее потерять, потому и спешил уладить конфликт?

За окном стоял хмурый зимний день. Оделись они тепло. Джан натянул темную куртку, обмотал шею шерстяным полосатым шарфом. Виктория прихватила даже перчатки и шапку. Собрав все необходимое для пикника, они вышли из дома с объемными сумками. Во дворе навстречу им попала вчерашняя карга, приходившая ругаться на шум. Джан как раз в этот момент что-то грубо ответил Виктории, она огрызнулась. И соседка смерила их подозрительным взглядом.

– Как вам спалось? – ядовито спросила ее Виктория. – Не очень расстроились, что не пришлось вызывать полицию?

Старуха неодобрительно поджала губы и процедила:

– В следующий раз вызову обязательно. Окрутила парня, шельма бесстыжая. Житья от вас нет, лезете в Турцию.

Виктория отвернулась, забросила сумку в багажник и села в машину. Джан опустил ся рядом, на водительское место. Автомобиль, взревев, полетел вперед. Виктория же, глянув в зеркало заднего вида, заметила соседку. Та смотрела им вслед, покачивала головой и что-то злобно бормотала себе под нос.

Место, куда Джан привез ее, оказалось и в самом деле очень красивым. Расположенная на северо-западе Турции провинция Болу представляла собой природный райский уголок. Горные склоны, поросшие лесом. Осенняя листва, отливающая под солнцем рыжим и золотым, а стоит налететь ветру, вдруг устраивающая дивный танец, опадая на землю. Небольшое вытянутое между горных отрогов озеро, в чистой воде которого отражалось поселение, располагавшееся на противоположном берегу, – белые домики, черепичные крыши.

Оставив сумки с вещами в маленькой гостинице, Джан и Виктория двинулись дальше в горы, в поисках уединенного места для пикника. Выбрать было трудно, за каждым поворотом, казалось, скрывалась местность еще более живописная. В конце концов они все же припарковали машину на расчищенной площадке у горной дороги, а дальше пошли пешком. И вскоре выбрали полянку, окруженную золотящимися под солнцем деревьями, с которой открывался чудесный вид на обрывистый склон и лежавшее внизу синее озеро.

Дождавшись подходящего момента, когда Джан, разомлев от вкусной еды и царившей кругом безмятежности, растянулся на циновке, Виктория решила попробовать осторожно выпытать у него то, что ее тревожило.

– Послушай, я много думала о том, что ты вчера мне рассказал... – начала она. – А давно он употребляет?

– Ммм... – сонно протянул Джан. – Кто?

– Альтан. Твой брат.

Джан переменялся в лице и резко, будто и не задремывал только что, подскочил с земли.

– Я что, не могу и нескольких часов провести, не вспоминая о нем? Я привез тебя сюда, чтобы побыть вдвоем. Но это бесполезно, теперь я вижу. Он всегда будет стоять между нами.

– Да что ты опять заводишься? – возмутилась Виктория. – Мы же договорились вчера, что попробуем что-то сделать вместе. И я пытаюсь понять...

– А я пытаюсь понять, как тебе хватает наглости! – рявкнул Джан и внезапно бросился на нее.

Виктории вдруг стало страшно. Одно дело было давать Джану отпор в городской квартире, где по соседству находилось множество людей и в любой момент можно было вызвать полицию. Но здесь, в этих пустынных, диких местах никто не придет ей на помощь.

Виктория отшатнулась, и кулак Джана, уже занесенный над ней, врезался в поросший мхом камень. Он взвыл от боли и, кажется, распалился еще сильнее.

– Джан, ты не в себе! – выкрикнула Виктория и, ускользнув от его рук, бросилась прочь. – Опомнись!

Очевидно, она недооценила глубину эмоций, которые вызывал в ее муже родной брат. Теперь стало ясно, что порой самое невинное упоминание о нем может пробудить к жизни чудовище. Позже Джан будет каяться, исступленно целовать ее и не верить, что оказался способен на такое. Но сейчас он не контролировал себя, и нужно было спастись.

Виктория забежала за выступ скалы и притаилась, присев за густыми кустами. Ей было видно, как Джан выскочил из-за каменной глыбы вслед за ней и замер, озираясь по сторонам. Взгляд его был темным, тяжелым – взгляд хищника, почуявшего жертву.

«Что делать?» – лихорадочно соображала Виктория. Бежать к дороге? Но это далеко, она не дойдет туда пешком. Прятаться и ждать, когда Джан успокоится? Но кто знает, сколько на это потребуется времени? Может, попытаться добраться до машины и запереться в ней? Если стащить ключи из корзины для пикника, Джан не сможет добраться до нее снаружи, второго комплекта у него с собой нет.

– Что, думала обвести меня вокруг пальца и у меня за спиной крутить роман с моим же братом? – ревел Джан, рыская вокруг. – Сколько раз ты с ним встречалась после нашей свадьбы? Признавайся!

Приняв решение, Виктория дождалась, пока Джан отойдет подальше и тихонько выскользнула из кустов, на всякий случай прихватив с собой тяжелую толстую палку. Она надеялась, что отбиваться ей не придется, и все-таки запастись оружием стоило.

Под ногой треснула сухая ветка, Джан повел головой и заметил Викторию.

– Ах вот ты где? – рявкнул он. – Ну что же ты, родная, иди к любящему мужу!

Виктория, собрав все силы, бросилась в ту сторону, где остались их вещи. Добраться туда по той же тропе у нее не вышло бы, этот путь отрезал догонявший ее Джан. И она решила попробовать обойти с другой стороны – там, где узкая дорожка вилась по самому краю серпантина.

Одной рукой держась за шероховатый, поросший ползучими растениями каменный склон, Виктория, задыхаясь, пробиралась над пропастью. Бежать здесь, конечно, не получалось, и вскоре Джан настиг ее. Перехватил, притиснул к горному уступу.

– А ведь я полюбил тебя, – простонал он, заглядывая ей в лицо. – По-настоящему полюбил. А ты...

– Милый, ну что ты, – вложив в дрожащий голос всю нежность, обратилась к нему Виктория, как к развоевавшемуся ребенку.

Вот так, усыпить его бдительность, а потом... Джан обхватил руками ее шею – то ли страстно обнимая, то ли пытаясь задушить. По красному лицу его струился пот, взмокшие волосы прилипли к вискам.

У Виктории потемнело перед глазами, в воздухе заплясали «мухи», зазвенело в ушах.

– Отпусти меня, любимый, – прохрипела она, чувствуя, что еще немного – и потеряет сознание. – И все будет хорошо, у нас все будет хорошо.

Джан недоверчиво глянул на нее, но ослабил хватку. И Виктория, воспользовавшись долей секунды, замахнулась и изо всех сил ударила его палкой по виску. На это усилие ушли последние остатки воздуха, что еще были у нее в легких. Она успела услышать только сдавленный хрип Джана, ощутить грохот сорвавшихся в пропасть камней, а затем все померкло.

Приходила в себя Виктория медленно. Поначалу не могла понять, почему ей так холодно и все тело ноет, словно после тяжелой тренировки в спортзале. Приоткрыла глаза, увидела качающуюся перед лицом травинку. Ощупала пальцами ссадину на щеке.

Потом, обнаружив, что лежит на самом краю вьющейся по горному склону тропинки и нога ее свисает над пропастью, откатилась в сторону. Опираясь руками о камни, села, огляделась вокруг. Начинало темнеть, вокруг уже сгущались серые зимние сумерки. Джана нигде не было, лишь на шипах ползущей по уходящему отвесно вниз склону горной колючки болтался его полосатый шарф.

– Значит, вы утверждаете, что потеряли сознание?

Стамбульский следователь смотрел на нее, не мигая. Лицо у него было немолодое, усталое, изборожденное длинными глубокими морщинами. Но глаза, темные, цепкие, горели огнем.

– Я... Да, я, видимо, упала в обморок. По крайней мере, я ничего не помню...

Допрос, начавшийся в два пополночи, продолжался уже несколько часов. В висках у Виктории гудело, голова тяжело клонилась на грудь. Больше всего ей сейчас хотелось упасть куда-нибудь – хоть на плиточный пол участка – и уснуть. Она несколько раз набирала номер своего адвоката, но та не отвечала. Должно быть, спала, вырубив телефон.

– Интересно...

Следователь придвинул к себе клавиатуру компьютера, напечатал что-то. Затем потер лоб и снова впери в Викторию пронизывающий взгляд.

– И сколько же времени вы пролежали без сознания?

– Я уже говорила, я не знаю, – с раздражением произнесла Виктория. – Наверное, долго. Когда я пришла в себя, начинало темнеть.

– Вы попытались после отыскать вашего мужа? – Следователь сложил руки на груди и откинулся на спинку кресла.

– Н-нет... – не сразу ответила Виктория.

– Почему? – поднял брови он.

– Я... я была в шоке.

Виктория зажмурилась от нахлынувших воспоминаний. Перед глазами всплыло красное, искаженное яростью лицо Джана. Его губы, выплевывающие оскорбления. Крупные руки, сжимающие ее шею.

– Я очень испугалась. Он напал на меня и... У меня в голове была только одна мысль: «Бежать, спастись...»

Следователь покивал.

– И что же вы сделали дальше? После того как пришли в себя?

– Я добралась до нашей стоянки, села в машину и поехала в деревню, где мы остановились.

– Вот как? То есть вести машину вы были в состоянии? А попытаться найти мужа – нет?

– Послушайте! – Виктория сжала пальцами виски, пытаясь унять головную боль. – Я вам уже объясняла: мой муж набросился на меня, пытался ударить, задушить. Я была в панике...

– Я понял. Вы очень настойчиво мне это объясняли, – усмехнулся следователь и внес еще какие-то пометки в документ, открытый на компьютере.

Виктория понимала, что он не верит ей, но понятия не имела, что сказать в подтверждение своей версии. Она действительно очень плохо, обрывочно помнила все, что случилось после того, как она пришла в себя. От потрясения она действовала на чистых инстинктах, почти не отдавая себе отчета в том, что делает. Обнаружила, что Джана поблизости нет, что ничто ей не угрожает, бросилась назад, к машине. Нашла оставленную у остывающего костра сумку, трясущимися руками вывалила ее содержимое на землю, почти на ощупь – вокруг стремительно темнело, к тому же начался дождь – выхватила ключи от автомобиля. Затем села за руль и погнала обратно, в то селение на другом берегу озера, где они сняли номер в гостинице.

И, только когда за окнами машины замелькали тихие улицы поселка, задумалась вдруг, что, собственно, она теперь намерена делать. Вернуться домой? Нет, нет, в эту дыру она не сделает больше и шагу. Ведь рано или поздно явится Джан, набросится на нее и тогда... Так. Стоп. А где, собственно, Джан?

Лишь в ту секунду Виктории пришло в голову, что она понятия не имеет, куда подевался ее муж. Не мог же он спуститься с гор пешком, без машины... Значит, он все еще там? И она бросила его одного в глуши? Но будь он там, он бы не оставил ее валяться на краю пропасти без сознания. И шарф... Почему его шарф висел внизу, зацепившийся за колючку на каменистом склоне?

Виктория отъехала к обочине, включила аварийку и задумалась. Дождь разошелся не на шутку, лил сплошным потоком, и ночные огни деревни за окнами дробились и дрожали разноцветными бликами. В горах сейчас, наверное, было страшно. Виктория вытащила

мобильный и набрала номер мужа. Долго слушала длинные гудки. С каждой минутой все отчетливее понимая, что случилась беда.

Нужно было собраться. Понять, что делать дальше. И Виктория позвонила адвокату, женщине по фамилии Озтюрк, с которой давно сотрудничала. Та вела все ее дела в Турции, проверяла договоры с издательствами и знала все обстоятельства Виктории. Выслушав ее историю, она помолчала, затем скомандовала:

– Срочно поезжай в больницу. Зафиксируй синяки, ссадины, все, что есть.

– Я хотела сначала в полицию... – возразила Виктория.

Но та была непреклонна:

– Сначала в больницу. Затем в полицию. Я выезжаю, буду через несколько часов. Без меня ничего не подписывай.

Через час, с уже обработанными царапинами и с медицинской справкой в сумке, Виктория гнала к ближайшему полицейскому участку.

– Послушайте! – прокричала она сонному дежурному, ворвавшись в помещение. – Мой муж заблудился в горах! Необходимо срочно начать поиски.

И вот прошло уже больше недели. А Джана до сих пор так и не нашли. Ни живого, ни... мертвого. Начавшийся в тот вечер ливень вызвал горный обвал, и поначалу полицейские, отводя глаза, говорили Виктории, что в такой ситуации найти человека – или его останки – может быть очень нелегко. Смыло проходящим селем, засыпало камнями... В конце концов, их могли растащить горные волки...

С каждым днем сочувствие на их лицах становилось все менее заметным. А взгляды, которыми они одаривали Викторию, были все тяжелее и подозрительнее. И вот сегодня утром ей объявили, что поиски решено приостановить. Виктория, посоветовавшись с адвокатом, вернулась из Болу в Стамбул, в ставшую ей ненавистной квартиру Джана. Однако сразу решила ничего не предпринимать, дать себе хотя бы сутки на то, чтобы отдышаться и прийти в себя.

Однако этих суток у нее не оказалось. Посреди ночи ее разбудили звонком в дверь. На пороге оказался наряд полиции во главе с низкорослой коренастой женщиной-полицейским, объявившими, что ей придется проехать с ними в отделение для дачи показаний. Адвокат

на звонки не отвечала – и Виктория понимала, что дозвониться ей до утра вряд ли удастся. Однако ехать в участок все же пришлось, и по дороге она успокаивала себя мыслями, что прекрасно помнит наставления юристки и не наговорит до ее приезда ничего лишнего.

Вот так она и оказалась в этом пропахшем застарелым табачным дымом и почему-то с сырой штукатуркой на стенах участке. Где следователь с неприятным въедливым взглядом снова и снова задавал ей одни и те же вопросы.

– Почему вы не попытались дозвониться до мужа сразу, еще когда находились в горах? – снова привязался он.

– Да сколько же можно! – не сдержавшись, вскричала Виктория. – Я сказала вам, я плохо соображала. К тому же там все равно не брала мобильная связь.

– А по приезде в деревню вы сразу же обратились в полицию? – спросил он.

– Что? – заморгала Виктория. – Нет, я... Я сначала поехала в больницу.

– Собственное здоровье показалось вам важнее, понимаю, – с издевкой покивал следователь. – Вот у меня в компьютере есть копия медицинского заключения. Тут сказано, что вам были нанесены легкие телесные повреждения. Синяки, ссадины... Все верно?

– Верно, – кивнула Виктория.

– Характер этих повреждений говорит о том, что вашей жизни поведение мужа не угрожало, – снова вперился в нее взглядом следователь. – Возможно, он толкнул вас, грубо схватил. Но убить он вас не пытался. В противном случае вы бы легкими синяками не отделались. Если, конечно, допустить, что эти травмы в принципе нанес вам супруг, а не вы сами...

– По какому праву вы так со мной разговариваете? – взвилась Виктория. – Вы что, обвиняете меня в том, что я недостаточно сильно пострадала от побоев мужа?

– Да нет, обвиняю я вас не в этом... – едва слышно протянул следователь. И, не дав Виктории опомниться, задал новый вопрос: – Скажите, а что спровоцировало такую вспышку агрессии со стороны вашего супруга?

– А какая разница? Это важно?

Виктория медлила с ответом, пытаясь наскоро выдумать удобоваримую версию. Нельзя ведь было рассказывать этому уроду, кажется, задавшемуся целью ее доконать, об Альтане и его наркозависимости.

– Мы просто повздорили. Не сошлись во мнениях по поводу... фильма, который недавно вместе смотрели.

– Вот как? – вздернул лохматую бровь следователь. – То есть вы хотите сказать, что ваш супруг был человеком вспыльчивым? Легко терявшим самообладание? Забавно, а из показаний его родственников складывается совершенно другое мнение.

– Может быть, с родственниками он лучше себя контролировал? – отбрила Виктория.

Но следователь тут же огорошил ее новым вопросом:

– Госпожа Стрельцов, скажите, вы с мужем часто ссорились?

– Да нет, не то чтобы...

– А вот ваша соседка, госпожа... утверждает, что из вашей квартиры часто доносились крики и шум. По ее словам, вы с мужем скандалили, мешая ей отдыхать. И последний подобный инцидент произошел как раз накануне исчезновения Джана.

– Старая карга... – прошипела Виктория сквозь зубы. – Да, мы... Мы немного повздорили. Но ничего серьезного не было.

– А вы когда-нибудь обращались в полицию? Заявляли на мужа за грубое обращение? – не отставал следователь.

– Нет.

– Почему же? По вашим словам, получается, что ваш супруг был человеком до такой степени вспыльчивым и несдержанным, что вы опасались за свою жизнь. Однако ни разу не попробовали урегулировать ваши конфликты законным путем.

Виктория взяла со стола пластиковый стаканчик, в котором в начале допроса ей принесли воду. Сделала несколько глотков, пытаясь сообразить, как лучше ответить на этот вопрос. Не рассказывать же этому уроду, что Джан ни разу не проявлял по отношению к ней агрессии до того, как речь зашла об Альтане. Не хватало еще, чтобы и его приплели к этой абсурдной истории.

– Дело в том, что... До того рокового дня я не представляла себе, как сильно он может разъяриться.

– В самом деле? То есть вы пытаетесь меня убедить, что ваш кроткий и спокойный супруг в горах, без всякой на то причины, неожиданно впал в буйство и попытался вас убить? Что-то здесь не сходится, госпожа Стрельцов. Либо вы не называете мне настоящей причины вашей ссоры, либо лукавите насчет характера вашего мужа.

У Виктории уже не осталось сил лавировать, уклоняясь от хитрых вопросов следователя. Она ужасно устала. Казалось, сейчас проще было бы согласиться со всем, взять на себя любую вину, лишь бы ее оставили в покое.

Последние десять дней измучили ее. Навязчивые мысли о том, что, если бы она попробовала поискать Джана сама или обратилась за помощью сразу же, не послушав адвоката, все еще могло бы закончиться хорошо. Постоянные сомнения: а вдруг он еще жив? Вдруг обвал запер его в какой-нибудь горной расселине, в пещере? И он там медленно умирает от голода и ранений, без надежды на помощь? Что бы он ей ни сделал, смерти Джану она не желала. Тем более мучительной смерти. Родственники Джана, одолевавшие ее звонками, то рыдали, то засыпали обвинениями. Альтан так ни разу и не появился. Страшнее было уничтожающее чувство: «Вот теперь он точно меня ненавидит. Ведь по моей вине пропал его брат...»

– Возможно, ваш супруг приревновал вас к кому-то? Потому и отреагировал так агрессивно? Что вы на это скажете, госпожа Стрельцов? – не отставал полицейский. – После свадьбы вы поддерживали отношения с вашими давними знакомыми? С холостыми мужчинами?

– Моему мужу не к кому было меня ревновать! – уже не владея собой, заорала Виктория. – Потому что я ему не изменяла! Что бы вы обо мне ни думали.

– Хорошо-хорошо, – примирительно развел руками следователь. – Скажите, а этот предмет вам знаком?

Он вдруг развернул компьютер экраном к ней, и Виктория, холодея, увидела крупным планом сфотографированную палку, которой ударила Джана по голове.

– Не узнаете?

Виктория подавленно молчала, разглядывая снимок. Палка была темная, корявая и явно выпачканная чем-то на конце. Она совершенно забыла про нее. Вообще их драка с Джаном помнилась очень смутно, и

только сейчас в памяти вдруг возникло ощущение сухой коры, трущейся о ладонь, и то, как она из последних сил замахнулась.

– Странно... – издевательски протянул следователь. – А ведь вы эту вещь точно держали в руках, на ней остались ваши отпечатки пальцев. А с другой стороны – следы крови. И результат экспертизы показывает, что это кровь вашего мужа.

«Нужно срочно взять себя в руки», – твердила себе Виктория. Реальность навалилась на нее неподъемной ношей. Мир вокруг затеял какой-то дьявольский хоровод, земля уходила из-под ног. Нужно было что-то делать, бороться. Придумать линию поведения, которая докажет, что она ни в чем не виновата. Хотя этот мерзкий дотошный служака уже явно решил иначе.

– Интересная вырисовывается картина, не правда ли?

Следователь, ухмыляясь, подался вперед, навалился локтями на стол и уставился на нее. Виктории казалось, что ей нигде не укрыться от его черных, огнем прожигающих глаз.

– Вы скоропалительно выходите замуж за человека, с которым едва знакомы. Живете с ним не дружно, много ссоритесь, что подтверждают ваши соседи. Однако брак не расторгаете и в полицию о жестоком обращении не заявляете. После очередного громкого скандала вы с ним уезжаете в горы. Там ваш супруг получает ранение палкой, на которой находят ваши отпечатки пальцев. И пропадает. Притом о его исчезновении вы заявляете только вечером того же дня, а где находились и чем занимались в предшествовавшем временном промежутке, объяснить не можете. Любопытно, не правда ли?

Виктория поняла, что каждое новое ее слово, любое объяснение, которое она бы ни привела, только сыграет этому черноусому палачу на руку. Он вывернет его в свою пользу. Он уже решил для себя, что она убила мужа, и теперь не отступится от своей версии, пока не получит неоспоримого опровержения. А у нее его не было.

– Я буду говорить только в присутствии своего адвоката, – наконец выговорила она.

Наверное, так и нужно было поступить с самого начала. Отказаться отвечать на любые вопросы, дождаться утра, когда адвокат включит телефон, узнает обо всем и примчится сюда. Она так этого не оставит, поднимет шум, подключит российское консульство. Но

Виктории казалось, что ничего серьезного ей угрожать не может, ведь она не убивала Джана, не убивала...

– Как угодно, – сухо бросил следователь, кажется, недовольный тем, что такое веселое развлечение, которому он отдавался со всей душой, заканчивается. – Только общаться с ним вы будете уже не здесь. Я вынужден арестовать вас по подозрению в убийстве вашего мужа Джана... и сокрытия с места преступления.

Вот так и рухнула вся ее привычная жизнь. В тот день, в тесном полицейском участке, провонявшем застарелым табачным дымом и сырой побелкой. Надломилась несущая конструкция, а дальше все только разваливалось стремительнее, поднимая вокруг тучи пыли и грязи.

Разумеется, утром явилась защита, отчитала Викторию за то, что та вздумала общаться со следователем сама, развила бурную деятельность. Твердила Виктории, что они затеют шумиху, что турецкая и российская общественность ее поддержат, читатели отстоят. В конце концов, не зря же она – адвокат, специализирующийся на защите прав женщин, видная феминистка и общественный деятель.

Однако время шло, следствие продолжалось, и, в конце концов адвокат объявила Виктории, что доказать ее непричастность не получится.

– Будем напирать на то, что это была самозащита. Убийство в состоянии аффекта, – объясняла она. – К счастью, ты меня послушалась и взяла медицинское заключение. Не переживай, мы добьемся максимально мягкого приговора...

– Но я же не убивала его! Не убивала! – в ужасе воскликнула Виктория.

Она до последнего не в силах была поверить в то, что этот кошмар действительно происходит с ней. Как могла она, известная писательница и переводчик, успешная самостоятельная женщина, не знавшая проблем серьезнее разбитого сердца, угодить в такую ситуацию? Это же бред какой-то, она не убивала мужа, она вообще не убийца... Но в этот момент тонкий противный голосок, откуда ни возьмись появившийся в голове, вдруг начинал донимать: «Уверена? Точно знаешь, что не убийца? Ведь ты ударила его по голове, ударила изо всех сил. Что, если проломила височную кость? Или если он

потерял сознание и рухнул в пропасть? Ты ведь даже не удосужилась поискать его, когда пришла в себя».

Виктория пыталась заглушить его чем угодно. И все-таки приходилось признаться себе, что она действительно могла убить Джана. Непредумышленно, но могла... И от этого сознания настаивать на своей невиновности было все труднее.

Стойкости не добавляли ни ужасающая духота общей камеры предварительного заключения, ни уверенность адвоката, что, если она будет отстаивать свою невиновность, ей дадут лет 25 строгого режима, в ее же варианте шансов больше. Ни измученное, совершенно потерянное лицо матери, пару свиданий с которой сумела выбить. И в конце концов. Виктория сдалась, согласилась с аргументами юриста.

Хорошо, пускай. Пускай ее признают виновной. Она не станет отпираться. Все подтвердит. Какая разница, в конце концов? Все равно для Альтана она теперь навсегда останется убийцей его родного брата.

В день суда перед зданием дежурили журналисты. И как только бронированная машина, в которой привезли Викторину, затормозила перед служебным входом, защелкали камерами, засыпали вопросами ее и конвойных, пытавшихся всех разогнать. Виктории же невольно вспомнилась ее свадьба. Ведь это было совсем недавно, не прошло и двух месяцев. Их с Джаном тогда вот так же атаковали – мелькали вспышки, сыпались нахальные вопросы. Могла ли она подумать тогда, что вскоре окажется вдовой, подозреваемой в убийстве собственного мужа?

Суд продолжался несколько дней. Адвокат добилась закрытого заседания, и потому в зале не было ни зевак, ни журналистов. Виктория, измученная, почти утратившая надежду на спасение, в каком-то сомнамбулическом состоянии слушала показания свидетелей. Старухи соседки, кухни Джана, присутствовавшей на их свадьбе, каких-то случайных прохожих, которые видели их машину в день предполагаемой гибели Джана.

В один из дней в зале суда, в той его части, где сидели свидетели, появился Альтан. Виктория, находившаяся на противоположной половине помещения, рядом с адвокатом, вздрогнула, встретившись с ним глазами. Он снова показался ей бледным и осунувшимся, как тогда, в кафе. Теперь, пожалуй, выглядел даже более потухшим.

Совершенно не похожим на себя прежнего. Что ж, у него ведь погиб родной брат... А бывшая любовница оказалась его убийцей...

Виктории очень страшно было прочитать в его взгляде обвинение. Однако в те несколько секунд, когда глаза их встретились, осуждения она не увидела. Только глубинную безысходную тоску. Будто бы Альтан разом постарел лет на десять, разуверился в том, что в жизни еще может быть что-то хорошее, и махнул на себя рукой.

Затем Альтана вызвали для дачи показаний. И Виктория замерла, осознав, что для нее наступила самая страшная минута этого процесса. Сейчас он обольет ее грязью, повторит все те мерзости, что бросал ей в лицо. Назовет убийцей, скажет, что ненавидит ее. И все будет кончено.

Альтан поднялся на кафедру, скупое ответил на вопросы прокурора, затем адвоката. Говорил он, не поднимая глаз, глядя в полированную поверхность кафедры. И лишь в конце, снова взглянув на Викторию, четко произнес:

– Я уверен, что все это трагическая случайность. Мой брат... – он осекся и через силу выговорил: – ...был крепким мужчиной. Не думаю, что женщина могла бы нанести ему серьезные увечья. К тому же я знаю Викторию, она – не убийца.

Виктории показалось, будто в зал суда внезапно заглянуло солнце. Развеело сумрак, окутывавший помещение, осветило весь мир новыми красками. Альтан не считал ее убийцей, понимал, что все это – бред. Он верил ей.

Почему же она так легко сдалась, позволила увлечь себя в эту воронку? Только теперь, ободренная, она начала вдруг понимать, сколько ошибок допустила. Почему не попыталась в самом начале позвонить тому же Альтану, попросить у него защиты? Почему не попросила мать связаться со своими турецкими знакомыми? Например, Мустафа... крупный бизнесмен, которому ее однажды представили на светском мероприятии. Он вроде бы симпатизировал ей, к тому же, по слухам, которые пересказал ей на ухо знакомивший их деятель культуры, был связан с мафией. Уж, наверное, такой влиятельный человек смог бы помочь ей. Почему же она не догадалась к нему обратиться? Неужели все эти дни была так придавлена осознанием того, что Альтан ее ненавидит? И лишь теперь, убедившись, что это не так, начала мыслить ясно?

Так или иначе, но теперь рассуждать было уже поздно. К тому же через несколько часов стало понятно, что показания Альтана ничего не изменили. Суд, удалявшийся для обсуждения приговора, вернулся в зал. Виктория, затаив дыхание, вглядывалась в лица чиновников, надеясь прочесть по ним свое будущее. Бледная мать, сидевшая в зале, нервно обмахивалась носовым платком. Альтан неотрывно смотрел на нее с другого конца зала.

– Суд постановил, – скрипучим голосом объявили с кафедры, – признать госпожу Викторию Стрельцов виновной в убийстве супруга Джана... и приговорить к десяти годам заключения в колонии строгого режима.

Это был конец. Крах жизни, финал, предугадать который Виктория никак не могла. Все, что произошло после вынесения приговора, осталось в памяти короткими яркими вспышками. Опрокинутое искаженное лицо матери, в секунду превратившейся из бодрой молодавой женщины в измученную старуху. Собственный истощенный крик, потонувший в гомоне голосов присутствовавших на суде. Взгляд Альтана, отчаянный, исполненный муки. Ей показалось даже, что в глазах его, веселых зеленых глазах, которые она так любила, блеснули слезы. Лязг наручников, конвой, волокущий ее, бьющуюся в их руках, в камеру. Машина с зарешеченными окнами, в которой ее доставили в пересыльную тюрьму закрытого типа, где Виктории предстояло ждать этапа. Общая камера, раскаленная, провонявшая человеческими испражнениями, где одновременно находилось около пятидесяти женщин.

Никаких мыслей, никаких соображений о том, что делать дальше, в голове не осталось. Внутри набатом звучало лишь одно слово: «Конец! Конец...» За что судьба поступила с ней так? За то ли, что она предала себя, поддавшись обиде, саднящему уязвленному самолюбию, вышла замуж за мужчину, которого не любила? Или всему виной было то, что она, в свои тридцать пять, влюбилась очертя голову, поверила человеку, оказавшемуся инфантильным эгоистом? Что стало отправной точкой, спусковым крючком, спровоцировавшим взрыв, разрушивший ее жизнь? Ответов на эти вопросы у Виктории не было.

Теперь оставалось только ждать, когда в тюрьме наберется достаточное количество заключенных для отправки в колонию. И

Виктория ждала, ждала, погрузившись в отрешенное сомнамбулическое состояние. Адвокат, добившаяся свидания с ней, убеждала:

– Не раскисай! Я не отступлю, буду писать, добиваться апелляции и пересмотра дела. Года три мы тебе скостим в любом случае. Через год или два тебя переведут на общий режим, это я тебе гарантирую.

Виктория рассеянно слушала ее, отмечая про себя: даже если срок ей скостят, когда она выйдет, ей все равно будет за сорок. Все пропало, все. Жизнь, творчество, карьера. Надежда на личное счастье, на семью. Ей никогда уже не стать матерью, не прижать к груди своего ребенка. И читатели за эти годы ее забудут. Все кончено.

В пересыльной тюрьме Стамбула она провела два месяца. А затем зарешеченный автобус доставил ее и еще пару десятков женщин-заклученных в колонию.

Территория тюрьмы была обнесена высоким забором, по верхнему краю которого тянулись густые мотки колючей проволоки. Автобус остановился перед воротами. Навстречу вышла вооруженная охрана, начальник конвоя о чем-то поговорил с ними, и ворота открылись, чтобы минутой позже захлопнуться за спиной Виктории, навсегда отгородить ее от свободы, радости, смеха, солнца, творчества, любви – всего, что до сих пор составляло ее жизнь. Серые двухэтажные корпуса с часто зарешеченными окнами, огороженная со всех сторон забетонированная площадка для прогулок, административные строения... Здесь ей предстояло жить. Именно это жуткое, словно пропитанное ощущением безнадежности, место называть своим домом.

Выходя из доставившего ее автобуса, Виктория вяло подумала о том, что можно было бы рвануться в сторону, симитировать попытку бегства и получить от конвойного автоматную очередь в спину. Возможно, такое развитие событий стало бы более оптимистичным, чем перспектива провести в этих стенах ближайшие десять лет. Но мысль эта, сверкнув в голове, тут же погасла. Даже на это у Виктории сейчас не было сил.

И все же, будучи по натуре человеком деятельным и сильным духом, не склонным отчаиваться и опускать руки, постепенно

Виктория начала привыкать к новым условиям жизни. Корпус, в который ее поместили, насчитывал двенадцать камер: по шесть на каждом этаже. Комната Виктории – вторая с конца коридора, представляла собой стандартный каменный мешок: койка, тумбочка, колченогий стол, продавленный стул. Но после обеда в зарешеченное окно заглядывало солнце, играло яркими бликами на металлической спинке кровати, среди хлопьев облупившейся краски. К тому же здесь, в отличие от общей камеры стамбульской тюрьмы, можно было на несколько ночных часов остаться одной. И Виктория научилась этому радоваться.

Двери камер закрывались только на ночь, а днем заключенные могли заходить друг к другу, общаться. У некоторых женщин – тех, кому родственники с воли перечисляли деньги на тюремный счет, – в комнатах были телевизоры. С ними обычно старались дружить, чтобы получить доступ к развлечениям. Конечно, смотреть передачи разрешалось только час в день, и этого часа ждали, как манны небесной. Виктория в прошлой жизни была не слишком привязана к телевидению, однако тут, где круг занятий был очень ограничен, иногда тоже заходила к счастливым обладательницам окна в мир.

Слухи в колонии распространялись быстро. И однажды, в священный час разрешенного просмотра телевизора, Викторию принялись звать припавшие к экрану товарки:

– Эй, иди сюда! Тут твоего показывают.

Зайдя в камеру, оснащенную благословенным телящиком, она увидела на экране Альтана. Это была одна из тех «мыльных» историй, в которых ему приходилось сниматься во время того самого спада карьеры, о котором он говорил. Сюжет сериала был банальный, герой – шаблонный и плоский, и все же ту магию, которую Альтан творил, оказываясь на сцене или перед камерой, можно было разглядеть и здесь. Виктория смотрела на мужчину, ставшего виновником всего, что с ней произошло. На его идеальные тонкие черты, едва заметный шрам под глазом, улыбку, такую подкупающую и такую лживую. Смотрела и чувствовала, как болезненно ноет сердце. Вместе с тем внутри волной поднимается нечто темное, страшное. Если она когда-нибудь выберется отсюда... Если выйдет на свободу... Они еще встретятся, обязательно встретятся. И он поплатится за все, что сделал. За то, как обманул ее, предал и толкнул в объятия нелюбимого мужчины. За то,

что по его вине погиб брат, а она оказалась здесь с клеймом убийцы. Она сотрет эту нежную и дерзкую улыбочку с его лица. Заставит ответить за все.

Может быть, эта мысль и помогала ей выживать. Дала силы вставать по утрам, глотать пресную тюремную пищу, ходить на работу в швейную мастерскую, где она и ее товарки строчили на машинках безликие фартуки и халаты. Она должна выстоять, должна выбраться. Чтобы однажды явиться к Альтану и предъявить счет, который ему придется оплатить.

Однажды во время работы в мастерской вдруг начался шум. Виктория, погруженная в свои мысли, не отследила, что произошло. Подняла голову, только когда мимо нее промчалась какая-то маленькая худенькая девчонка в трикотажных брюках и серой кофте. Юркнув мимо Виктории, она забилась в угол за швейной машинкой. За ней, рассерженно гомоня, спешило несколько заключенных. Надзирательница, присматривавшая за ними во время работы, в этот момент как раз отошла в другую часть цеха. И девчонке, жавшейся в углу у ног Виктории, грозила перспектива схлопотать несколько крепких тумачков до тех пор, пока надзирательница не сообразит, что что-то случилось, и не доберется до их части помещения.

У девчонки – поначалу она показалась Виктории совсем молоденькой, едва ли не школьницей, но теперь, вблизи, видно было, что той под тридцать – было тонкое восточное лицо: гордые брови, резко взлетающие к вискам, удлиненные миндалевидные глаза, изящный нос с небольшой горбинкой. Небольшого роста, тоненькая и гибкая, как виноградная лоза, она производила впечатление хрупкой лесной нимфы. Однако в глазах ее, когда Виктория встретилась с ней взглядом, плясали чертенята.

– Помоги мне, – одними губами шепнула девчонка.

Шепнула по-русски! Виктория за последние месяцы уже отвыкла от родного языка, и услышать русскую речь здесь, в турецкой тюрьме, было неожиданно и приятно. Однако чего хотела от нее эта горная серна?

Девчонка, не дожидаясь ответа, сделала быстрое движение рукой и сунула куда-то в недра швейной машинки Виктории свернутую бумажку. А затем снова забилась в угол, изображая испуг.

Женщины подступили к машинке вплотную. Виктория все это время держалась особняком, ни с кем не заводила близкую дружбу. И все же знала многих по именам. Зоркий глаз писателя, память, натренированная любыми фактами складывать в копилку, чтобы после использовать в творчестве, разумеется, и здесь оставались вместе с ней, позволяя даже невольно запоминать характеры и подробности жизни окружающих. Коренастая суровая Фатима, молчаливая Гюль. Возглавляла весь этот отряд Фериде, громкоголосая истеричка, любительница по любому поводу закатить концерт с воплями и обвинениями. Именно она, кажется, была зачинщицей конфликта.

– Пропусти! – рявкнула она, наступая на Викторию. – Эта дрянь украла у меня таблетки!

– Какие еще таблетки?

Лезть в тюремный конфликт Виктории не было никакого резона. И все же эта юркая пронырливая девчонка чем-то приглянулась ей. К тому же она говорила по-русски, и Виктория невольно ощутила некую общность с землячкой.

– Не твое дело! – взвизгнула Фериде. – Не лезь! Лучше отойди.

– А если не отойду? – усмехнулась Виктория, поднимаясь в полный рост и загоразивая собой беглянку.

Она была выше и шире в плечах большинства сгрудившихся возле ее рабочего места теток. Разве что длинная Гюль могла посоперничать с ней. Но та отличалась спокойным нравом, и Виктория была уверена, что без особой нужды в драку она лезть не станет. К тому же слухи в тюремной среде распространялись быстро, о том, что Виктория попала сюда за убийство мужа, знали многие. А значит, ее побаивались.

Кинув взгляд поверх голов столпившихся женщин, она увидела, что надзирательница медленно движется в их сторону, пока еще не замечая переполоха.

– Тебе выдали лекарства в медблоке? – холодно спросила она у Фериде. – Вернись и скажи, что потеряла, получишь новые. Или, может быть, ты достала их незаконно? Купила барбитураты у барыги, а? – Склонив голову к плечу, Виктория усмехнулась.

– Отвали! – прошипела та и обернулась за поддержкой к своим товаркам. – Что же это делается, подруги? Эта тварь меня обворовала, а русская шлюха ее покрывает? А за меня никто не вступится?

Заклученные рассерженно загудели, но Виктория не дала им возможности сориентироваться и действовать скопом.

– Кричи громче, психованная, – подзадорила она. – Надзирательница уже идет, ей будет очень интересно узнать, где же ты взяла запрещенные препараты. А вы, – она обвела взглядом собравшихся вокруг, – из-за этой наркоманки, которой на колесах привиделось невесть что, получите дисциплинарное взыскание. К тебе, Фатима, родные должны приехать на свидание? Забудь, их не пустят, потому что ты поучаствовала в склоке, организованной этой торчушкой. А ты, Гюль, копишь на телевизор? Ну так тебя отстранят от работ на месяц, и последние двести лир ты получишь бог знает когда.

Говоря, Виктория старалась заглянуть каждой из женщин в глаза, не теряя зрительный контакт. И вскоре поняла, что речь ее сработала. Заклученные засомневались и, несмотря на истеричные выкрики Фериде, начали постепенно расходиться.

– Что там такое? Почему не работаем? – пронесся над мастерской зычный голос надзирательницы.

И вслед за окриком по своим местам расползлись последние заклученные. Фериде, бросив на Викторию ненавидящий взгляд, тоже потащилась в свой угол. Прятавшаяся девчонка шустро выскочила из укрытия и тоже проскользнула за свою машинку.

Вечером, уже после окончания смены и ужина, но до отбоя, пока двери в блоках еще оставались открытыми, девчонка заявила к Виктории в комнату.

– Ася, – представилась она по-русски. – А ты Виктория, я знаю.

Виктория, воровато оглядевшись, нет ли кого в коридоре, сунула ей бумажный сверток и недовольно произнесла:

– Что это за подставы? С чего ты взяла, что я буду тебе помогать?

– Ну помогла же, – широко улыбнулась Ася. – Я тебя давно заприметила. Сразу поняла, что не сдашь.

– В следующий раз на меня не рассчитывай, – сразу поставила ее на место Виктория. – Мне проблемы не нужны.

– А следующего раза и не будет, – безмятежно отмахнулась Ася и, не спрашивая разрешения, плюхнулась на ее застеленную серым казенным одеялом койку. – Я стащила у нее колеса только для того,

чтобы проследить, через кого она будет доставать новую партию. Как только вычислю дилершу, сразу у нее и куплю.

– А тебе они зачем? – удивилась Виктория.

Ася, живая, быстрая, ловкая, на любительницу обдолбаться никак не походила.

В ответ она хитро улыбнулась и, понизив голос, произнесла:

– Чтобы свалить отсюда. Ты со мной, подруга? Мне подельница нужна, и я давно ищу подходящую.

Часть вторая

– И куда же это вы собрались? – спросил толстяк в разрезанных ботинках, выговаривая слова с чудовищным деревенским акцентом.

И, побряхтывая, с трудом опустился на корточки. Виктория краем глаза глянула на Асю. Лицо той приняло воинственное выражение. Маленькая, решительная, казалось, она готова была броситься на вторгшегося в их планы незнакомца и перегрызть ему горло. Но Виктория понимала, что, даже если они вдвоем накинутся на этого усача, шанс на спасение будет минимальный.

Неужели все зря? Все дни и недели, что они провели за планированием побега? Стараясь не привлекать к себе внимания, исподволь, во время прогулок, осматривали территорию, вычерчивали предполагаемые планы коммуникаций. Копили заработанные тяжелым трудом в швейной мастерской гроши, чтобы купить у местной дилерши таблеток. Причем достаточную порцию, чтобы Ася смогла правдоподобно симитировать попытку суицида и при этом на самом деле не отправиться в мир иной. Выкрыв плоскогубцы и обезвредив медсестру, проползли черт знает сколько времени в зловонной темноте. Все это зря?

– На курорт, – выплюнула Ася прямо в красное лоснящееся лицо.

– Хотите вызвать охрану, вызывайте, – поддержала ее Виктория. – А издеваться над нами не надо.

Мужик помолчал пару секунд, склонил голову набок, раздумчиво разглядывая их. Виктория теперь сообразила, что колпак на его голове и белая короткая накидка, что-то вроде кителя, вероятно, обозначали принадлежность этого человека к кухне. Вот оно что, они все же напутали в плане. Или не в ту сторону свернули, передвигаясь под землей. И вылезли не за воротами тюрьмы, а в корпусе, где располагалась кухня. А это помещение, тускло освещенное синеватыми лампами под потолком и заставленное у стен замысловатым оборудованием, должно быть, представляло собой некий хозяйственный отсек.

Повар пожевал толстыми красными губами и выдал неожиданное:

– У вас есть двадцать минут.

– Что? – сдвинула брови Виктория.

Ася же, кажется, решившая, что еще не все потеряно, стала отползать куда-то в сторону, оставляя за собой на плиточном полу грязный след.

– Куда? – негромко прикрикнул на нее повар. – Всю кухню мне изгадишь. Кто мыть будет?

Он поднялся во весь рост, отошел к углу и покрутил торчавший из стены металлический кран. Тут только Виктория заметила, что с той стороны, на некотором расстоянии от стены, тянулся бордюр примерно в полметра высотой. Сверху же укреплены были краны. Видимо, это было что-то вроде мойки для овощей, в которую могла влезть пара мешков картофеля.

Повар кивком головы указал им на поток хлещущей из крана воды:

– Мойтесь! Только живо! Тряпки свои скрутите узлом и бросьте на пол. Я принесу чистое.

Ася тоже поднялась с пола и строптиво скрестила руки на груди.

– Это еще зачем?

Виктория, вставая, многозначительно пнула ее ногой. Этот жирдяй не спешил выдавать их. Не понятно пока, правда, с какими целями, но злить его точно не стоило. Возможно, еще не все было потеряно.

– Вечерний обход через двадцать минут, – невозмутимо сообщил повар. – Конвойные пойдут закрывать двери в камеры, обнаружат, что вас нет на месте, и поднимут тревогу. После этого с территории тюрьмы никому выбраться не удастся.

– А до? – ухватив суть, быстро спросила Виктория.

– А до – возможны варианты, – дернул бровью усач.

И, протопав растоптанными ботинками по плиточному полу, вышел из помещения.

– Он нас сдаст! Вот помяни мои слова! – твердила Ася, стоя по колено в холодной воде.

В мойке было скользко, как на катке, и пару раз они обе чуть не шлепнулись на дно корыта. Виктория, аккуратно опустившись на колени, подставила голову под струю воды и тут же простонала:

– Аа... Ледяная...

Лоб, виски и затылок заморозило, кончики пальцев, которыми она пыталась хоть как-то промыть слипшиеся от грязи волосы, посинели.

– Да уж, не Хилтон, – прыснула Ася, сдирая с себя бурую тряпку, что когда-то была ее тюремными брюками.

Виктория кое-как выжала волосы, все еще далекие от чистоты, но хотя бы не покрытые уже слоем жирной грязи, и сказала:

– Конечно, сдаст. Если тревога поднимется раньше. Тут же позовет на помощь и скажет, что застал нас тут. А вот если нет...

– Думаешь, он нам поможет? С чего бы? – скептически скривилась Ася.

– Слушай, я понимаю, что после подставы твоего благоверного ты не слишком хорошо думаешь о мужчинах. Но вдруг нам повезло встретить благородного человека? – усмехнулась Виктория.

Ася, набиравшая воду в горсти и выплескивавшая ее себе на спину, расхохоталась:

– Ага, последний рыцарь на земле. Повар тюрьмы...

Они едва успели отмыться, как повар появился снова. Вошел, неся в руках ворох разноцветных тряпок. Ася, взвизгнув, попыталась прикрыться своей кофтой.

– Я не смотрю, – объявил повар.

И, показательно отвернувшись в сторону, сбросил тюк тряпья на пол.

– Быстро одевайтесь. Нужно спешить.

Он снова вышел. Женщины выбрались из мойки, дрожа от холода и оскальзываясь на гладком полу, кинулись к вороху одежды. Для Аси повар притащил традиционный деревенский наряд: широченные ситцевые панталоны с мотней, свисающей до колен, просторную длинную рубаху и платок на голову. Все тряпки были узорчатые, яркие, и Ася, облачившись в них, стала напоминать кулек разномастных конфет-карамелек в цветных обертках.

Женской одежды на высокий рост толстяк, очевидно, не нашел и, не заморачиваясь, приготовил для Виктории мужской наряд, видимо, снятый с какого-то долговязого и худого родственника. Черные холщовые брюки, рубаха, жилет, кирзовые сапоги гигантского размера. Венчала все это великолепие огромная шерстяная кепка с длинным козырьком.

– Да ты просто первый парень на деревне, – приснула Ася, когда Виктория оделась и сунула ноги в сапоги.

– Погуляем, красавица? – басом отозвалась Виктория, пряча волосы под кепку.

Не хватало только усов, чтобы сойти за нелепого сельского паренька.

Когда повар объявился в третий раз, Ася и Виктория уже нарядились в принесенные им одеяния. Окинув их взглядом, мужчина, не удержавшись, загоготал, демонстрируя крепкие белые зубы.

– Супер! Бесплатное шоу, – буркнула Ася.

Повар же, успокоившись, поманил их рукой:

– За мной!

– Что, другие зрители тоже хотят посмотреть? – огрызнулась Ася.

Виктория же попыталась действовать рассудительнее:

– Послушайте... Простите, я не знаю вашего имени.

– Кемаль, – представился повар.

– Кемаль, вам не кажется, что будет разумнее, если вы посвятите нас в детали вашего плана. Иначе мы по незнанию можем сделать что-то не так.

– Нет времени объяснять, – отмахнулся повар.

Однако после, когда Виктория и Ася все же последовали за ним, заговорил на ходу:

– Через пять минут с территории будет отправляться машина, которая вывозит с кухни отходы. Выбраться с территории можно только на ней. В баке для мусора.

– В баке для мусора? – Ася даже остановилась от возмущения. – А для чего же мы отмывались?

– Конечно, у меня нет возможности кормить заключенных, как в пятизвездочном ресторане, – оскорбился Кемаль. – Но все же не до такой степени, чтобы из бака с кухонными отходами воняло ослиной мочой.

Следуя за поваром, Ася и Виктория вышли из помещения, свернули в темный коридор и вскоре оказались в каком-то закутке. Впереди видны были тяжелые железные двери, здесь же, у стены, за решетчатой загородкой, стояло в ряд несколько мусорных баков.

– Сюда!

Повар, покопавшись в кармане своих необъятных штанов, достал связку ключей. Загремел ими в темноте, отмыкая замок, висевший на решетке. Затем распахнул крышки стоящих рядом баков. В закутке сразу запахло гнилью, и Виктория, едва избавившаяся от мерзкой вони канализации, поморщилась.

– Полезайте! – скомандовал Кемаль.

– А дальше? – настороженно спросила Ася.

Шагнула к контейнеру, с опаской наклонилась над ним и, не удержавшись, звонко чихнула.

– Тише! – шикнула на нее Виктория.

– Баки погрузят в машину, – объяснил Кемаль, – и вывезут на свалку. Там уж вам надо как-то постараться из них выбраться. Желательно, не привлекая внимания мусорщиков, чтобы те не забили тревогу. К утру вас на свалке уже быть не должно.

Низкорослая Ася, слушая его, примеривалась к контейнеру. Сначала попыталась задрать ногу, потом подтянуться на руках. Повар, заметив ее возню, подхватил миниатюрную женщину под мышки, посадил, помог взобраться в бак.

– Прямо номер люкс! – изрекла Ася, двумя пальцами выудив из кучи мусора, в которую ее опустили, арбузную корку.

– Где расположена помойка? – тем временем спросила Виктория.

Ей помощь не понадобилась, она сама, подтянувшись, запрыгнула в контейнер. Что-то влажно чавкнуло под ногами, локоть угодил в грудку картофельных очисток.

– В каком районе? Мне нужно понимать, куда оттуда можно добраться.

– А куда вы собирались, выбравшись из канализации? – усмехнулся Кемаль. – Намеревались поймать попутку до Стамбула?

Ася тихонько захихикала, высунувшись из бака.

– Когда выберетесь из контейнеров, по левую руку увидите озеро, – продолжал тем временем объяснять повар. – Пойдете вдоль берега и вскоре увидите рыболовный причал. Там лодки. Сможете угнать одну и перебраться на другую сторону озера, считайте, выбрались.

Ася и Виктория переглянулись. Повар уже взялся за крышку Асиного бака, чтобы захлопнуть ее над ее головой. Но Виктория остановила его:

– Пойдите! – Подозрительно прищурившись, она взглянула на Кемалю: – Почему вы нам помогаете?

– Последний рыцарь, – перегнувшись к ней через край мусорного контейнера, шепнула Ася. – Забыла?

Но Виктория не поддержала шутку. Такое участие от совершенно постороннего человека не внушало ей доверия. Почему он не выдал их? Какие цели преследовал? Ради чего согласился пойти на такой риск? Ведь если их поймают и выяснится, что им помог один из сотрудников тюрьмы, повару грозит собственный срок...

Тот подергал роскошными черными усами, пошевелил бровями и, напустив на лицо возвышенное выражение, выдал:

– Я человек верующий, богобоязненный. Аллах велит помогать добрым людям, попавшим в беду. Тем более слабым женщинам.

– А вы уверены, что мы добрые люди? – хмыкнула Виктория.

Не то чтобы ответ повара не удовлетворил ее... Она достаточно хорошо знала Турцию, чтобы понимать, что многие здешние жители часто в самом деле бывают глубоко религиозны, стремятся следовать заветам Всевышнего. Это, пожалуй, было забавно: толстый усач-повар оказался божьим человеком. И все же... Ведь они с Асей официально считались преступницами. Ладно, Асю осудили за финансовые махинации, можно было предположить, что это встретит сочувствие. Но она, обвиненная в убийстве законного мужа... Неужели ей можно было рассчитывать на сострадание? Ведь для верующего человека, убежденного в незыблемости брака, это страшный грех...

Она окинула Кемалю придирчивым взглядом. Вообще-то с виду этот толстяк не был похож на религиозного фанатика. Хотя, судя поговору, явно происходил не из Стамбула, а из глухих местечек, где народ отличается набожностью.

– Так мне говорит мое сердце, – с пафосом изрек Кемаль. И, для большей наглядности, шлепнул себя по расходящемуся на могучей груди белому кителю крупным волосатым кулаком. – А я привык ему доверять.

В этот момент за железными дверьми послышались стук шагов и приглушенные голоса. Рассуждать больше было некогда. Повар сделал Виктории знак, и та, набрав в грудь побольше воздуха, нырнула в благоухавшее гнилью мусорное месиво. Через секунду над головой захлопнулась крышка. Затем рядом стукнула крышка Асиного ящика.

Следом загромыхала решетка, а после послышался поспешный топот. Это, защелкнув замок, улепетывал с места преступления их спаситель. Виктория представила себе, как он торопливо шагает по коридору своими гигантскими слоновьими ногами в разрезанных по шву ботинках, и едва не рассмеялась. Но в ту же секунду невидимые теперь железные двери распахнулись, и совсем рядом загремели голоса.

– ...такого страху натерпелся, когда вчера последнюю серию досматривал, – возбужденно рассказывал один из мусорщиков другому. – Ты видел уже? Там все эти мертвецы восстали, обратились в зомби и пошли войной на деревню. Жуть такая...

– Не, я еще пока не смотрел, времени не было, – ответил его товарищ. – Говоришь, пробирает?

– Да не то слово! Всю ночь глаз сомкнуть не мог, все казалось, что в окно эта нечисть лезет.

Решетка загремела снова, затем кто-то ухватился за край мусорного бака, в котором сидела Виктория, и рванул его на себя. От неожиданного толчка Виктория потеряла равновесие и больно стукнулась пораненным в канализации плечом о стенку контейнера. Рана снова закровила, а Виктория зашипела от боли.

– Ты слышал? – замерев, спросил тот мусорщик, что толкал ее бак.

– А? – переспросил второй. – Что слышал?

– Да звук какой-то странный. Вроде свистело... – отозвался первый.

Виктория затаила дыхание, лихорадочно соображая, что теперь делать. А вдруг он сейчас распахнет крышку и заглянет внутрь? Что тогда? Ладно, отступать все равно уже поздно. Пусть только сунется, она вцепится ему в физиономию ногтями.

– Ты бы завязывал с сериалами, а? – тем временем добродушно пробасил напарник трусливого мусорщика. – А то мерещится всякое.

– Но я слышал! – возмутился тот.

– Ну, значит, это мусорный зомби за тобой пришел! – загоготал второй.

Затем он, видимо, потянул на себя Асин контейнер и проворчал:

– Тяжелый, зараза! Что они туда навалили-то?

Но первый не отреагировал. Наверное, обиделся.

Ящики покатали по коридору, затем, видимо, вывезли за двери. Виктория почувствовала, как в едва заметную щель между крышкой и бортом сочится свежий вечерний воздух. Снова грохнули, закрываясь, железные двери. Где-то рядом фырчал мотор.

Контейнер накренился набок и покатился быстрее – вероятно, работник скатывал его с пандуса. От колес, подпрыгивающих на земле, весь бак вибрировал, и Виктории на голову сыпалась то яичная скорлупа, то обрезки овощей. Одежда, которую выдал ей Кемаль, уже местами промокла и пропиталась вьедливым гнилостным запахом. Ладно... Ладно, если по итогам им все же удастся выбраться на свободу, значит, это того стоило. Вся эта вонь, грязь, а главное, парализующий ужас, охватывавший ее при мысли, что их в любую секунду могут найти. Кемаль говорил, что до закрытия дверей блоков осталось двадцать минут. Как только это произойдет, их с Асей отсутствие обнаружат. Поднимут тревогу, запрут ворота тюрьмы. Не дай бог эти мусорщики провозятся чуть дольше, и все пропало...

Ворчание мотора становилось все ближе. Наконец ящик остановился, рядом снова что-то загромыхало. А затем контейнер резко толкнули, ухватили сверху и... Виктория едва не взвизгнула от неожиданности – подняли в воздух. Должно быть, это механическая лапа – часть оснащения мусорной машины – оторвала его от земли, чтобы загрузить в кузов.

В животе защекотало. Виктория успела испугаться, что дно контейнера, не рассчитанного на такую нагрузку, вывалится и она, вместе с мусором, рухнет на землю. Но полет занял доли секунды, и вскоре бак уже стукнулся о пол кузова. А еще через мгновение рядом опустился второй.

– Эй, ты здесь? – глухо спросила Виктория, когда дверцы кузова захлопнулись за ними.

Поначалу в рокоте мотора и лязге металлических частей мусоровоза ей ничего не удавалось разобрать. Вдруг подумалось, что Аси тут нет. Кто знает, может, ее бак забыли забрать или оставили до завтра. Или вытряхнули где-то здесь, на территории тюрьмы. Виктория представила себе, как мусорщики переворачивают контейнер над землей и оторопело глядят на сидящую на куче нечистот женщину, и не сумела сдержать нервный смешок.

Где-то хлопнула дверца кабины, и машина тронулась с места. Ящик затрясся, Виктория приложилась макушкой о крышку и выругалась. И тут наконец услышала Асин голос:

– Какой богатый у вас словарный запас, госпожа писательница.

– Фуух, ты все же тут? – с облегчением выговорила Виктория.

А Ася приглушенно пробурчала:

– Нет, сошла на предыдущей остановке. Где же мне еще быть?

– Как ты там? – спросила Виктория.

Вопрос в их ситуации был глупый, конечно. Но ей становилось спокойнее, когда слышала Асин голос.

– Лучше всех, – бодро отрапортовала Ася. – Всегда мечтала путешествовать в компании гнилой селедки. А у тебя кто в попутчиках?

– Картофельные очистки и размокшие сухари.

– Тоже неплохо!

Автомобиль вдруг притормозил, и Виктория напряглась. Должно быть, они подъехали к воротам тюрьмы. Теперь все зависело от того, успели ли они до вечернего обхода. Если их исчезновение уже обнаружили, машину не выпустят...

Почему-то показалось, что стояли они невыносимо долго. Водитель заглушил мотор мусоровоза. В отдалении снова захлопали дверцы. Затем возле кузова раздались оживленные голоса.

– Что так долго? – прошипела из своего бака Ася. – Уже подняли тревогу?

– Тише ты! – шикнула Виктория. – А то будешь сейчас изображать мусорного зомби.

В голове у нее, однако, уже проносилось: «Все. Это конец. Сейчас нас найдут». Над ухом грохнуло – кажется, кто-то стукнул кулаком по металлическому кузову. Затем недовольный голос произнес:

– Ну чего, обратно выгружать, что ли?

И сердце Виктории ушло в пятки. Значит, все же будет обыск. У машины снова заговорили – на этот раз негромко, слов она разобрать не могла. А потом тот мусорщик, что успокаивал трусливого, принялся урезонивать охранника:

– Слушай, ну где эта надзирательница свой браслет потеряла? С чего она взяла, что он в мусор попал? Сам подумай, нам сейчас шесть контейнеров перетряхивать из-за какой-то глупой бабы?

Черт, черт! Так вот в чем было дело? Значит, их пропажи еще не заметили. Но теперь все повисло на волоске из-за какой-то растяпы, выронившей в мусорный бак свой браслет.

Виктория на всякий случай постаралась сгруппироваться. Если ее вытащат на свет божий, она все же попробует рвануть за ворота. Конечно, это практически самоубийство, и все же, что ей терять? Если к ее десяти годам добавят еще пять за попытку побега...

– Ладно, убедил, – отозвался вдруг охранник. – Мне самому неохота в этом дерьме ковыряться. Проезжайте уж, скажу ей, мол, вывезли уже мусор, не успел я.

В своем баке тихо пискнула от восторга Ася. Виктория прижала ладони к вспыхнувшим от радости щекам. Мусорщики попрощались с охранником, снова залезли в кабину. Проскрипели, открываясь, ворота, и машина наконец тронулась.

Бешеная тряска продолжалась, казалось, уже несколько часов. Впрочем, Виктория еще в момент путешествия по канализации поняла, что доверять своим ощущениям в такой обстановке не приходится. Рассуждая логически, вряд ли свалка, куда мусоровоз должен был сгрузить контейнеры, находилась в сотне километров от тюрьмы. А значит, времени прошло не так уж много.

Наконец автомобиль остановился. Снова захлопали дверцы кабины, зазвучали голоса мусорщиков. Только сейчас Виктория подумала о том, что произойдет, когда мусор из баков начнут вываливать в общую кучу. Ведь работники не смогут не заметить их с Асей. Понятно, что они не являются охранниками тюрьмы и не вооружены. Но позволят ли им просто уйти, не попытаются ли схватить и доставить обратно под арест?

– Если что, я буду кидаться в них селедочными башками, – зловеще пообещала из своего ящика Ася, как будто почувствовав ее страх.

И Виктория в который раз мысленно поблагодарила ее. За оптимизм и неиссякающее чувство юмора, без которых она бы вряд ли смогла выдержать этот безумный квест.

Дверцы кузова раскрылись, и мусорщики поволокли баки наружу. Виктория уже в который раз за этот вечер влетела локтями в стенку. Интересно, сколько она синяков заработала за время путешествия?

Колеса контейнера стукнулись о землю. Рядом, тяжело прогромыхав по пандусу, остановился второй бак. За ним спустили третий.

– Ну что, начнем вытряхивать? – раздался голос трусливого мусорщика.

– погоди, мне отлить нужно. Растрясло, – отозвался второй, более бойкий.

Затем раздался звук удаляющихся шагов. Должно быть, напарник решил отойти куда-нибудь подальше, чтобы справить свои дела. Медлить нельзя было ни минуты. Если у них и был шанс выбраться, то только этот. Судя по угольно-черной полосе между стенкой ящика и крышкой, уже опустилась ночь и кругом царил темень. Что ж, приходилось рассчитывать на то, что Виктория хорошо знала человеческую природу.

Упершись руками в крышку, она со стуком откинула ее и медленно поднялась на ноги, показавшись над краем контейнера. Вокруг действительно стояла густая турецкая ночь. Впереди высилась огромная гора свалки. А возле оставленных на дорожке ящиков нервно переминался с ноги на ногу трусливый мусорщик – худосочный сутулый мужичонка средних лет. Услышав шорох, он обернулся на звук, увидел поднимающуюся из горы отходов Викторию в мужской рубаше, жилете и надвинутой на лицо кепке и забормотал, пятась:

– О Алла... бисмилла...

– Замолчи, неверный! – прошипела Виктория. – Не смей и звука издать, не то пожалеешь. Я позову на помощь своих сподручных!

Тощий мусорщик, однако, кажется, совсем ополоумел от потрясения. Не сводя глаз с Виктории, он снова попятился, влетел костлявым задом в один из баков и сиганул в сторону с воплем ужаса. И в ту же секунду крышка бака отскочила, и из него показалась голова Аси – всклокоченная, со сбившимся набок платком и торчащими из-под него слипшимися от нечистот прядями. Ася простерла по направлению к несчастному работнику руки, потянулась скрюченными пальцами и заунывно провыла по-турецки:

– Дай-ка я тебя поцелую, брат.

Тут мусорщик совсем оцепенел от страха. Лицо его побелело, колени затряслись. Он начал беззвучно открывать и закрывать рот, словно силясь что-то произнести. Но не издавал при этом ни звука.

– Вот и молодец, – похвалила Виктория, выбираясь из контейнера и ступая мужскими кирзовыми сапогами на твердую землю. – Смотри, никому ни слова, что видел зомби. Тебе все равно не поверят, а мы отомстим за предательство. Зато если смолчишь, мы тебя отблагодарим, будь уверен.

Бедолага-мусорщик сначала замотал головой, потом закивал и вдруг рухнул на колени и забормотал что-то себе под нос. Ася тем временем тоже спрыгнула на землю и переглянулась с Викторией. Та, напустив на себя важный вид, проговорила:

– За мной, дух тьмы!

И, схватив подругу за руку, потащила ее в темноту. Обогнув корпус автомобиля, они побежали со всех ног. Ясно было, что второй мусорщик, вернувшись и обнаружив, что товарищ в шоке, начнет выяснять, что же так его напугало. Кто знает, решит ли он, что напарник поехал крышей от страха, или поймет, что на самом деле могли означать вылезавшие из мусорного контейнера человекообразные существа.

К счастью, единственный фонарь в округе был тот, что освещал площадку перед свалкой, где останавливались мусоровозы. В остальном же пространство окутывала густая, черная, непроглядная тьма.

– Ну что, мусорный зомби! Ловко ты его одурачила, – сказала Ася, отдуваясь, когда они наконец позволили себе остановиться.

Машина теперь осталась далеко позади, ее и разглядеть уже было невозможно в темноте.

– Надеюсь, он там коньки не отбросил от страха, – хмыкнула Виктория. – Не хотелось бы становиться серийным убийцей.

– Ниче, очухается, – мотнула головой Ася. – Куда нам теперь?

– Туда, – помедлив, махнула рукой Виктория. – Если последний рыцарь не наврал, там должно быть озеро. И лодка.

Взявшись за руки, подруги побрели вперед, пристально вглядываясь в окутывающую их ночь и прислушиваясь к доносившимся из нее звукам и шорохам.

Ночь была черна, как пролитые чернила. Виктории, всю жизнь прожившей в больших городах, редко удавалось увидеть такую темноту. В мегаполисах небо засвечивали многочисленные фонари, окна, рекламы, подсвеченные здания. Здесь же, в этом медвежьем углу, цивилизация не вторгалась в природу, и небо лежало над ними во всем своем первозданном великолепии. Необъятное, бездонное, густо усыпанное серебряными и золотыми звездами. Виктория даже забыла на миг обо всех их зловещих, о том, что нужно спешить, чтобы успеть пересечь на лодке озеро до рассвета, о том, что поблизости могут таиться хищники – куницы или волки. Она остановилась на секунду и запрокинула голову, любуясь драгоценными россыпями над головой. Голова закружилось, и показалось, что одна из звезд – веселая, с изумрудным отливом, – подмигнула ей, словно подбадривая: «Не дрейфь, подруга, все будет хорошо!»

– Эй, ты чего? – подергала ее за руку Ася.

– Красиво... – отозвалась Виктория, глядя в небо.

– Тьфу ты, нашла время, – фыркнула Ася. – Одно слово, писатель. Творческая натура! Пошли, пока за нами жандармы не приехали.

– Ничего ты не понимаешь, Аська, – поддела Виктория, снова бодро зашагав рядом со спутницей. – Когда еще мы увидим такое небо? Где?

– По мне, так главное, чтоб нам больше не пришлось видеть его через решетку, – буркнула Ася и вдруг вскрикнула: – Ай! Я на что-то наступила. На что-то... живое.

– Это тебя твоя гадюка сортирная настигла, – сказала Виктория.

И подруги, отсмеявшись, двинулись дальше.

Ноги ныли от этого их бесконечного путешествия, в голове мутилось от голода и усталости. Непроглядная чернота вокруг пугала, заставляя задумываться, правильно ли они идут, не потеряли ли направление и не таится ли совсем рядом некая враждебная сила, с минуты на минуту готовая напасть. Виктория уже снова хотела пожалеть о том, что поддалась на уговоры Аси и увязалась вслед за ней в эту авантюру. Они заблудились. Ну, конечно, заблудились в этой

чертовой темноте. И будут скитаться тут до утра. А как только рассветет, их настигнет погоня и вернет в тюрьму. Это в лучшем случае. А в худшем они просто свернут себе шеи и навсегда останутся гнить на чужой турецкой земле.

Но вот откуда-то повеяло влагой. Воздух стал сырым, чувствовалась близость водоема. А еще через несколько шагов стало возможно разобрать далекий плеск воды.

– Озеро! – тихо вскрикнула она, покрепче сжав Асину руку. – Там, впереди, озеро.

– Как вовремя! – отозвалась подруга. – Я уж стала думать, что наш последний рыцарь нас надул.

– Пойдем скорее!

И женщины, поддерживая друг друга, поспешили вперед.

У озера оказалось светлее. Недавно выкатившаяся на небо полная луна отражалась от водной глади, и берега были окутаны смутным серебристым сиянием. Вокруг громоздились пологие складчатые горы, за вершины которых цеплялись изредка плывущие по небу рваные облачка. Выше и дальше белели во тьме заснеженные вершины, но здесь, внизу у воды, было зелено: круглые кроны кустарников, редкие невысокие деревья с узловатыми ветками, душистые травы, щекотавшие щиколотки. В другое время Виктория непременно залюбовалась бы ночным пейзажем.

Чуть дальше по берегу видны были редкие огоньки какого-то поселения. Должно быть, рыбацкой деревушки, жителям которой и принадлежал причал, упомянутый поваром. В такой час в деревне светилось лишь одно-два окна, простые честные работяги, населявшие ее, конечно, давно спали. «И слава богу», – подумала Виктория. Вряд ли количество последних рыцарей, отсыпанное судьбой на их приключения, было больше одного. И рассчитывать на то, что кто-то из добрых рыбаков так же проникнется их историей и сам предложит взять его лодку, не приходилось.

Причал они тоже вскоре увидели. В воду от берега отходил длинный цементный пирс, увешанный по сторонам старыми автомобильными покрышками. Даже в лунном свете видно было, что причал совсем старый. Цемент кое-где разрушился от времени, и видны были ржавые арматурины. По обеим сторонам пирса белели в

темноте лодки. Разумеется, современных быстроходных яхт тут не было, только моторные катера и совсем простые деревянные скорлупки со сложенными на дне веслами.

– Какую будем брать? – спросила Ася, остановившись чуть в стороне от причала и разглядывая открывшиеся перед ними посудины.

– Понятия не имею. Поверишь ли, опыт угона чужих лодок у меня еще скуднее, чем опыт побегов из тюрьмы.

– Ну еще бы! Из тюрьмы ты, по крайней мере, один раз сбежала, а с лодками у тебя дебют.

– А ты в прошлом не промышляла угонами, нет? – спросила Виктория.

И Ася покачала головой:

– Представь себе, как-то не довелось. Правда, припоминаю, в детском саду я стырила у мальчишки заводной самосвал.

– О, да ты, значит, профи! – покивала Виктория. – Тогда ты и руководи операцией.

Порой ей казалось, что, если хотя бы одна из них окажется больше не в силах поддерживать этот легкий смешливый треп, обе они просто сдадутся. Останутся на берегу и, отчаявшись что-то сделать, будут терпеливо ждать, когда за ними явится полиция.

– Ладно, тогда рассуждаем так, – деловито начала Ася. – На моторном катере будет быстрее. Намного быстрее.

– Какая неожиданная мысль. Да вы гений, коллега!

– Но он тарыхтит. Может разбудить жителей деревни.

– Блестяще. Аплодирую вам стоя.

– К тому же... Ты умеешь управлять моторным катером?

– Нет. Откуда? – развела руками Виктория и тут же скривилась из-за боли в пораненном плече.

– Вот и я тоже. Тогда решено, берем лодку.

– Грести я, кстати, тоже не то чтобы умею, – предупредила Виктория.

– Вот и поучишься! – отрезала Ася. – Времени до рассвета у тебя будет навалом. Помяни мое слово, потом еще чемпионат по гребле выиграешь. Идем!

Ася первой ступила на причал, сделала несколько шагов и вдруг сдавленно пискнула.

– Что такое? – мгновенно напрягшись, шепотом спросила Виктория.

– Там...

Ася дрожащей рукой указала куда-то себе под ноги. Виктория подошла ближе, взгляделась в темноту и увидела, что поперек причала лежит что-то большое и мохнатое. Сделав еще несколько осторожных шагов, она смогла рассмотреть препятствие. Собака. Огромная лохматая собака со светлой свалывшейся шерстью спала, положив большую морду на лапы.

– Я не пойду, – слабым голосом проговорила Ася. – Смотри, какая гигантская. Она нас разорвет.

– погоди, – остановила ее Виктория и прищурилась, разглядывая собаку.

Под ее левой передней лапой что-то темнело. Неужели?.. Кошка! Черно-рыжая, полосатая кошка спала, уютно привалившись к косматому боку пса. И тот, похоже, нисколько не возражал против такого соседства.

Виктория тихонько рассмеялась. Кошка приоткрыла один глаз, равнодушно посмотрела на нее и снова уснула. Собака же даже не повела ухом.

– Пошли, – скомандовала Виктория. – Этот грозный сторожевой пес тебя не тронет.

И, подавая пример Асе, легко перешагнула через собаку. Та поначалу отчаянно мотала головой и отнекивалась, но в конце концов все же, ойкая и вздрагивая, последовала за ней.

– Ффух, – выдохнула она, оказавшись рядом с Викторией. – Жутко боюсь собак.

– Эта тебя разве что задушит в объятиях, – подколола Виктория.

Лодка тихо покачивалась у самого причала, изредка легко ударяясь бортом об автомобильную шину. Волнения на озере не было, густо-черная, глянцевая вода лишь легонько плескалась в борта.

– Ну, решено? Берем эту?

Ася, стоявшая на краю причала на коленях и разглядывавшая лодку, обернулась к Виктории:

– Мне нравится. Интересно, как она называется, надеюсь, не «Титаник»?

– Мы ее назовем «Свобода!», – заявила Ася.

Потянувшись, она присела на бетонную поверхность и, уцепившись руками за края, стала осторожно сползать в лодку. Ноги ее все ниже нависали над бортом. И наконец, решившись, она оттолкнулась руками и спрыгнула вниз. Лодка от резкого толчка закачалась, кажется, даже слегка черпанула воды. Ася, потеряв равновесие, едва не растянулась на дне, но в последнюю секунду схватилась руками за лавку и, охнув, устроилась на ней.

– А может, «Путь женщины»? – предложила Виктория, тоже подходя к краю причала и примериваясь, как лучше спуститься в лодку.

Если даже мелкая Ася едва не опрокинула ее, то она, рослая, статная, вообще может вызвать кораблекрушение.

– «Территория победившего феминизма», – в свою очередь предложила Ася. – Ну давай же. Не тормози!

К счастью, роста Виктории хватило, чтобы сползти в лодку, почти не раскачав ее. Устроившись на противоположной от Аси лавке, она осторожно подняла со дна одно весло и начала пристраивать его в уключину.

– Гребем по очереди, – распорядилась тем временем Ася. – Начну я.

– Почему это ты? Я сильнее.

– Потому что у тебя плечо раненое.

– И что? Я не инвалид!

– Поспорь со мной еще! Успеешь показать свою силушку молодецкую, не переживай.

Она устроила второе весло по противоположному борту и, прошептав: «Ну, с богом», – принялась медленно отталкиваться от причала. Лодка сдвинулась с места, проскользнула между бортами других суденышек. Виктория, протянув руку, уперлась ладонью в край причала и тоже с силой оттолкнулась, заставив лодку скользнуть далеко вперед, так, что край причала остался за кормой.

– Не выдержала все-таки, – фыркнула Ася. – Прямо никак не можешь не покрасоваться.

– Да куда ты без меня? – отозвалась Виктория.

Лодка теперь плыла вдоль берега, мимо огоньков селения. Оттуда веяло человеческим жильем, теплом. Виктории показалось даже, она может уловить в ночном воздухе отголосок запаха жареной рыбы. А

может, у нее просто уже начались галлюцинации от голода. Скучный тюремный обед – последнее, что она ела, – давно растворился в желудке.

– Там кто-то есть, – внезапно шепнула Ася. – Человек.

Виктория взгляделась во тьму. Показалось или на берегу, у деревни, действительно мелькнула темная тень?

Не желая рисковать, девушки, словно по команде, опустились на дно лодки и затаились. В нос ударил запах отсыревшей древесины. Лодка, лишённая управления, начала медленно поворачиваться на месте.

– Он нас видел? – тихо спросила Виктория.

– Не знаю, – отозвалась Ася. – Будем надеяться, что нет.

– Но лодку точно видно.

– Может, он решит, что она просто сорвалась с привязи и ее отнесло течением?

– Тогда он скорее всего не бросится вылавливать ее среди ночи, подождет до утра. Он же не идиот.

– На такое, знаешь ли, никогда рассчитывать не приходится.

Негромко переговариваясь, девушки пролежали на дне лодки минут десять. Никакого шума со стороны берега слышно не было. То ли житель села действительно решил не пускаться ночью в погоню за уплывшей лодкой, то ли человек на берегу им просто померещился. Пустившееся было вскачь сердце постепенно успокаивалось, и Виктория вскоре осмелилась приподнять голову и выглянуть через борт лодки.

– Никого, – констатировала она, взглядевшись в силуэты темных строений на берегу.

Даже те два-три редких огонька, что еще недавно горели, теперь погасли. Деревня погрузилась в сон.

– Ну что, свистать всех наверх? – Ася приподнялась вслед за ней и снова уселась на свою скамью.

– Право руля, подруга!

Ночь выдалась холодная, знобкая. От воды веяло стылой сыростью, и Виктория то и дело невольно передергивала плечами, от чего ссадина начинала болеть сильнее. Асе, все еще сидевшей на веслах, было теплее от физической нагрузки, и все же Виктория слышала, как та стучала зубами. Перегнувшись с лавки назад, она

пошарила на корме, в темном ворохе наваленных вещей, и радостно вскрикнула, выудив оттуда потрепанную куртку вроде штормовки. Виктория протянула ее Асе, и та благодарно просунула руки в рукава и натянула на голову капюшон.

Второй куртки в лодке не оказалось, но Виктория нашла на корме свернутый кусок какой-то ткани вроде брезента и закуталась в нее. Поначалу она думала, что, выбравшись на середину озера, они с Асей выкупаются и выстирают одежду, запачканную в мусорных баках. Но теперь, дрожа от холода, решила, что, пожалуй, любовь к чистоплотности может и подождать.

Через некоторое время Виктория окликнула Асю:

– Эй, давай меняться. Ты уже из сил выбилась.

– Ничего подобного! – запальчиво возразила Ася.

Но по ее слабому голосу, по блестящей на висках испарине Виктория понимала, что спорит она только из упрямства.

– Давай еще подеремся за право сесть на весла. Лодку опрокинем. То-то будет здорово!

– Ну ладно, – уступила Ася.

Они с Викторией поменялись местами. Но тут девушка стянула с плеч куртку и передала ей:

– Надень, в ней будет удобнее.

Виктория не стала спорить, отдала Асе брезент, сама же сунула руки в рукава штормовки, еще хранившей тепло Асиного тела. Грести в ней и правда было удобнее. Раньше Виктории никогда не приходилось заниматься чем-то подобным. Пару раз она каталась на лодках на озерах, расположенных на территории парков, но на весла всегда садился ее спутник. Один давний ухажер как-то раз пытался ее научить, но Виктория лишь неумело плескала веслами по воде, заставляя лодку кружиться на месте, а потом и вовсе чуть не утопила одно из весел. На том обучение и закончилось.

Сейчас она постаралась подражать движениям Аси, плавно погружать весла в воду и толчком посылать вперед. Одно-два неловких движения, пара комментариев от Аси, и дело пошло. Лодка задвигалась в правильном направлении, Виктория наловчилась и действовала уже верно, стараясь не обращать внимания на боль в пораненном плече.

– Сползай на дно и поспи немного, – посоветовала она Асе.

Та сначала отнекивалась, но через некоторое время все же подчинилась. Виктория услышала, как она тихонько засопела, свернувшись под куском брезента.

Луна уже скрылась, звезды побледнели, и Виктории иногда начинало казаться, что она – попросту мошка, попавшая в кусок черной, глянцево поблескивающей смолы. Так вокруг было темно, черно и тихо, что ощущение реальности утрачивалось. Невозможно было различить, где проходит граница между землей и водой, скоро ли берег, есть ли где-то поблизости человеческое жилье. Только чернота и серебристый блеск.

В этом безмолвии невозможно было отвлечься, и тягостные мысли, от которых она успешно избавлялась все это время, навалились, не давая покоя. Вспомнилось багровое от ярости перекошенное лицо мужа в тот момент, когда она нанесла удар. Неужели она в самом деле убила его? Убила человека? Пускай недоброго, лживого, не способного справиться с собственным гневом, но человека. Она стала убийцей, а теперь еще и беглой. Как это осмыслить, как с этим сжиться? Могла ли она еще несколько лет назад представить, что будет грести в темноту и неизвестность, сидя в обносках в угнанной лодке посреди затерянного в отдаленном уголке Турции озера?

А затем перед глазами, словно проступив из ночной тьмы, предстало лицо Альтана. Такое, каким оно было на суде, – изможденное, осунувшееся, лишенное его привычной ласково-нагловатой усмешки. Изборозженный морщинами лоб, горькая складка у рта. Ей тогда показалось, что он разом постарел, утратив свое неизменное обаяние вечного мальчишки. И слезы... Он правда плакал тогда на оглашении приговора? Или ее больное сознание дорисовало эту подробность?

Боже милосердный, она ведь любила его, этого запутавшегося мальчика. Восхищалась, благоговела перед его талантом, могла часами любоваться его красотой, готова была простить все на свете... А вышло, что именно из-за него она стала убийцей, оказалась в тюрьме, вынуждена была, подвергаясь смертельной опасности, ползти под землей, дыша нечистотами, трястись в мусорном баке, пробираться в темноте по горам, теперь вот переплывать озеро. Он стал виной всему. И Виктория, вглядываясь в темноту, дала себе слово, что не оставит

этого так. Как бы ни преследовало его измученное лицо, сколько бы ни снился ей тот подернутый соленой влагой взгляд, Альтану придется заплатить за все, что он с ней сделал. Иначе ей просто не выстоять.

Через некоторое время поднялся ветер. Он налетел как-то сразу, задул, вздымая на поверхности озера мелкие злые волны, толкнул лодку в противоположную от уже смутно видневшегося берега сторону. Виктория сильнее налегла на весла. Несмотря на порывы ветра, холодно ей больше не было, по шее тек пот. И все же она поняла, что не справляется с управлением. Лодка в лучшем случае стоит на месте, в худшем же, повинувшись ветру, удаляется от их цели.

– Ася! – крикнула она, перекрывая свист ветра. – Ася, проснись!

Но подруга, вымотанная их приключениями, не шевелилась, несмотря на рев ветра и окрики Виктории. Выпустить весла хоть на секунду было нельзя, и Виктория сползла пониже на лавке и, вытянувшись, легко ткнула Асю ногой.

– А? Что? – подскочила та.

Лодка, и без того кренившаяся то на один борт, то на другой, закачалась еще сильнее, черпанула воды, захлестнувшей Виктории ноги.

– Ветер поднялся! Мне одной не справиться! – крикнула она.

Ася, сразу сообразив, что происходит, тоже налегла на весла. Коротко переговариваясь, девушки работали из последних сил. Волны вздымались все выше, колотились о борт лодки, гремели, выли, шипели. Одежда Аси и Виктории вымокла насквозь, моток брезента, в который они кутались, унесло ветром и швырнуло в волну. В предрассветных сумерках стало видно, что вода озера замутилась, со дня поднялся ил, водоросли.

– Что делать? – закричала Ася, быстро оглядываясь на берег. – Уже близко! Нас разобьет!

Ответить Виктория не успела. Налетел очередной порыв ветра, закрутил их на месте, вырвал у нее из рук весло, тяжело плеснувшее по воде и исчезнувшее в белой пене.

– Держись! – выкрикнула Ася.

Лодка накренилась, снова черпанула воды, затрещала. А в следующую секунду Викторию опрокинуло в воду. От неожиданности она вскрикнула, забулькала, хлебнула воды. Увидела перед глазами зеленоватую муть, почувствовала, как полотняные брюки – подарок

Кемаля – блепляют ей ноги, как тяжеленные кирзовые сапоги тянут на дно.

Но плавала Виктория хорошо и сориентировалась быстро. Для начала стряхнула проклятые сапожищи, потом расслабилась, зная, что вода сама вытолкнет ее наверх, а затем, определив направление, по которому следовало плыть, заработала руками и ногами, поднимаясь на поверхность. В легких уже жгло, наверное, от неожиданности она успела погрузиться глубоко. Но вот наверху забрезжил слабый свет, Виктория вынырнула, жадно глотнула воздуха и, задыхаясь, кашляя и отплеываясь, принялась оглядываться по сторонам.

Сначала она ничего не увидела и успела уже испугаться, не уверенная, что у нее сейчас хватит сил нырять за Асей и вытаскивать ее на поверхность. Но через пару секунд левее вынырнула из воды голова Аси. Лодка, перевернутая вверх дном, темнела в стороне от них.

– Ты в порядке? – проорала Виктория.

– Ага, – отозвалась в любой ситуации сохраняющая способность шутить Ася. – Обожаю внезапные купания.

– Поплыли к берегу. – Виктория указала ей рукой направление и сама поплыла вперед, мощно работая руками и ногами.

Когда они, вымотанные, едва не сгинувшие в волнах, выбрались на берег, уже занимался рассвет. Край неба налился багрянцем, в прибрежных зарослях защebetали птицы. И, словно в насмешку, ветер начал стихать, волны, еще пошумев немного, улеглись, и над озером повис полупрозрачный перламутровый туман.

Ася без сил повалилась на землю, едва сумев отползти от кромки воды. Виктория, не настолько вымотанная, потеряла ее за плечо.

– Нужно высушить одежду. Нельзя спать в мокром, заболеешь.

– Плевать, – отмахнулась Ася.

– А мне не плевать. Не хочу, чтобы ты померла у меня на руках от воспаления легких и на меня еще одно убийство повесили.

Кое-как заставив Асю подняться, Виктория стянула с нее цветастые тряпки, выданные Кемалем, и хорошенько выжала их, свернув жгутом. Ася, оставшаяся в нижнем белье, тряслась от холода, скорчившись на земле и обхватив руками колени.

– Солнце уже взошло, высохнет за час, – рассудила Виктория, аккуратно разложив Асино одеяние на камнях.

Затем так же поступила и со своим нарядом – выжала брюки, рубашу и жилетку и разложила сушить. Отяжелевшую от воды кепку пристроила на ветке куста.

– Как раз думала, как бы нам выстирать одежду, чтобы не пробираться дальше с ароматом «O'de помойка». И все само собой разрешилось.

– Да уж, нам поразительно везет, – стуча зубами, отозвалась Ася. – Давай хоть в зарослях спрячемся. Не стоит устраивать шоу для местных рыбаков.

Виктория и Ася забрались поглубже в прибрежные кусты и опустились на землю, привалившись друг к другу. Утреннее солнце уже набирало силу, воздух постепенно становился теплее, и вскоре женщин перестал сотрясать озноб. Ласковые лучи огладили покрытую мурашками кожу, высушили волосы, прикоснулись теплыми поцелуями к векам. И Виктория почувствовала, как глаза ее слипаются. «Не спать! – сурово приказала она самой себе. – Впереди еще долгий путь!» Но справиться с мягким одеялом окутывающей ее дремой уже не могла. Рядом, уложив голову ей на плечо, тихо сопела Ася. И Виктория сдалась, пообещав себе, что закроет глаза только на пять минут.

Проснувшись она, почувствовав устремленный на нее взгляд. Не спеша открывать глаза, Виктория попыталась оценить обстановку. Вокруг не слышно было ни звука, кроме стрекотания кузнечиков в нагретой солнцем траве. Значит, разбудил ее не шум. И все же она всей кожей ощущала постороннее присутствие. Должно быть, находящееся настороже сознание даже во сне пыталось контролировать ситуацию.

Уловив, как едва слышно изменилось дыхание Аси, Виктория поняла, что подруга тоже уже не спит. Что случилось? Их обнаружили? Кого она увидит, открыв глаза? Полицию? И что тогда делать? Они беззащитны, никакого оружия у них с собой нет. И бежать отсюда некуда.

Сжав запястье подруги, Виктория все же приоткрыла глаза и едва не рассмеялась от облегчения. Прямо над ними, в паре шагов, стоял подросток. Почти совсем мальчишка, длинный, тощий, загорелый до черноты, в закатанных до колен рабочих штанах и, приоткрыв от изумления рот, во все глаза смотрел на них.

– Как не стыдно! – внезапно гаркнула тоже открывшая глаза и уже успевшая оценить ситуацию Ася. – Подглядываешь за беззащитными женщинами! Аллах все видит!

Мальчишка охнул, залился краской, отвернулся, прикрыв глаза руками, и забормотал сбивчиво:

– Простите, простите... Я не подглядывал, я просто случайно вас увидел... Удивился...

Ася с Викторией быстро поднялись на ноги и уже натягивали высохшие вещи. От одежды теперь приятно пахло теплом и солнцем. И пейзаж вокруг расстился почти идиллический. Озеро лежало под ясным небом тихое, спокойное. Легкая рябь искрилась в солнечных лучах. Невозможно было и представить себе, что всего несколько часов назад тут бушевала стихия. Поросшие сочной зеленью пологие склоны гор, древние суровые камни с проблесками слюды, искривленные частыми сильными ветрами стволы деревьев. Слева берег крутым уступом уходил в воду, и там, на обрыве, виднелся силуэт старинной каменной церкви, увенчанной островерхой крышей.

– Откуда вы здесь? Заблудились? – тем временем спросил пришедший в себя мальчишка.

– Мы... – начала Ася.

Но Виктория поспешно перебила ее:

– Мы блогеры. Слышал про такое? Знаменитости. У нас в инстаграме сто тысяч подписчиков.

Мальчишка вытаращил глаза. Кажется, это заявление впечатлило его даже больше, чем их недавняя нагота.

– Пишем про путешествия, – тем временем частила Виктория. – Фотографии делаем. Сейчас ведем репортаж из вашего края. Как, кстати, вон тот храм называется? – Она указала рукой на здание на обрыве.

– Это древняя армянская церковь... – ответил пацан. Потом стрельнул в них смысленными глазами. – А айфон ваш где? С чего вы инстаграм ведете?

– В кармане айфон, – отрезала Ася. – Что, не рассмотрел, пока на нас тарасился? Не то свистнул бы?

– Что вы, я честный парень, – обиделся мальчишка.

– Правда? Хороший человек, значит? А можешь тогда нас до города довести? – деловито спросила Ася.

– Конечно, – закивал мальчишка. А потом предложил: – А может, вы зайдете к нам? Отдохнете с дороги, мать вас накормит.

Желудок Виктории отреагировал на упоминание еды с энтузиазмом. И все же она понимала, что им не стоит привлекать к себе внимания. Чем меньше людей их увидит, тем будет лучше. Взрослым не удастся так просто задурить мозги, к тому же кто-то может их запомнить и после дать показания.

– Нет, – твердо покачала головой она. – У нас челлендж – мы все делаем под открытым небом: ночуем, едим. Вот если ты из дома сможешь нам что-нибудь захватить – поесть, а главное, попить, – мы будем тебе очень благодарны.

– Хорошо. Тогда ждите меня у дороги. Я скоро вернусь, – пообещал мальчишка.

И, развернувшись, побежал прочь через густую высокую траву. Виктории видно было, как мелькала в хитросплетении стеблей его белая майка.

– Ну, с одной проблемой разобрались, – вздохнула Виктория. – Остается один вопрос: как мы поедем от города дальше. В Стамбул.

– Этот вопрос решаем, – усмехнулась Ася.

Запустила руку себе за пазуху и вытащила на свет тоненькую пачку свернутых купюр.

– Просто чудо, что они в озере не размокли. И даже высохли нормально, почти не покоробились.

– Ого! – ахнула Виктория. – Да ты, оказывается, подпольный миллионер. А говорила, все сбережения отдала Фатиме. Я и поверила...

– Главное, что Фатима поверила, – сверкнула глазами Ася. – Это нам еще пригодится на дорогу. Только... Ты уверена, что нам стоит ехать дальше? Может, лучше было бы пока схорониться где-нибудь в глуши?

– Уверена, – отрезала Виктория.

Ася посмотрела на нее с интересом, но допытываться не стала.

Мальчишка не обманул и через полчаса действительно появился на дороге, на обочине которой они с Асей его ждали. В одной руке он нес корзину, в которой проголодавшиеся и измучившиеся от жажды девушки еще издали разглядели бутылку с водой, краюху хлеба и

спелые персики. В другой же руке у парня была хворостина, которой он погонял рослого, даже на вид выносливого осла.

– Я так понимаю, это наш транспорт? – вполголоса заметила Виктория.

А Ася подхватила:

– Нечего сказать, колоритно.

Мальчишка, поравнявшись, протянул им корзинку. Виктория первым делом жадно припала к бутылке с водой, затем, напившись, передала ее Асе, сама же вонзила зубы в свежий, ароматный домашний хлеб. Утолив голод, девушки подступили к ослу. Тот пощипывал росшую у дороги траву и поводил ушами.

– По-моему, Боливару не выдержать двоих, – с сомнением сказала Ася, осмотрев его.

– Садитесь, садитесь, – принялся уверять их мальчишка, видимо, сообразивший, что женщины колеблются. – Хороший осел, сильный. Он вас в два счета довезет. Только... а вы мою фотографию потом в своем инстаграме выложите?

– Конечно, – заверила его Ася. – И тебя, и осла, всех сфотографируем. Прославитесь!

– Ну и как ты потом от него отделаешься? – негромко спросила Виктория по-русски, забираясь на осла.

– А, – отмахнулась со смехом Ася. – Скажу – новые технологии, камера в пуговицу вмонтирована.

Мальчишке пришлось ее подсадить – низкорослая Ася никак не могла вскарабкаться на осла. Однако в конце концов все получилось. Мальчишка взял осла за повод, дернул, и тот, понурившись, затрусил вперед.

– Так зачем нам в Стамбул? – хитро глянув на Викторию через плечо, спросила Ася, когда они, подпрыгивая, тряслись по ухабистой деревенской дороге.

– Появилась одна мыслишка, – отозвалась Виктория. – У меня есть знакомый, Мустафа. И мне кажется, он сможет нам помочь. Ума не приложу, как я не вспомнила о нем во время суда...

– А этот твой Мустафа не сдаст нас полиции? – недоверчиво спросила Ася.

– Не думаю, – усмехнулась Виктория. – Есть у меня подозрение, что он с полицией сам не в ладах. Влиятельный такой мужчина. – Она

сделала «страшное» лицо и заговорщически шепнула Асе: – Из мафии!

– Что ж ты сразу не сказала, что у тебя есть такие связи, – хмыкнула Ася. – Ну что ж, жди нас, о великий Мустафа!

Она покрепче ухватилась за уздечку и принялась смотреть на убегающую вперед пыльную дорогу.

– К несчастью, мой супруг оказался подлым человеком. Я ему доверилась, а он меня предал, – произнесла Ася, и в голосе ее задрожали слезы.

Виктория, сидевшая напротив, не могла не восхищаться подругой. Отмывшаяся от нечистот и дорожной пыли, сбросившая лохмотья и облачившаяся в мягкий белый халат до пола, Ася была невозможно хороша собой. Хрупкая и стройная, как горная серна: ее тоненькие запястья трогательно выступали из объемных рукавов халата. Влажные волосы темной волной ниспадали на плечи, темные миндалевидные глаза блестели от непролитых слез, с приоткрытых губ срывалось прерывистое дыхание. Если бы Виктория всего несколько часов назад собственными глазами не видела, на что способна эта беззащитная девочка, она бы, честное слово, поверила в разыгрывающийся тут спектакль.

Видно было, что и Мустафа «поплыл». Немолодой мужчина, прожженный делец и безжалостный главарь мафиозной структуры, он слушал Асю, подавшись вперед, и не сводил глаз с ее тонкого нежного лица. И когда та замолчала, всхлипнув и прикрыв глаза рукой, мягко подбодрил:

– Ничего не бойся, девочка. Расскажи мне все.

Радоваться раньше времени было опасно. И все же у Виктории было чувство, что они сорвали джек-пот.

До огромной виллы Мустафы, располагавшейся на крутом берегу, под которым ревело и стонало море, они добрались только к вечеру. Виктория однажды была здесь на приеме, куда пригласил ее сам хозяин, и хорошо помнила уютный, несмотря на гигантские размеры, дом, шикарную обстановку и роскошный сад, где в тени зеленых олив гуляли гости, угощаясь изысканными кушаньями, которые разносили вышколенные официанты.

Помнила она также и то, что дом охраняли суровые секьюрити, вооруженные до зубов. А это значило, что проникнуть туда будет непросто. И все же для них с Асей, оставшихся вне закона, без

документов и почти без денег – жалкие гроши, добытые тяжелым трудом в тюрьме, считать серьезным подспорьем не приходилось, – это была хоть какая-то надежда. Оставался, конечно, еще шанс, что Мустафа не проникнется их историей, не захочет помогать, а, наоборот, сдаст их властям. Но Виктория твердо верила в свою способность хорошо разбираться в людях, и внутреннее чутье подсказывало ей, что в худшем случае Мустафа выставит их за порог, но полицию привлекать не будет. Правда, за этот самый порог еще нужно было попасть.

О том, чтобы тайком вторгнуться на территорию виллы, и думать было нечего. Виктория не сомневалась, что у охраны есть приказ стрелять на поражение. Ася, оглядев мощный забор, перед которым они оказались, даже присвистнула:

– Ничего себе! Да этот дом охраняется, как Форт-Нокс.

– Может, и посерьезнее, – согласилась Виктория. – Но выбора у нас нет. В худшем случае, устроим перед воротами сидячую забастовку, пока нас не пустят внутрь.

– И голодовку, – кивнула Ася. – Кстати, так есть хочется...

Это было правдой. Хлеб и персики, которыми угостил их деревенский мальчишка, давно уже перестали давать ощущение сытости. Подъехать к дому Мустафы на каком-либо общественном транспорте было нельзя, и последнюю часть пути девушки проделали пешком. А потому буквально с ног валились от усталости.

– Попробуем постучать? – предложила Ася. – Снова прикинемся паломницами?

– Боюсь, тут у нас этот номер не пройдет, – покачала головой Виктория. – Эти парни – настоящие цепные псы, не наивные жители горных деревенок. Наверное, лучше всего будет сказать правду.

Они с Асей двинулись вдоль забора и вскоре вышли к массивным воротам, забранным высокой частой решеткой. Справа и слева находились будки охраны. Виктория сняла с головы шерстяную мужскую кепку, которую всю дорогу надвигала козырьком на лицо, и встряхнула волосами. Конечно, после многих месяцев тюремного быта, тяжелой дороги и вынужденного купания в озере ее пшеничная копна выглядела не так привлекательно, как обычно. И все же она надеялась, что с явной европейкой, блондинкой с голубыми глазами,

пускай и одетой в деревенские мужские лохмотья, охранники не посмеют обойтись грубо.

Нацепив на лицо самое уверенное выражение, Виктория зашагала к будке охраны.

– Добрый вечер, я к Мустафе-бею, – надменно произнесла она, смерив доблестного стража взглядом сверху вниз.

Охранник явно пришел в замешательство. С одной стороны, вид этих двух женщин, оборванных, грязных, пришедших сюда пешком, не внушал доверия. С другой – высокая яркая блондинка держалась так уверенно, как будто имела на это право. А это настораживало.

Посоветовавшись с коллегами, как и он, одетыми в песочного цвета форму, охранник вышел к Виктории, на всякий случай сжимая в руках оружие.

– Прошу прощения. Мустафа-бей вас ждет? – уточнил он, пошевелив пышными усами.

– Ммм... Нет. Но он будет рад меня видеть, – отрезала Виктория.

И по посуровевшему лицу охранника сразу поняла, что ответ ему не понравился.

– Послушайте, я – известная писательница Виктория Стрельцова, – с апломбом представилась она. – У вас там, в будке, есть компьютер? Загуглите мое имя и увидите, что я говорю правду.

Сообщать свою настоящую фамилию этому верзиле, наверное, было опасно. Тем более что в интернете он мог найти не только ее фотографию и список опубликованных книг, но и заметки о том, что она была осуждена за убийство мужа. И все же Виктория подозревала, что, если она не откроет свое инкогнито, к Мустафе ей не пробраться. И надеялась, что тот не позволит своим бойцам заявлять на нее в полицию.

Охранник внимательно выслушал ее и окинул подозрительным взглядом наряд Виктории.

– Пусть вас не смущает мой внешний вид, – с пафосом поспешила заверить та. – Писатель должен изучать жизнь, погружаться в самую ее гущу. Сейчас я пишу роман о жителях стамбульского дна и провожу исследование.

Кажется, эта пламенная речь охранника тоже не убедила. Он заглянул Виктории за плечо, окинул скептическим взглядом Асю и спросил:

– А это – ваша главная героиня?

– Эта женщина – мой секретарь! – сердито отбрила Виктория. – Немедленно сообщите Мустафе-бею о моем визите. Иначе у вас будут крупные неприятности.

Охранник помедлил, видимо, принимая решение, и наконец сообщил:

– Мустафа-бей отдыхает и не велел его беспокоить. Прошу вас удалиться. Иначе я буду вынужден принять меры.

Он уже взялся за дверцу будки, видимо, посчитав разговор оконченным. Виктория в ужасе поняла, что сейчас эта дверь захлопнется перед ними навсегда. И что им тогда делать, куда податься, будет не понятно. Неужели они проделали такой путь, рисковали жизнью, едва не захлебнулись в нечистотах, чуть не утонули в озере, чтобы теперь остаться на улице и попасть в лапы полиции? Ну уж нет!

– Послушайте! – яростно крикнула она в спину охраннику. – Дайте мне бумагу и ручку. Я набросаю записку для Мустафы-бея. Если после этого он не захочет меня принять, я уйду и больше вас не побеспокою.

То ли внешность величественной русской красавицы все же оказывала магическое действие на турков. То ли уверенный тон Виктории в конце концов поколебал намерения охранника. Так или иначе, но он, поразмыслив немного, вытащил из кармана форменной рубашки блокнот, выдернул из него листок и, вместе с ручкой, протянул Виктории:

– Пишите. Только быстро. Я не хочу, чтобы хозяин узнал, что возле ворот отирались какие-то сомнительные личности, а мы не приняли мер.

– Вам бы скорее стоило опасаться, что хозяин рассердится, когда узнает, кого вы не хотели пускать, – дерзко заявила Ася.

Виктория же взяла листок бумаги и задумалась. Понятно было, что длинное письмо с объяснениями от подозрительной незнакомки Мустафа читать не будет. Нужна была одна яркая фраза, которую хозяин виллы сразу узнает, по которой поймет, что у его ворот действительно ждет его знакомая русская писательница Виктория Стрельцова.

Виктории вдруг вспомнилось, что во время последней встречи они с Мустафой горячо обсуждали картину «Тень горы», над переводом которой она в то время работала. И Мустафа не раз в разговоре повторил прозвучавшую в фильме цитату из Ататюрка: «Безнадежных ситуаций не бывает. Бывают лишь люди без надежды». Пожалуй, это могло подойти. Виктория быстро написала фразу на листке бумаги и добавила от себя: «Не теряю надежды, что вы меня вспомните, Мустафа-бей, и согласитесь со мной поговорить». А затем вручила записку охраннику, поспешившему отнести ее в дом.

Ждать ответа пришлось довольно долго. Виктория, больше не в силах стоять на ногах, решила плюнуть на имидж надменной русской писательницы и присела на бордюрный камень у обочины. Ася устроилась рядом с ней и положила голову на колени.

– Я сейчас усну, – прошептала она. – Как думаешь, можем мы устроить лежащую забастовку?

– Держись! – негромко отозвалась Виктория. – Нас сейчас впустят. Должен же мой неизмеримый талант хоть раз в жизни спасти мне жизнь.

Солнце уже скатилось за горизонт. На дороге становилось все темнее. Море внизу с ревом колотилось о скалы.

И вдруг, когда женщины уже почти потеряли надежду, створки ворот с металлическим лязгом поползли в стороны. За ними открылась широкая подъездная аллея, обсаженная по сторонам высокими соснами. Стал виден ухоженный сад с уютными беседками, а дальше, в глубине, проглядывали сквозь зелень белоснежные очертания хозяйского дома. Из ворот вышла горничная в светло-сером платье и белом кружевном переднике и обратилась к девушкам:

– Прошу. Мустафа-бей ждет вас.

Ася подскочила на ноги первая.

– Смотри! Сим-сим открылся, – ахнула она по-русски.

Виктория встала вслед за ней. И девушки двинулись по аллее в пещеру Али-бабы, надеясь, что она сулит им спасение.

Поднявшись по широким мраморным ступенькам, горничная распахнула перед Викторией и Асей дверь дома, и девушки оказались в просторном холле. Пол, выложенный светлыми плитками, был натерт до блеска, так, что в нем отражались огни сверкавших под

потолком массивных люстр. Мягкие диваны так и манили опуститься на них и отдохнуть с дороги. А на низких столиках с гнутыми резными ножками поблескивали разнообразные безделушки.

Сам хозяин дома вышел к ним навстречу. Немолодой, но еще сильный и статный мужчина, белоснежные волосы которого оттеняли смуглое властное и волевое лицо с массивным подбородком, крупным носом и очень умными пронизательными глазами. Одетый в мягкие брюки и дорогую даже на вид розовую рубашку, Мустафа босиком стоял на роскошном ковре, перебирая в пальцах четки из слоновой кости. Он окинул Викторию внимательным взглядом, и та порадовалась своей природной способности в любых обстоятельствах, в любом обличье уметь держать себя по-королевски. Да, пускай сейчас она королева в изгнании, но все-таки королева.

– Здравствуйте, Мустафа-бей, – обратилась она к нему. – Надеюсь, вы меня узнали?

Тот ответил не сразу. Словно что-то обдумывая, но наконец пророкотал низким звучным голосом:

– Узнал. Что с вами случилось, госпожа Стрельцов? Неприятности?

– А вы разве не в курсе? – вопросом на вопрос ответила Виктория.

Предположить, что прошедший огонь и воду турецкий делец, вероятно тесно связанный с преступным миром, не слышал о злоключениях своей знакомой русской писательницы, было трудно.

– Почему же? – веско произнося каждое слово, ответил Мустафа. – Я слышал, что вы не слишком удачно вышли замуж. Но на свадьбу вы меня, несмотря на нашу старую дружбу, не пригласили. И после за советом не пришли. А привычки верить слухам я не имею.

Виктория почувствовала, как невольно заливаается краской. Надо же, а она думала, что давно разучилась смущаться. Видимо, было в Мустафе что-то настолько сильное, могучее и солидное, что заставляло даже взрослую опытную женщину чувствовать себя рядом с ним нашкодившей школьницей.

– Простите меня, Мустафа-бей. Вы совершенно правы, это было не по-дружески с моей стороны. И я сама не могу понять, почему так поступила. И все же теперь я здесь и прошу вашей помощи, – кротко признала она.

Мустафа медленно кивнул. Затем перевел взгляд в сторону, на Асю. И Виктории показалось, что в глазах его, глубоких, умных, мелькнуло что-то. Будто резкая вспышка на мгновение бликами отразилась в зрачках и тут же погасла. Однако от внимания писательницы, настолько привыкшей придирчиво следить за поступками и эмоциональными реакциями людей и теперь делавшей это просто машинально, по инерции, этот мимолетный отблеск не укрылся.

– А кто же ваша загадочная спутница? – спросил тем временем Мустафа.

– Это моя подруга Ася, – представила Виктория. – Подруга по несчастью. И ей тоже необходима помощь. Если бы вы согласились нас выслушать...

Ася тем временем выступила вперед. И, в одну секунду превратившись из никогда не унывающей находчивой девчонки в трогательно беззащитную принцессу, произнесла:

– Умоляю, сжальтесь над попавшими в беду женщинами, дайте нам кров, хотя бы на одну ночь. И Аллах не забудет вашей доброты, а я навсегда останусь вашей должницей, – срывающимся, слабым голосом произнесла Ася.

Именно тогда Мустафа и «поплыл», отметила Виктория. Куда только исчез угрюмый хозяин дома, намеревавшийся для начала устроить им строжайший допрос, а уж потом решать, давать ли беглянкам кров. Поспешно шагнув вперед, он подхватил едва не падающую с ног Асю под руку и уже с куда большим участием и сочувствием пробасил:

– Милая моя, да вы же на ногах не держитесь. Что же вы сразу не сказали. Проходите, проходите. Умойтесь, поешьте, отдохните с дороги. А после мы обо всем поговорим.

– Благодарю вас. Вы добрый человек, – простонала Ася.

Опираясь на руку Мустафы, она двинулась вслед за ним к ведущей на второй этаж мраморной лестнице. Но на ходу все же успела обернуться и подмигнуть Виктории хитрым блестящим глазом.

– А ты, оказывается, гениальная актриса, подруга! – с невольным восхищением произнесла Виктория, когда они с Асей остались вдвоем.

Мустафа, снова кликнув горничную, велел ей проводить женщин в комнаты для гостей и снабдить всем необходимым. И теперь,

оказавшись в роскошной спальне с широкой кроватью, застеленной благоухающим лавандой бельем, они все никак не могли освоиться и поверить, что безумная гонка, продолжавшаяся последние два дня, окончилась.

– О, ты еще и половины моих талантов не знаешь, – хохотнула Ася. – Чур я первая в душ.

Она подхватила один из белых махровых халатов, сложенных на кровати, и направилась к двери в ванную. И у входа обернулась:

– А знаешь, он мне правда понравился. Сразу видно, порядочный мужчина.

– Если мои догадки верны, этот порядочный мужчина – прожженный мафиози, – хмыкнула Виктория. – И еще неизвестно, не вызывает ли он прямо сейчас, пока мы тут расслабляемся, полицию.

– Да брось, госпожа писательница, – весело отмахнулась Ася. – Ты ведь у нас инженер человеческих душ. Ты не привела бы нас сюда, если бы не была подспудно уверена, что он нам поможет.

– Вот и проверим, – неопределенно отозвалась Виктория.

Ей тоже хотелось верить в собственное умение разбираться в людях. Однако в случае с замужеством оно ее подвело...

Теперь, отдохнувшие, отмывшиеся и перекусившие яствами, которые приготовили для них слуги Мустафы, они сидели в небольшой уютной гостиной. В камине тихо потрескивал огонь, смутные тени от пламени плясали на полу. Свою историю Виктория уже поведала и по лицу сдержанно кивавшего на ее слова Мустафы поняла, что он, разумеется, давно был в курсе. Несколько уточняющих вопросов, пара комментариев, и хозяин дома обратил все свое внимание к Асе.

Ее печальную историю Виктория знала. Но в тюрьме Ася поведала ее сдержанно и без подробностей. И потому сейчас, когда подруга снова «включила» драматическую актрису, рассказывала эмоционально и с деталями, Виктория слушала ее, как в первый раз.

– Я выросла на Кавказе, в Чечне, – повествовала Ася.

В темных глазах ее подрагивали оранжевые искорки – отблески горевшего в камине огня. Смоляные волосы в теплом свете отливали медью. И Виктория невольно любовалась подругой, хлебнувшей в жизни горя, но не утратившей изящества, грации и чистоты души восточной красавицы. Речь ее стала чарующе плавной, переливчатой.

Наверное, именно так некогда рассказывала Шахерезада, дурманя своими волшебными сказками голову Шахрияру.

– Меня, как и подобает на Кавказе, воспитывали как мусульманку. Учили, что женщина должна быть покорной, во всем слушать мужа, доверять ему и поддерживать в любых начинаниях. Я получила отличное экономическое образование, пошла работать в финансовую организацию, сразу начала подниматься по карьерной лестнице. И все же в душе я так и оставалась женщиной с традиционными ценностями. Больше всего на свете мне хотелось завести семью, выйти замуж за достойного, умного и доброго человека, заботиться о нем и наших будущих детях. Наверное, в современном мире это звучит глупо?

Длинные ресницы Аси задрожали, глаза влажно блеснули. «Вот дает!» – ахнула про себя Виктория. Она не сомневалась в том, что Ася рассказывает правду. И все же подруга умудрялась обставлять свое повествование так, что у сдержанного степенного Мустафы в глазах начинали плясать влюбленные чертята.

– Ничего подобного, – возразил он. – Семья, дети, дом... Что может быть важнее для порядочной верующей девушки?

Виктория вспомнила, что хозяин дома давно овдовел. Как ей рассказывали, он очень любил жену, прожил с ней в мире и согласии двадцать лет, воспитал троих детей, теперь уже выросших. А после смерти супруг так и не женился во второй раз, продолжал жить одиночкой.

– День, когда я встретила своего будущего мужа, показался мне счастливейшим в моей жизни. Он был молодым, но уже состоявшимся человеком, государственным чиновником. Конечно, не самого высокого ранга. Но мне казалось, что с его амбициями и трудолюбием он пойдет далеко. Я поверила, что этот мужчина искренне полюбил меня, согласилась быть его женой. Мы сыграли свадьбу, а вскоре переехали в Турцию, куда его перевели по работе.

Мне не хотелось уезжать из родного края, расставаться с родными и друзьями. К тому же пришлось уволиться с работы... Но я верила, что жена должна следовать за мужем, это самое главное. А еще я надеялась, что вскоре у нас появятся дети и я смогу посвятить себя заботе о них. Но муж уговаривал меня не спешить с детьми, подождать, пока наше положение не устоится. И я, конечно, согласилась. В Турции мне поначалу было тяжело. Пускай я,

занимаясь с частным преподавателем, быстро выучила язык и научилась свободно общаться, но друзей здесь у меня не было, муж все время пропадал по делам, а выходить без него мне не хотелось. И на работу сразу устроиться не удалось. И вот, видя, как я тоскую, супруг предложил мне открыть благотворительный фонд в пользу детей Сирии, оставшихся сиротами в результате войны. Притом открыть его на мое имя, сделать меня президентом этой организации.

– Какой заботливый, – хмыкнула Виктория, уже знавшая, чем окончилась эта история.

Мустафа нахмурился, между его седых бровей пролегла глубокая вертикальная морщина. Он поднялся, подошел к низкому столику, на котором стояли серебряный кофейник и крошечные фарфоровые чашки, плеснул Асе еще кофе и вложил чашку ей в руки.

– Не спеши, девочка, – исполненным участия голосом произнес он. – Я понимаю, тебе тяжело рассказывать.

Ася через силу улыбнулась и посмотрела на него глазами, полными слез. Виктория с восхищением покачала головой. Несчастливая, обманутая Ася была сейчас настолько очаровательна, что камень бы дрогнул.

– Ничего, – стойко произнесла она. – Я расскажу. У меня, к сожалению, было много времени, чтобы переосмыслить и пережить эту историю. Я с радостью занялась фондом. Мне нравилось организовывать благотворительные мероприятия, искать для несчастных деток жилье и медицинскую помощь, помогать их матерям устроиться. Мне казалось, что мы делаем по-настоящему полезное дело. Муж убедил меня, что я должна взять на себя творческую часть, чтобы получать максимум удовольствия от процесса и отдачи. А для всей внутренней «кухни» – ведения бухгалтерии, отчетности и т. д. – он наймет лучших профессионалов. До сих пор корю себя за то, что я, человек с экономическим образованием, согласилась на это и не проконтролировала все лично. Но меня воспитывали так, что мужу я безоговорочно доверяла.

– Он обманул тебя, девочка? – В мягком голосе Мустафы зазвенели гневные нотки. – Использовал фонд, чтобы отмывать деньги?

– Вот видите, – доверчиво взглянула на него Ася. – Вы сразу все поняли. А я не догадалась. Я и понятия не имела, что мой муж, кроме

основной службы, занимается каким-то темным бизнесом. Нелегальными поставками товаров из Турции в Россию, уходом от налогов... И когда в мой кабинет ворвались люди в форме и арестовали меня... Я не то что была к этому не готова, это было как гром среди ясного неба. Меня вывели из здания в наручниках. Все видели, показывали на меня пальцами. Вы представляете?

Она всхлипнула. Мустафа поспешно извлек из кармана рубашки носовой платок и протянул ей. Ася уткнулась в него лицом.

– Но ведь твой муж неплохо зарабатывал, к тому же был человеком влиятельным, – вступила Виктория, решив, что пора бы и ей выйти на сцену. – Наверняка он нанял тебе лучших адвокатов.

– Каких там адвокатов, – отмахнулась Ася.

Широкий рукав халата от этого движения сполз с ее руки, и от Виктории не укрылось, с каким пылом Мустафа оглядел изящный локоть и тонкое запястье ее подруги.

– Наоборот, он полностью откrestился от меня и от фонда. Дал показания, что не имел к нему никакого отношения, что это было целиком дело его супруги. Бывшей супруги, – снова всхлипнула Ася. – Стоило мне оказаться в тюрьме, как он сразу же оформил развод. Ведь я же преступница, его со мной развели по первому обращению.

– Подонок, – негромко выговорил, как сплюнул, Мустафа.

Виктория покосилась на него и подумала, что вот теперь, пожалуй, он стал больше похож на безжалостного прожженного мафиози. Человека, смотревшего так, можно было испугаться. Мустафа не клокотал от ярости, не ругался, не крушил мебель, наоборот, с виду казался абсолютно спокойным. И все же по его взгляду, жгущему, словно раскаленный металл, по отяжелевшему подбородку, по грозно сдвинутым бровям можно было понять, что мужчина этот разгневан до крайности и способен в гневе на что угодно.

– Я была осуждена за финансовые махинации и оказалась в тюрьме, – продолжала Ася. – У меня не было ни помощи, ни поддержки из внешнего мира. Никто не навещал меня. Никто ничего не передавал. Вы, Мустафа-бей, наверное, представляете, что такое турецкая тюрьма. Рано или поздно я бы просто погибла там. Если бы мне не встретила Виктория.

– Ну-ну, брось. – Виктория поднялась из глубокого кресла, подошла к Асе и порывисто обняла подругу. – Ты сделала ничуть не меньше меня. Если бы не твоя изобретательность и мужество, нам никогда не удалось бы бежать.

Мустафа окинул пристальным взглядом прильнувших друг к другу женщин. Затем вдруг отвернулся и прошелся по комнате. Ася и Виктория переглянулись. Кажется, настал момент истины. Сейчас суровый мафиози объявит свой вердикт: тронули ли его их злоключения или он выставит их за дверь.

Молчание затягивалось. Ася тревожно поерзала, и Виктория ободряюще сжала ее пальцы. Если уж Асины слезы не растопили сердце этого гранитного мужика, значит, все будет бесполезно. Ничего более убедительного им не представить.

Наконец Мустафа обернулся к ним, опустился в кресло напротив и заговорил:

– Я выслушал вас, девушки. И могу сказать искренне, что верю вам. Вы обе не виноваты в том, что с вами произошло. Но прежде чем пообещать вам помощь, я хочу понять, чего вы хотите сами. Я могу переправить вас за границу. Могу дать вам новые документы и сделать так, что никто никогда не вспомнит, кем вы были раньше. Могу стереть в порошок твоего бывшего супруга, девочка, – он бросил быстрый взгляд на Асю. – Отвечайте, что вам нужно?

– Спасибо вам, Мустафа-бей, – сказала Виктория.

И Ася живо подхватила:

– Огромное спасибо! Вы возвращаете мне веру в то, что честные порядочные мужчины еще остались на земле. Я... – Она сложила руки под подбородком и горячо проговорила: – Я хотела бы очистить свое имя. Жить под чужой личиной тяжело, я человек по натуре искренний и прямой, не смогу притворяться. Пусть все узнают, что меня обвинили несправедливо, что я была ни в чем не виновата. И пускай суд покарает виновных.

Виктория могла бы поклясться, что ответ Аси приятно поразил Мустафу. Наверное, он не осудил бы ее, если бы она пожелала, чтобы головорезы мафии нашли ее негодяя-супруга и заставили его заплатить за все, что он сделал. И все же такая честность, прямота и желание действовать по совести отчего-то пришлись старому пирату по душе. Он степенно кивнул и проговорил:

– Понял тебя, девочка. Дело за вами, госпожа Стрельников. Каково же ваше желание?

Виктория усмехнулась. В памяти вдруг всплыло искаженное злобой лицо Альтана, истерично кривящийся рот, изрыгающий проклятия. И ее собственные слова: «Ты горько пожалеешь о том, как обошелся со мной».

– Знаете, Мустафа-бей, – сказала она, гордо откинув голову. – Я, к сожалению, не такая чистая душа, как Ася. И потому мое главное желание – отомстить. Отомстить тому, по чьей вине все это со мной произошло.

«Постановка «Дяди Вани», я в роли доктора Астрова, – гласила подпись под фотографией. – С нетерпением жду новых театральных проектов».

На снимке Альтан, облаченный в костюм по моде конца XIX века, трагически сдвинув брови, взирал со сцены в зал. В комментариях под фото восторженные фанатки привычно восторгались: «Не могу передать, как вы прекрасны!»; «Спасибо за ваш талант!»; «Когда же мы снова увидим вас на сцене?». Альтан скрупулезно лайкал каждый фонтанирующий восхищением комментарий и изредка отвечал особо отличившимся что-нибудь пафосное, например: «Благодарю, мои дорогие зрители. Я творю только для вас». Судя по всему, в жизни его особенно ничего не изменилось.

Впервые за последние месяцы получив доступ к интернету, Виктория никак не могла оторваться от этой ярмарки тщеславия. Накануне, окончив разговор с Мустафой, она без сил рухнула в постель и проспала, кажется, целые сутки. И вот наступил следующий день. Мустафа любезно предоставил в их с Асей распоряжение несколько комнат, включая две спальни, ванные и этот кабинет, напичканный едва ли не всеми современными гаджетами. Хозяин заверил, что в этом доме их никто не найдет и не потревожит, и предложил пока отдышаться и собраться с мыслями. Ася, подумав, объявила, что ей нужно переговорить с адвокатом, специализирующимся на финансовых махинациях. Виктория же еще не решила, с чего начнет воплощать в жизнь свой план.

После завтрака отдохнувшая, посвежевшая Ася отправилась с Мустафой осматривать виллу. Гостеприимный хозяин, явно все еще находившийся под впечатлением от ее чар, сверкая глазами, предложил показать госте свои владения. И Ася любезно согласилась, не забыв трогательно вздохнуть:

– Ах, но только если это вас не затруднит. Вы же занятой человек, а тут я со своими глупостями.

Мустафа, дергая встопорщившимися усами, заявил, что его нисколько не затруднит, наоборот, он счастлив будет провести

несколько часов в спокойной, почти домашней обстановке, чего давно уже с ним не случилось.

И теперь, когда странная парочка удалилась на прогулку, Виктория, оставшись одна в кабинете, погрузилась в сеть, чтобы выяснить, как Альтан жил все это время. По собранным ею данным выходило, что смерть брата и осуждение невестки не слишком сильно на нем отразились. Новости по-прежнему пестрели сообщениями о богемных вечеринках, которые звезда сериалов почтил своим присутствием. О замеченных в его обществе старлетках и инстаграмных красотках, об эксцентричных выходках и скандалах на съемочной площадке. Поклонницы с жаром обсуждали сплетни о новых пассиях своего любимца, строили прогнозы о том, кто же в конце концов завоюет его сердце. А герой их грез, похоже, наслаждался этими бурными дебатами и делал все, чтобы подлить масла в огонь.

Однако информации о на шумевших премьерах фильмов с участием Альтана в интернете не было. По всему выходило, что после съемок в «Тени горы» в карьере Альтана больше не случилось прорывов. Парочка очередных слезливых сериалов, несколько рекламных роликов... Неужели этим ограничивались его достижения за прошедшее время? А как же творческие амбиции? Как, в конце концов, его невероятный драматический талант, в наличии которого Виктория, несмотря ни на что, нисколько не сомневалась? Где театральные премьеры, где арт-хаусные фильмы? Ей вспомнилось, как Альтан туманно говорил о некоем «спаде в карьере», из-за которого ему надолго пришлось впрячься в сериальное ярмо. И как Джан позже кричал ей, что этот пресловутый «спад в карьере» был вызван его героиновой зависимостью. Она тогда не поверила его рассказам, не верила им и сейчас. Альтан по-прежнему не был похож на героинового наркомана. На гуляку, пьяницу, любителя гашиша и беспорядочных связей – да. Но не на героинщика. И все же ощущение складывалось такое, что он уверенно гробит собственную карьеру. То ли своим скандальным характером и богемным образом жизни, то ли чем-то еще...

Покончив с изысканиями, Виктория открыла ленту новостей. И едва ли не сразу же наткнулась на собственную фотографию. «Две женщины-заключенные совершили дерзкий побег из тюрьмы...» –

сообщала заметка. Далее шли их с Асей снимки, описание особых примет. «Всем, кто видел этих женщин или знает что-либо об их местонахождении, просьба сообщить об этом в ближайшее отделение полиции».

Виктория несколько минут неотрывно смотрела в экран, на собственное изображение. Затем машинально перешла на другую вкладку и уставилась на фотографии с очередной вечеринки, где блистал Альтан. Вот, значит, как. Она стала изгоем, беглянкой, вынужденной скрываться от всех. Потеряла все: свободу, карьеру, друзей, собственное доброе имя. Напиши она сейчас роман о своих тюремных впечатлениях, о побеге, о скитаниях – и каким бы богатым ни был материал, ей некуда будет его отнести. Издать его под своим именем она не сможет, а начинать все с нуля, снова шаг за шагом завоевывать признание... При этом с риском в любую минуту быть схваченной властями...

Все, чего она добивалась годами, все, чего достигла к тридцати пяти, пошло прахом. И не в последнюю очередь из-за него – этого проклятого Питера Пэна, с которым судьба столкнула ее однажды осенним днем в здании киностудии. Он же продолжает веселиться и прожигать жизнь, как будто бы ничего не произошло. Как будто бы не его предательство толкнуло Викторию в объятия его брата. Как будто не по его милости Джан тогда рассвирепел и напал на нее, в результате чего погиб. Все было ложью – и его мнимое раскаяние, и слезы в зале суда. Даже не ложью – а так, мимолетной эмоцией безнравственного безответственного повесы. Всплакнул, умылся и пошел себе дальше по жизни, нисколько не сожалея о тех, кого погубил.

Так разве не справедливо будет, если и он хлебнет хоть толику той каши, которую сам заварил? Узнает вкус разочарования, горечь потерь? Пускай он никого не любит, есть все же в его жизни то, что ему дорого. И Виктория точно знала, что это. Ей вспомнились часы, которые она проводила в театре, сидя в зале во время репетиций. Как Альтан метался по сцене в те минуты, когда ему казалось, что роль ему не дается. Как бесконечно искал нужную интонацию, точный жест, верный взгляд. Да, к своей театральной работе этот вечный беспечный мальчик относился серьезно. Что ж, по ней она и ударит.

Вернувшись Ася застала Викторию за тщательным изучением информации обо всех стамбульских театрах: об их истории, самых

громких проектах, художественных руководителях. На экране компьютера была открыта папка, куда Виктория сохраняла все найденные ссылки, статьи и документы.

– Ого! Ты что это, решила за диссертацию засесть? – рассмеялась она. – Я смотрю, ты не теряешься. И правильно. Раз писательство пока под запретом, можно по-быстрому сделать научную карьеру.

– Да это ты не теряешься. – Виктория сохранила в папку информацию о театре Moda Theatre Kadikoy и обернулась к подруге: – Как Мустафа, еще не предложил тебе руку и сердце?

К ее удивлению, Ася не поддержала шутливый тон.

– Можешь не верить, но мне с ним действительно хорошо. Спокойно так. И интересно. Он очень многое знает об истории своей страны и так увлекательно рассказывает... Я заслушалась.

– Меня он никогда подобными беседами не удостаивал, – хмыкнула Виктория. – Наверное, ты пробудила огонь в его давно остывшем сердце. Берегись, подруга! Как бы этот дикий абрек не уволок тебя в свое логово.

– Знаешь ли, – фыркнула Ася, – после моего бывшего мужа мне ничего не страшно. Был у меня уже ценитель европейского образа жизни, так кичился, что дает мне свободу, только для того, чтобы после повесить на меня все свои черные дела и упрятать за решетку. На его фоне этот степенный восточный бей только выигрывает.

– Что ж, дело твое, – пожала плечами Виктория.

– Тем более, – продолжала Ася, – он так трепетно ко мне относится. Ей-богу, с ним рядом чувствуешь себя принцессой, попавшей в беду. Если благодаря ему я смогу очистить свое имя и снова стать честным членом общества...

– То что, родишь ему наследника в благодарность? – поддела Виктория.

– А почему бы и нет, – отозвалась Ася и упала спиной на кровать.

Сладко потянувшись, она перекатилась на живот, подперла подбородок кулаком и снова глянула в экран компьютера, за которым сидела Виктория.

– Ну а теперь колись, что это ты такое задумала?

– Да так, есть кое-какие соображения, – отозвалась Виктория. – Только для начала их бы стоило обсудить с твоим потенциальным женихом.

Moda Theatre Kadikou давно уже переживал не лучшие времена. Если верить информации, которую Виктория накопила в интернете, никаких серьезных проектов на их сцене давно не ставилось. Детские спектакли, несколько пьес из классического репертуара, малоизвестные актеры, режиссер-постановщик с не сложившейся карьерой... В общем, печальная история.

Неудивительно, что, получив предложение о сотрудничестве от фонда помощи животным, пережившим жестокое обращение, худрук театра тут же назначил встречу с его представителями. И теперь отчаянно пытался сделать хорошую мину при плохой игре.

– Клянусь вам, вы не пожалеете, что обратились к нам, – соловьем разливался он. – В наш грубый век, когда многие низвели искусство до простой коммерции, мы прилагаем все силы, чтобы сохранить высокую планку...

Дальше Виктория слушать не стала. Вместо этого обвела глазами всех присутствующих, насколько это позволяла узкая прорезь, ограничивавшая ей обзор. Директор фонда, Ремзи Давутоглу, мужик лет сорока с красной мясистой шеей, таращил на распинавшегося худрука осоловелые глаза. Похоже, он уже на второй фразе потерял нить повествования и теперь усиленно делал умное лицо, ни черта не понимая в происходящем. Трудно было представить себе человека, более далекого от искусства. Но ничего не попишешь, приходилось работать с тем материалом, который был доступен.

Зато Мустафа был прекрасен. Облаченный в светлый летний костюм, с торчащим из выреза небрежно завязанным узлом шейного платка, со слегка растрепанными седеющими волосами, он имел вид настолько богемный, будто большую часть жизни не занимался незаконным бизнесом, а как минимум коллекционировал шедевры импрессионистов. Если бы ситуация позволяла, Виктория не удержалась бы и зааплодировала.

Несколько дней назад, открывая Мустафе свой план, она и подумать не могла, что суровый мафиози захочет принять в нем самое деятельное участие. Надеялась разве что на небольшую помощь с его стороны. Предложение, если честно, было насквозь сомнительное – вложить пускай и не большую для человека такого уровня, но в целом

значительную сумму в проект, не сулящий никакой прибыли... И все ради помощи случайной знакомой... Да кто на это пойдет?

Однако Мустафа выслушал ее внимательно, позадал уточняющие вопросы и выдал неожиданное:

– Хорошо. Только я пойду с вами.

– Ээ... Но зачем? – не удержавшись, выпалила Виктория.

Мустафа же усмехнулся в усы:

– Держу пари, вы ломаете голову, почему я согласился вам помогать. Пытаетесь разгадать, что это – внезапная вспышка милосердия или попытка наварить на этом темном деле какую-то прибыль. А может быть, вы думаете, что завзятый бандит таким образом замаливает грехи перед Аллахом. Сознаться, были такие мысли?

Виктория кивнула, про себя подумав, что в первую очередь ставила на то, что Мустафа всерьез увлекся Асей, а потому и ей, как подруге, перепадет немного его поддержки.

– Я вам открою правду, – тем временем продолжал Мустафа. – В молодости я вынужден был очень много работать, чтобы дать семье достойный уровень жизни. Бизнес, конкуренция, переговоры... Не стану посвящать вас в детали.

«Да уж, не стоит», – подумала Виктория, примерно представляя себе, как могли проходить переговоры молодого и резвого Мустафы с конкурентами.

– Времени на то, чтобы побыть с семьей, развлечься, затеять что-то веселое, просто не было. И вот теперь у меня есть все. Я могу в любой момент отойти от дел и заняться чем-нибудь, о чем всегда мечтал. Но... – Мустафа развел руками. – Жизнь не прощает упущенных возможностей и не дает вторых шансов. Мне пятьдесят пять лет. Мои дети давно выросли и живут своей жизнью. Моя жена Гюнеш умерла несколько лет назад. Вы, наверное, представляете себе, что у меня роскошная интересная беспечальная жизнь. Однако это не так. Я чудовищно скучаю. Я не знаю, чем себя развлечь. В жизни мне пришлось пережить много острых ощущений, и все, что я мог бы испытать сейчас, не дотягивает до их уровня. Кажется детской игрой. Но вот появляетесь вы...

– Я поняла вас! – обрадованно перебила Виктория. – Вы хотите сказать, что реальная игра, в которой ставкой становится чья-то жизнь,

свобода и благополучие, влечет вас гораздо сильнее, чем любой специально спланированный и разработанный под ваши запросы, но при этом совершенно безопасный стерильный квест.

– Вы совершенно правы, госпожа писательница, – подтвердил Мустафа. – Смотрю, глаза у вас загорелись. Не ожидали такого поворота?

– Не в этом дело, – усмехнулась Виктория. – Просто... вы потрясающе интересный человек, господин Мустафа. И я уже предвкушаю, как однажды опишу подобного вам героя в книжке.

– Что ж, если наша операция удастся, даю вам на это свое разрешение, – величаво произнес Мустафа.

Вот так и вышло, что сегодня большой мафиозный босс тоже оказался на переговорах, изображая из себя ушедшего на покой бизнесмена, решившего вложиться в искусство.

Привлечь к делу фонд помощи животным, пережившим жестокое обращение, тоже предложил он. Выслушав план Виктории, старый пират ненадолго задумался, сгреб подбородок в горсть, машинально разгладил указательным пальцем усы и наконец произнес:

– Моя покойная жена очень любила животных.

Виктория вопросительно подняла брови, не понимая, как эта информация относится к их делу. Но Мустафа продолжил:

– За несколько лет до смерти она основала фонд... Признаться, я им не занимался и после смерти Гюнеш он существовал сам по себе, хотя номинально и принадлежал мне. Думаю, сейчас он может быть нам полезен.

И вот теперь директор фонда Ремзи Давутоглу, явно скучая, выслушивал излияния худрука театра. Мустафа, откинувшись в кресле, с интересом изучал развешанные по стенам фотографии сцен из спектаклей театра. А Виктория тихо сидела в углу, наблюдая за происходящим из-под никаба. Нарядить ее в черное одеяние правоверной мусульманки предложила Ася.

– Ты с ума сошла? Собираешься вот так просто разгуливать по Стамбулу? Да легче сразу пойти и сдать полицию.

– Ну, знаешь ли, сидеть дома и уповать на то, что Мустафа со своими людьми все сделает за меня, я тоже не буду. Это моя история, мое дело, и я хочу сама довести его до конца.

– А я тебе и не предлагаю сидеть дома, – возразила Ася. – Раз уж эта история началась с маскарада, пусть им и продолжится.

Теперь Виктория вынуждена была согласиться, что идея Аси оказалась просто гениальной. Узнать ее под черными тряпками было невозможно. Правда, ходить во всех этих покрывалах было тяжело, они так и норовили запутаться в ногах. Зато сама она, оставаясь незаметной тенью для всех присутствовавших, могла спокойно наблюдать за происходящим. Мустафа представил ее художнику как свою племянницу, дочь двоюродной сестры, выросшую в далеком горном селении. Тот скользнул по дальней родственнице большого босса равнодушным взглядом и больше уже не уделял ей внимания. Его задачей было убедить инвесторов в том, что они сделали правильный выбор, пока те не сообразили, что решили вложить деньги в загибающийся театр, и не поспешили унести ноги подальше.

– Общественное мнение Турции очень косное, вы верно отметили. И признаюсь вам честно, мне не раз подрезали крылья, – продолжал художник. – Я мечтаю о серьезной работе, хочу ставить острые, провокационные произведения. Выходить на международные фестивали. И ваше предложение уже разбудило мое вдохновение.

– Я понял вас, – важно пробасил Мустафа, когда запас красноречия художника наконец иссяк и тот, извинившись, нацедил себе стакан воды из кулера и осушил его залпом. – Не сомневайтесь, если спектакль получится ярким, мы устроим вам и европейские театральные подмостки и международные фестивали. Ну, а для начала займемся постановкой, подготовкой премьеры и первого блока спектаклей. Думаю, все финансовые вопросы вы можете обсудить с директором фонда Ремзи Давутоглу. Не стану вам мешать. Но прежде чем мы с племянницей удалимся, хотелось бы обговорить одно условие.

Худрук напрягся, как сеттер, почуявший добычу. Виктории показалось даже, что он весь вытянулся вперед и застыл под углом 45 градусов к земле. Мустафа оглянулся на нее, и Виктория на мгновение опустила веки, давая понять, что все идет отлично, именно так, как она и планировала. Худрук, движимый неудовлетворенными творческими амбициями, заглотив наживку и теперь согласится на все, что угодно.

– Мы настаиваем, чтобы главную роль в постановке исполнял актер Альтан... – вкрадчиво произнес Мустафа.

Худрук переменялся в лице и нахмурился.

– Безусловно, Альтан... очень талантливый актер. Но он... довольно сложный человек и сотрудничать с ним... не всегда удается успешно. К тому же гонорар...

– Послушайте, уважаемый, – перебил Мустафа.

Голос у него был мягкий, словно бы обволакивающий собеседника. И все же крылось в этой мягкости что-то настолько сильное и нестигаемое, что сомнений в твердости его намерений не оставалось. Викторией подумалось, что его речь опутывает, как удав, крепко обвивает кольцами только для того, чтобы в случае неповиновения задушить любые попытки сопротивления.

– Я ведь представил вам свою племянницу Хазал? – продолжал Мустафа, кивнув на Викторию. Та сделала робкий шаг вперед и потупилась, как и подобало восточной женщине. – Ее родители недавно умерли, бедняжка осталась сиротой. Я забрал ее в Стамбул из родной деревни и поклялся, что постараюсь, насколько это возможно, сделать все, чтобы она была счастлива. Любое ее желание – закон для меня. И так уж вышло, что Хазал – большая поклонница Альтана... Поэтому я хочу, чтобы вы поняли меня правильно: наша договоренность будет соблюдена только в том случае, если главную роль в спектакле будет играть он.

Худрук, видно, тоже ощутивший стальную мощь Мустафы, спрятанную под обманчивой мягкостью тона, побледнел, судорожно сглотнул и закивал:

– Конечно, конечно. Альтан-бей, безусловно, актер редкостного дарования. Для нас будет честью сделать постановку с его участием. Если только он согласится...

– Постарайтесь, чтобы согласился, – припечатал Мустафа и поднялся с кресла. – Оставляю вас решать финансовые вопросы, господин... Всего доброго.

Мустафа направился к двери, и Виктория засеменяла вслед за ним, стараясь не споткнуться о путающиеся в ногах тряпки. У входа в театр охранник распахнул перед ними двери «Мерседеса» представительского класса с затемненными стеклами. Виктория забралась на заднее сиденье, дождалась, пока дверь за ней захлопнется, и с облегчением стянула с головы никаб.

– Ффух, как же душно под этим покрывалом.

Мустафа, разместившийся напротив, усмехнулся в усы:

– Роль скромной девушки из горного села нелегко вам дается, госпожа Стрельников?

– Поверьте, ради того, чтобы воплотить мой план в жизнь, я сыграю кого угодно, – возразила Виктория. – Воображаю, в какой восторг придет Альтан, когда этот велеречивый худрук к нему обратится. Сыграть какого-нибудь негодяя и психопата в провокационной пьесе – это же его мечта. Такие персонажи всегда удавались ему лучше всего. Даже удивительно, почему так, не правда ли? – Она скептически хмыкнула.

– Вы коварный человек. Не хотел бы я однажды перейти вам дорогу, – деланно испугался Мустафа, негромко рассмеялся и хотел еще что-то сказать, но тут в кармане его богемного пиджака зазвонил телефон.

«Мерседес» плавно плыл по улицам Стамбула. И Виктория жадно вглядывалась в пейзаж за окном. Она и не подозревала, что так соскучилась по своему любимому городу. Трафик был напряженный, водителю пришлось сбросить скорость. Теперь справа от Виктории за окнами машины медленно проплывала набережная Босфора. Могучие камни, омываемые водой, степенно ползущие баржи, расчерчивающие небо зигзагами белоснежные чайки. А вот замелькали у самой кромки гладкие, словно лоснящиеся, выгнутые черные спины. Это стайка любопытных дельфинов приплыла поглазеть на кипящий жизнью древний город и затеяла веселые игры прямо возле набережной. В чуть приоткрытое окно тянуло свежестью, солью, вольным ветром. И Виктории вспоминалось, как счастлива она была здесь когда-то. Как ждала вон на той скамейке Альтана, как после они вдвоем прогуливались по набережной и, смеясь, наблюдали за дельфинами. Как безоглядно была влюблена в этого человека, который так безбожно и страшно ее предал.

Мустафа говорил с кем-то по телефону. Виктория особенно не вслушивалась в беседу, но несколько фраз все же уловила.

– Я так и знал, что однажды Веселый обязательно наследит, – с удовлетворением произнес Мустафа. – Продолжайте копать, скоро мы на него выйдем. Думал скрыться, essek^[1]!

Вот теперь он снова походил на безжалостного мафиозного деятеля. Виктория не переставала удивляться, как легко этот человек

менял обличье. То превращался во внимательного доброго дядюшку, проявившего милосердие к загнанным в угол женщинам. То становился галантным кавалером, увлеченным красотой и грацией случайно попавшей к нему в дом гостьи. То оборачивался авантюристом, соскучившимся без приключений. А то вдруг, вот как сейчас, принимал облик грозного вершителя судеб.

– Какие-то проблемы? – спросила она, когда Мустафа, закончив разговор, убрал мобильный обратно в карман.

– Просто один скользкий тип думал, что ему удастся меня надуть, – коротко усмехнулся Мустафа. – Придется объяснить ему, что так не получится.

– Знаете, мне бы тоже не хотелось однажды перейти вам дорогу, – повторила Виктория недавние слова Мустафы.

– В таком случае, нам с вами лучше действовать сообща, – отозвался прожженный пират.

– Меня арестовали прямо в собственном кабинете. И с того дня домой я уже не возвращалась, – рассказывала Ася.

Виктория слушала историю ее злоключений уже в третий раз. Правда, теперь основным адресатом этой печальной повести был приглашенный Мустафой адвокат.

– Он – лучший, – заверил их хозяин дома перед встречей с юристом. – Будь у тебя, девочка, такой адвокат, ты ни за что бы не угодила за решетку.

– Ох, надеюсь, он позаботится о том, чтобы я за нее не вернулась, – со вздохом отозвалась Ася.

Адвокат оказался молодым, но на редкость непривлекательным мужчиной. Вытянутое лошадиное лицо, унылые складки у губ, брови, вечно сложенные страдальческим «домиком».

– Как думаешь, Мустафа специально выбрал самого некрасивого из всех юристов, чтобы не пришлось меня ревновать? – шепнула Ася по-русски на ухо Виктории.

– Даже не сомневаюсь. Одна надежда, что его профессиональные качества окажутся на порядок лучше, чем внешность, – отозвалась та.

Теперь же, выслушав Асю, адвокат как будто еще больше помрачнел. Пожевал бескровными губами, позадал вопросы и наконец вынес свой вердикт:

– Скажу честно, помочь вам без доказательств будет крайне трудно. Мы можем выйти на бухгалтера вашего фонда? Он даст показания в вашу пользу?

– И думать нечего, – отмахнулась Ася. – Это человек моего бывшего мужа, на суде он свидетельствовал против меня.

– А документы? У вас остались какие-нибудь документы, по которым можно было бы отследить движение денежных средств фонда?

– Откуда, – развела руками Ася. – Все опечатали в день моего ареста. Сейчас фонд закрыт, в нашем бывшем офисе находится другая организация.

– А дома? – продолжал настаивать адвокат. – В квартире, где вы проживали с мужем, могло что-то остаться?

– Если даже там и осталось что-то, мой бывший супруг давно все уничтожил, – покачала головой Ася. – Он подлец, но не идиот. К тому же, судя по его фейсбуку, он давно оттуда съехал и поселился в другом месте. С новой женой.

По лицу адвоката было ясно, что все это были крайне плохие новости. Он, конечно, заверил Асю, что будет работать, призвал не падать духом. И все же, когда унылый законник удалился, Ася без сил упала в кресло и спрятала лицо в ладонях.

– Ничего не выйдет, – глухо пробормотала она. – Мне теперь всю жизнь придется скрываться. Сидеть в четырех стенах и прятать лицо. Это в лучшем случае. А в худшем однажды меня все-таки схватят. И вернут в тюрьму.

– Ну подожди. – Виктории невыносимо было видеть свою никогда не унывающую подругу такой подавленной. – Должен быть какой-то выход. Давай думать!

– О чем тут думать? – простонала Ася. – Он ясно сказал: нужны доказательства. А у меня их нет. Господи, как я могла быть такой дурой? Почему не следила за всем сама, почему не сохраняла резервные копии бухгалтерских документов?

– Просто ты ему доверяла, своему мужу. – Виктория погладила Асю по плечу. – Опыт всегда покупается ценой глупости. И порой его очень хочется вернуть, затребовав обратно свою прекрасную беспечную наивность.

Женщины помолчали. Кабинет, в котором они беседовали с адвокатом, был освещен полуденным солнцем. Мустафа уехал по делам, и в доме царила уютная тишина.

Виктория встала из кресла, подошла к столу и села за компьютер. Нужно было придумать, как помочь Асе. Но в голову, как назло, ничего не лезло, и она открыла простейшую компьютерную игру – яркие шарики, которые нужно было выстраивать в линию по цвету. Такие однообразные механические действия всегда помогали ей сосредоточиться и начать мыслить более ясно.

– Подумай все же, – через плечо бросила она подруге. – Может быть, ты хотя бы иногда использовала для записи информации какие-

то необычные носители. Может, в телефон что-то сохраняла. Хотя, конечно, где его сейчас искать, тот аппарат...

Ася за ее спиной неожиданно напряглась. Виктория не видела ее, но всей кожей почувствовала изменившуюся атмосферу в комнате. Будто сам воздух пронизало колкое электричество.

– Мурат... – медленно произнесла Ася.

Она поднялась на ноги, подошла к компьютеру и, протянув руку, будто в прострации коснулась пальцами красного шарика, пульсировавшего посреди экрана.

– Мурат очень любил эту игру.

– Разве твоего мужа звали Мурат? – удивилась Виктория.

– Что? – переспросила Ася и тут же раздраженно отмахнулась: – Нет, при чем тут этот козел. Я говорю про соседского мальчишку. Помнишь, я рассказывала, что часто играла с ним? Когда мне становилось особенно невыносимо от того, что у меня не было своих детей.

– И-и? Я пока не вижу взаимосвязи.

– Фонд проводил благотворительный марафон, – принялась возбужденно говорить Ася. – Был большой концерт, игры для детей, музыка. Я пригласила Мурата, но его мать, моя соседка, была занята и не могла привезти его к нужному времени. Тогда мы договорились, что я сама его отвезу, мальчик немного посидит в моем кабинете, а когда начнется праздник, я провожу его вниз, в зал. У меня на компьютере была установлена единственная игрушка – вот эта, с шариками. И Мурат два часа резался в нее, пока не пришла пора идти вниз. Я еще очень переживала, что взяла на себя обязательства развлекать ребенка, а сама закутилась с работой и усадила его за компьютер.

– Все это очень трогательно, – кивнула Виктория. – Но я по-прежнему не понимаю, к чему ты это рассказываешь.

– Да к тому! – нетерпеливо шлепнула ладонью по столу Ася. – Что ему очень понравилась эта игра. Он очень хотел установить ее на свой планшет. А она же древняя. Таких и приложений-то нет. Мурат прямо извелся весь. Тогда я предложила – давай я возьму твой планшет с собой на работу, скину тебе туда эту игру и верну. И вот в тот день я, кажется... Кажется, кроме игры заодно скопировала туда бухгалтерские таблицы. Чтобы потом перебросить их на домашний компьютер, в папку, где мы сохраняли все важные документы.

– Так-так. – Виктория отвернулась от экрана, подалась ближе к Асе и схватила ее за руки. – А после ты удалила их с планшета?

– Я не помню, но... – словно бы испугавшись этого внезапно появившегося шанса, дрожащим голосом произнесла Ася. – Но... Кажется, нет!

– Выходит, прямо сейчас где-то в Стамбуле маленький мальчик Мурат играет в планшет, на котором хранятся доказательства твоей невиновности? – ахнула Виктория. И вдруг, не сдержав порыва, заорала: – Ура!!!

– Ура!!! – вторила ей Ася.

Подруги повскакали со своих мест и, поддавшись эйфории, принялись, взявшись за руки, крутиться по комнате, голоса на разные лады.

– Да здравствует Мурат!

– Да здравствует моя дырявая башка!

Прибежавший на шум охранник в изумлении покосился на беснующихся гостей. А Ася и Виктория, увидев его вытянувшееся лицо, с хохотом попадали обратно в кресла.

– Если, конечно, планшет все еще у него, – отсмеявшись, снова помрачнела Ася. – Если он его не разбил, не потерял, не переустановил систему...

– Ну вот что, – резко перебила Виктория. – Будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас твоя задача выяснить, живет ли малыш Мурат по прежнему адресу. Какой у него распорядок дня, где он бывает. Ты помнишь, как звали его родителей?

– Конечно, – дернула плечом Ася. – Мы ведь были соседями, общались.

– Тогда соцсети тебе в помощь, – подытожила Виктория. – Постарайся собрать всю информацию. А после мы ее проанализируем и решим, как нам проще всего будет вытащить из планшета мальчишки твой билет в свободную жизнь.

После этого случая Ася вплотную занялась составлением графика жизни Мурата. У Виктории же все шло по плану. Продолжая следить за соцсетями Альтана, она знала, что предложение от худрука театра... тот, как она и ожидала, воспринял с восторгом. Для начала поломался, конечно, чтобы набить себе цену и поддержать статус востребованной

звезды – об этом Мустафе сообщил сам худрук, считавший, видимо, необходимым держать инвестора в курсе всех дел. Но в конце концов милостиво согласился. Виктория и не сомневалась, что Альтан, явно давно не игравший в серьезных проектах, должен был к этому времени осатанеть от сериалов и воспринять предложение сыграть главную роль в провокационном спектакле как манну небесную.

В инстаграме и фейсбуке ее деверя теперь появлялись фото с репетиций, сопровождаемые глубокомысленными подписями. В комментариях поклонницы вопили от восторга и заранее бронировали билеты на премьеру. Виктория даже забеспокоилась, что ей самой этих самых билетов может не хватить. Но выяснилось, что Мустафа позаботился обо всем заранее и вытребовал у худрука контрамарки на лучшие места.

Ее месть развивалась точно по продуманному сценарию. И, казалось бы, Виктория должна была чувствовать от этого удовлетворение. Однако все чаще ее охватывала тоска, мутная и непроглядная, как туманная ночь. Делать ей особенно было нечего. Отслеживание активности Альтана в интернете много времени не занимало. И Виктория часами бродила одна по роскошной вилле Мустафы, чувствуя себя здесь точно как в тюрьме, только более комфортабельной.

Ася по большей части была занята своим делом. А в свободное время с упоением отдавалась набравшему обороты роману с Мустафой. Виктория, честно говоря, не ожидала, что это так захватит подругу. Однако складывалось ощущение, что их отношения с гостеприимным хозяином становились все серьезнее. Тот относился к Асе подчеркнуто галантно, бережно, церемонно ухаживал, ловил каждое слово, устраивал романтические свидания. Похоже, вкус жизни, на потерю которого он жаловался Виктории, теперь вернулся к нему. Мустафа даже помолодел, в глазах его зажегся задорный огонь.

Но самым странным было не это, а то, что и Ася, похоже, серьезно увлеклась Мустафой. Поначалу Виктория была уверена, что подруга просто хорошо играет свою роль, пытаясь прибрать пожилого мафиози к рукам и заставить плясать под их дудку. Но теперь все чаще замечала, как Ася смотрит на него – с неподдельным волнением, теплом и благодарностью. Как говорит о нем, как боится ранить его резким словом. Порой, когда они с Асей оставались наедине, лицо ее

принимало мечтательное выражение, глаза обращались куда-то к заоблачным высотам, а на губах начинала играть нежная задумчивая улыбка.

– Эй-эй, – окликала ее в такие минуты Виктория. – Ты еще в этом мире? Или уже придумываешь имена маленьким мустафятам?

– А? – отзывалась Ася, будто пробуждаясь ото сна. – Не говори глупости, я просто задумалась.

Свои отношения с приютившим их прожженным пиратом она отныне обсуждать отказывалась. И это было самым ярким признаком того, насколько далеко все зашло. Очевидно, хлебнувшая в жизни нелюбви и предательства, Ася теперь оттаяла от нежного и внимательного отношения Мустафы, растеряла свою резкость и ежеминутную готовность дать отпор и с головой нырнула в спокойные, уважительные и заботливые отношения.

В этой атмосфере влюбленности, царившей на вилле, Виктория еще острее чувствовала свое одиночество. Против воли начинала чаще вспоминать первые недели с Альтаном, когда все между ними еще было легко и радостно. Когда они могли разговаривать часами, бездумно смеяться, бродить, держась за руки. Вот как сейчас Ася и Мустафа.

Виктория гнала от себя эти воспоминания, понимая, что тем труднее ей будет воплотить в жизнь свою месть. И все же желание увидеть Альтана постепенно становилось нестерпимым. Картинок в соцсетях и снимков из светской хроники уже не хватало. Это живое, улыбочивое лицо рано постаревшего мальчишки, этот едва заметный шрам, нежно-нахальная улыбка...

В конце концов, осознав, что не может больше ждать до премьеры, Виктория снова закуталась в черные покрывала, попросила у Мустафы разрешения воспользоваться одним из его автомобилей и назвала водителю адрес театра. По ее представлениям, там сейчас как раз должна была заканчиваться репетиция.

Попросив водителя припарковаться на противоположной стороне улицы недалеко от служебного входа, Виктория принялась ждать. И Альтан действительно вскоре появился. Несмотря на то что уже темнело, Виктория узнала его сразу же. Только взглянула на выскользнувшую из служебного входа смутно видневшуюся в сумерках фигуру, и сердце в груди тревожно забилося.

– Поезжай за ним! – вполголоса сказала она водителю.

Альтан шел, чуть ссутулившись. Даже по походке было видно, как вымотала его репетиция. И все же, когда водитель затормозил, пропуская его на пешеходном переходе, Виктория смогла разглядеть, что глаза его блестели. Этот блеск она узнала. Таким Альтан становился, когда был по-настоящему увлечен работой, когда творил.

Этот его восторг был так заразителен, что Виктории пришлось напоминать себе, ради чего она затеяла всю эту авантюру. Да, человек перед ней был несомненно талантливый, возможно, даже гениальный. Но вместе с тем именно он глубоко оскорбил ее, предал, толкнул на вопиющую глупость. Это по его вине она вынуждена была гнить в турецкой тюрьме. И ведь он и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ей. Да, выступил на суде, даже слезу пустил, но и не подумал нанять адвоката или хотя бы навестить ее в неволе. Нет, он не заслуживал ее снисхождения.

Интересно, куда он сейчас направлялся? На очередную вечеринку? Или на свидание с поклонницей, готовой целовать следы его ботинок? В затемненное окна Виктория видела, как Альтан выхватил из кармана мобильный телефон, прижал его к уху и тут же помрачнел. Азарт, горевший в его глазах, погас, брови сдвинулись. Он что-то отрывисто ответил в трубку, замотал головой, кажется, пришел в ярость и даже замахнулся телефоном, будто готов был разбить его об асфальт. Но после все же взял себя в руки, снова ответил что-то, сунул телефон обратно в карман. И махнул рукой, подзывая проезжавшее мимо такси.

– Мне следовать за ним? – спросил водитель. – Предупреждаю, он может нас заметить.

– Не нужно, – покачала головой Виктория. – Поезжай домой.

Водитель был прав. Если б ей пришло в голову организовать настоящую слежку за Альтаном, лучше было бы обратиться к Мустафе. Но Виктория делать этого не собиралась. И одного короткого взгляда на него было достаточно, чтобы понять: чем ближе она будет к нему подбираться, тем меньше останется шансов довести до конца свой план.

И все же, несмотря на твердость намерений, за недели, оставшиеся до премьеры, Виктория еще несколько раз ездила взглянуть на Альтана. Ею двигала какая-то странная

саморазрушительная тяга. Снова увидеть его тонкую мальчишескую фигуру, порывистые движения, дерзкую улыбку. Посмотреть на него, пока он счастлив, увлечен работой и погружен в мечты о будущем триумфе. Ей ли было не знать, как недолго это продлится.

Пару раз ей удавалось также подкараулить Альтана у выхода из театра. Иногда, правда, его здесь ждали поклонницы, устраивавшие кошачий концерт, как только герой их грез появлялся из служебного хода. В такие моменты Виктории, сидящей в машине, припаркованной неподалеку, почти не удавалось рассмотреть Альтана. Его сразу же окружала беснующаяся толпа. Впрочем, он, кажется, наслаждался в ее внимании. Виктория же размышляла о том, как легко будет переманить этих экзальтированных женщин на противоположную сторону. Им ведь, по сути, все равно, чему поклоняться. Им важны сильные эмоции, дающие ощущение полноты жизни. И их обожание при верном обращении очень быстро сменится ненавистью, такой же оголтелой и безудержной.

Несколько раз она видела Альтана, выходящего утром из своей квартиры. Иногда в сопровождении очередной случайной пассии, иногда одного. Как же чертовски красив он был, когда ранние солнечные лучи путались в его волосах, заставляли щурить глаза и приставлять ладонь козырьком ко лбу. Озорной мальчишка, не отдающий себе отчета в том, что его забавы губят людей.

Порой Альтан исчезал куда-то, и Виктория тщетно ждала его на выходе из театра или у так хорошо знакомого ей дома. Эти отлучки ее не беспокоили – наверняка богемный тусовщик проводил время в каком-нибудь клубе, куда ей, облаченной в черные мусульманские одеяния, разумеется, ход был закрыт. И все же в такие дни, когда ей не удавалось его увидеть, Виктория возвращалась домой с ощущением разочарования и тревоги.

А время шло своим чередом, и премьера была все ближе.

– Вот, – сказала Ася и ткнула пальцем в один из пунктов напечатанного на бумаге списка. – Четверг, 16.00. В это время у Мурата заканчивается кружок по шахматам. А занятие по плаванию начинается только в 16.30. Эти полчаса он обычно проводит в небольшом парке неподалеку от бассейна. Один.

– Ого, ничего себе аналитика, – восхитилась Виктория. – Это все ты разузнала из соцсетей?

– Ага, – кивнула Ася. – Я все их перелопатила – аккаунты его матери, отца, его самого, школьных друзей. Поразительно просто, какие странные нынче люди. Сами на себя составляют подробнейшее досье. Кстати, если верить фоткам в инстаграме, планшет все еще у него. По крайней мере, пару недель назад был.

– Мда... – Виктория задумчиво потерла пальцем бровь. – Значит, в четверг в 16.00 мы должны подкараулить Мурата в парке. Являться к нему в никабе, конечно, нельзя... Значит, нужно будет сделать все очень быстро, так чтобы никто больше нас не заметил. Положим, водитель подвезет нас к нужному месту и сразу же заберет после. Но как нам отвлечь пацана, чтобы ты могла добраться до его планшета?..

– Мне попадаться ему на глаза нельзя. Он меня знает, – твердо сказала Ася. – А ты сама не сможешь найти и скопировать нужную информацию. Значит...

– Значит, – решительно заявила Виктория, – как обычно, воспользуемся моим недюжинным писательским талантом и знанием человеческой психологии и разыграем персональный спектакль для маленького Мурата. Кстати, сколько ему?

– Десять.

– То есть попавшие в беду привлекательные блондинки его пока не интересуют? Жаль-жаль... А какой он вообще? Что любит?

– Да обычный мальчишка, – пожала плечами Ася. – Любит... Комиксы, супергероев, гоночные машины, собак, попкорн, компьютерные игры...

– Так-так. – Виктория потерла руки. – Кое-что вырисовывается.

– Что, оденемся в трико и изобразим для него Бэтмена и Робина? – хохотнула Ася.

– Не совсем, – подмигнула ей Виктория. – Но нам для исполнения плана понадобится сообщник. Как считаешь, Мустафа не будет против, если в его доме поселится еще один гость?

Мальчишка сидел в уединенном уголке парка, на скамейке, и водил пальцем по экрану планшета. Людей вокруг не было, лишь где-то за деревьями изредка мелькали прохожие.

– Посмотри, это нужный нам планшет? – Виктория передала Асе бинокль.

Та придвинулась поближе к окну автомобиля, заглянула в окуляры и радостно кивнула:

– Он! У меня и флешка уже наготове. Мне бы только вставить ее на одну минуту, скинуть файл – и все. Верну гаджет на место в первоначальном виде.

– Что ж, постараемся дать тебе эту минуту, – отозвалась Виктория и погладила сидевшего у нее на коленях рыжевато-белого щенка таксы, вертевшегося во все стороны и совавшего любопытный нос то ей под мышку, то в приоткрытое окно. – Оставайтесь на месте, – добавила она, обращаясь к водителю. – Не глушите мотор. Если все пройдет, как запланировано, мы вернемся через несколько минут и сразу должны будем уехать.

Тот понукательно кивнул.

Конечно, появляться на улице Стамбула с открытыми лицами было для них с Асей большим риском. Ни шляпы, ни кепки, ни темные очки, которые надели подруги, не могли гарантировать того, что случайно встреченный знакомый их не узнает. Но делать было нечего, пришлось положиться на удачу. Изучив местность в бинокль, камер наблюдения Виктория не нашла. Уголок парка был тихим, и можно было надеяться, что за те несколько минут, что займет вся операция, никто поблизости не появится. Ну что ж, кто не рискует...

– Все необходимое с тобой? – спросила она Асю, выходя из машины.

Та молча показала ей объемистую сумку, а затем, оглядевшись по сторонам, скользнула в ближайшие кусты. Виктория же степенно пошла по дорожке, прижимая к груди вертевшегося щенка. Мурат, услышав шаги, оторвался от планшета, поднял голову и с интересом уставился на собаку.

– Мальчик, ты не подскажешь, нет ли тут поблизости зоомагазина? – спросила Виктория, поравнявшись с ним.

– Есть! – радостно отозвался мальчишка. – Пойдете вон по той аллейке, затем налево, через дорогу и... Какой милый! – Он протянул руку к щенку. – Можно погладить? А как его зовут?

– Хэллбой, – ответила Виктория.

И глаза у мальчишки загорелись:

– Ух ты! Как супергероя, да?

Планшет был забыт. Мурат отложил его на скамейку.

«Дело сделано!» – отметила про себя Виктория.

И, подойдя к ней вплотную, мальчик начал играть со щенком.

– Любишь собак? – спросила Виктория.

И мальчишка энергично закивал.

– Послушай-ка. – Виктория сделала вид, будто ее только что осенила удачная мысль. – А может, ты тогда поиграешь с ним минутку? А я пока сбегаяю в магазин? Он совсем маленький еще, пугается, когда вокруг много людей.

– Конечно! – обрадовался Мурат. – Не волнуйтесь, я с ним побуду. Мы классно поиграем, правда, Хэллбой?

– Спасибо тебе! – искренне поблагодарила Виктория и, передав щенка на руки мальчику, быстро пошла прочь по аллее.

Теперь дело было за Асей. Пройдя буквально пару шагов, Виктория услышала за спиной какую-то возню, залиvistый лай и вскрик пацана:

– Хэллбой! Стой! Ах, куда ты?

А обернувшись, увидела такую картину. Сквозь кусты тенью проскользнула полосатая кошка, за ней, тоненько, но очень задорно тьявкая, мчался таксеньш. А за ним испуганно семенил Мурат, окликаая щенка.

– Простите! – на бегу бросил он Виктории. – Я его не удержал. Он увидел кошку и...

– Ты не виноват! – заверила она, включаясь в погоню. – Он же охотник, у него инстинкт. Ничего, сейчас мы его!

Все это значило, что Аська сработала верно – в нужный момент выпустила из сумки кошку, которую они привезли с собой. Кошка была обыкновенная, уличная. Они поймали ее неподалеку от виллы Мустафы. А вот за щенка пришлось выложить кругленькую сумму. Один из охранников только вчера привез его из зоомагазина.

Теперь главным было не поймать таксеньша слишком быстро – чтобы Ася успела скопировать с брошенного без присмотра планшета все, что нужно. Кошка вскарабкалась по стволу на дерево. Хэллбой принялся носиться вокруг, задирая острую мордочку вверх и громко лая.

– Давайте я с той стороны... – предложил Мурат и на четвереньках пополз под низко нависающие над землей ветки.

– Осторожно, не поранься, – увещевала его Виктория. – Ах, черт вертлявый, опять улизнул.

В целом на поимку щенка ушло минут десять. Виктория надеялась, что Ася все успела. По крайней мере, когда они вернулись к скамейке, планшет лежал на том же месте, как будто никто к нему и не прикасался.

Запыхавшийся Мурат передал щенка Виктории и в последний раз потрепал его по ушам.

– Какой ты классный! Хоть и непослушный. Эх, как бы мне хотелось иметь такую собаку...

– А знаешь, – Виктория задумчиво взглянула на Мурата. – Мне почему-то кажется, что однажды она у тебя появится. Спасибо тебе! Ты добрый и очень отзывчивый мальчик!

Когда она вернулась к машине, Ася уже сидела на заднем сиденье.

– Домой! Скорее! – скомандовала Виктория водителю.

Ася же с победным видом продемонстрировала ей флешку:

– Але-оп! Надеюсь, это немного взбодрит нашего унылого адвоката. И он всему миру докажет, что я не виновата, а заодно камня на камне не оставит от моего пронырливого бывшего супруга.

– Она была Ло, просто Ло, по утрам, ростом в пять футов (без двух вершков и в одном носке). Она была Лола в длинных штанах. Она была Долли в школе. Она была Долорес на пунктире бланков. Но в моих объятьях она была всегда Лолита, – произнес Альтан со сцены.

Его удивительный голос, на который Виктория списывала едва ли не половину ответственности за постигшее ее наваждение, струился в зал тихой музыкой. Он был словно мелодия, светлая и печальная, но в самом своем очаровании имевшая какой-то болезненный излом. «Обреченная», – вот как она назвала бы для себя эту песнь, которую пел зрителям Альтан.

Зал Moda Theatre Kadikoy был забит до отказа, но публика, которой не удалось достать билетов и не хватило контрамарок, продолжала штурмовать театр снаружи. Еще бы, небывалый случай! В Стамбуле, в самом сердце пускай и европеизированной, но все же мусульманской страны дают «Лолиту»! Виктория, сидевшая в глубине ложи и наблюдавшая за происходящим сквозь уже ставшую привычной прорезь никаба, мысленно поздравила себя с тем, что все рассчитала правильно. Инвесторы не называли худруку конкретного произведения, которое хотели бы видеть на сцене его театра. Но специально упирали на то, что чем провокационнее и скандальнее получится спектакль, тем больше у них будет шансов выйти на международный фестиваль. Кто же не захочет посмотреть, что это такое отчудили обычно консервативные турки?

Воодушевленный худрук называл то одно, то другое произведение. Инвестор с выражением разочарования и скуки на лице предлагал подумать еще. И наконец победный шар был загнан в лузу: худрук, шалея от собственной смелости, признался, что его мечтой всегда было поставить спектакль по набоковской «Лолите». И Ремзи Давутоглу, директор фонда помощи животным, мгновенно оживился:

– Дельная мысль! Я, признаться, сам не читал. Но вроде бы вещица во всем мире известная, и название на слуху. Верно?

Худрук заверил, что так оно и есть, Ремзи дал согласие, и подготовка к спектаклю началась.

И вот наконец настал день премьеры, которого столько времени ждали и Виктория, и стамбульская театральная общественность, и, конечно, поклонницы главной звезды, заранее предвкушавшие очередной его триумф. И Виктория должна была признать, что триумф этот состоялся.

Она отлично помнила, что Альтан обладал дарованием такой силы, к которому невозможно было привыкнуть. Всякий раз, приходя на репетиции в тот период, когда он играл Астрова в «Дяде Ване», она заранее знала, что будет потрясена, и всякий раз реальные ее впечатления затмевали любые их ожидания. Альтан поражал каждый раз, как в первый, умудрялся найти новый оттенок интонации, новую деталь, отчего роль начинала играть чуть другими красками. И сейчас, мечась по сцене в образе обезумевшего от утраты обожаемого существа, омерзительного в своей порочности и в то же время жалкого до судорог Гумберта, был великолепен. Должно быть, это и в самом деле была роль его жизни.

Виктория всматривалась в его лицо, искаженное мукой, настороженное; в глаза, горящие лихорадочным огнем, – найти ее, свою Лолиту, вернуть во что бы то ни стало, потому что иначе смерть; в его заломленные в отчаянии руки; в кривящиеся губы; в выступающую из распахнутого ворота рубашки шею, на которой билась синяя жилка... Несчастный психопат, запятнанный злой гений, каждое чувство которого, каждый всплеск страсти оборачивается уродливым наваждением, калечащим и его самого и тех, на кого оно направлено. Осознающий всю глубину своего преступления, но в то же время понимающий, что, повторись все, он совершил бы его снова.

– Мелодия, которую я слышал, составлялась из звуков играющих детей, – говорил он, глядя поверх голов зрителей и потерянно улыбаясь, словно где-то там, в черноте зала, различал одному ему видимый теплый отсвет тех дней, когда ничего еще не свершилось, когда его возлюбленная Лолита оставалась беспечной дерзкой девчонкой, до которой еще не дотянулись его руки. – И тогда-то мне стало ясно, что пронзительно-безнадежный ужас состоит не в том, что Лолиты нет рядом со мной, а в том, что голоса ее нет в этом хоре.

Да, Альтан был прекрасен в этой роли. Но в то же время приходилось признать, что прекрасным был в этой постановке только он. Слабая режиссура привела к тому, что остальные актеры не знали,

что им делать на сцене. От их метания создавалось ощущение хаотичности, нестройности происходящего. Странные абстрактные декорации, которые, вероятно, по задумке, должны были иллюстрировать душевный разлад героя и обреченность его любви, на деле лишь отвлекали глаз и создавали неудобное для движения пространство. Ко всему прочему и актриса, игравшая Лолиту, была пышной женщиной лет тридцати, все сходство с угловатым подростком которой ограничивалось низким ростом. На всем этом убогом фоне игра Альтана сверкала, как единственный бриллиант, по ошибке брошенный в шкатулку, полную стекляшек.

«Что ж, тем лучше», – решила Виктория, как бы горько ей ни было осознавать, что искусство Альтана не получило достойного обрамления. Для ее целей подобный поворот событий подходил даже больше.

Свет над сценой стал гаснуть, на мгновение выхватив ярким белым пятном измученное лицо Альтана. Заиграла печальная лирическая мелодия. А затем зал загрохотал аплодисментами. Виктория, договорившаяся с Мустафой, что они уйдут сразу же, как окончится спектакль, все же, не выдержав, задержалась на секунду в ложе и взглянула на принимающего поздравления Альтана. Запомнить его вот таким – счастливым, устало утирающим испарину на лбу, широко улыбающимся, благодарно кланяющимся ревушим зрителям. Ей показалось даже, что он почувствовал на себе ее взгляд, вздрогнул и пробежал глазами по рядам зрительного зала, на секунду задержавшись на стоявшей в глубине ложи женщине в черном. Но тут подступили с вопросами журналисты, и он отвел взгляд.

Ася, разумеется, тоже хотела пойти на премьеру. Но, поразмыслив, они рассудили, что, если Мустафа появится в центре Стамбула сразу с двумя женщинами в никабах, это вызовет никому не нужные разговоры. И потому Ася ждала Викторию у театра в машине, смотря прямую трансляцию спектакля с экрана планшета.

– Слушай, ну теперь я понимаю, чего тебя в свое время так переклинило на этом актере, – объявила она Виктории, когда та, выйдя из театра, опустилась рядом с ней на сиденье автомобиля. – Хорош, дивно хорош, гад. И красив, и талантлив. Что он на сцене творил, не передать.

– А как тебе сам спектакль? – спросила Виктория.

И Ася скорчила уморительную гримаску:

– Искусство по-прежнему в большом долгу. Твой Альтан один и вытащил на себе всю постановку.

– Тем хуже для него, – пробормотала Виктория. А затем снова обратилась к Асе: – Помнится, ты когда-то рассказывала, что неплохо умеешь рисовать. Даже окончила в детстве художественную школу. Было такое?

– Было, – кивнула Ася. – А в чем дело? Полагаешь, нам нужно организовать мою персональную выставку?

– Это позже, – усмехнулась Виктория. – А пока мне нужно, чтобы ты нарисовала для меня одну картинку. Смешную. Сможешь?

– Постараюсь, – пожала плечами Ася. – Только опиши мне сюжет.

– О, не волнуйся, – заверила Виктория. – Сюжет будет отменный.

Автомобиль выехал из Стамбула и погнал по загородному шоссе. За окнами тянулась густая непроглядная ночь. Голова Виктории сонно клонилась на грудь, глаза слипались. И она дернула плечами, приказывая себе взбодриться. Ей еще многое предстояло сделать этой ночью.

«Кому в голову пришла идея поставить этот спектакль, развращающий нашу молодежь и внушающий ей чуждые нам ценности? Кто дал разрешение на постановку? Кому выгодно, чтобы юноши и девушки Турции видели на театральных подмостках мерзость и преступление?» Статья кишела вопросительными знаками. Они, как рыболовные крючки, должны были зацепить охочего до скандалов интернет-пользователя, заставить его сделать репост и обсудить случившееся в комментариях.

«Кроме того, хочется заметить, что спектакль поставлен из рук вон плохо. Такое ощущение, что декорации художник-постановщик купил за бесценок на Центральном рынке. Режиссура беспомощная, актерам нечего играть. В результате они просто мечутся по сцене, завывают и таращат глаза, как будто их скрутила кишечная колика. Исполнительница роли Лолиты, может, и желает видеть себя юной девочкой, однако из зала эта дородная, уставшая от жизни женщина производит впечатление, прямо скажем, устрашающее.

Единственный, кто нарушает этот слаженный хор безвкусицы, это актер Альтан... исполнитель роли Гумберта. Не покрывив душой можно сказать, что на сцене он великолепен. Ни грамма фальши, очень точное попадание в образ. Тем ярче и непростительнее воспринимается его извращенная страсть. И тем острее встает вопрос: не в том ли был и режиссерский замысел спектакля? Намеренно смазать и удешевить всю постановку, чтобы сосредоточить все внимание зрителя на больном, порочном негодяе-растлителе?

Кто ответит за развращение наших детей, младших братьев и сестер? И неужели общественность и дальше будет молчать?»

Предваряла статью яркая, сразу притягивающая глаз карикатура. Сцена театра изображена была на ней как арена цирка. Все задействованные в спектакле актеры выведены в роли клоунов. Дебелая Лолита в детских гольфиках, натянутых на гипертрофированно полные ноги, и с крапчатым гигантским бантом на голове, разъезжала по сцене на самокате. Куилти с клоунским носом и в огромных башмаках проливал потоки слез, держась за круглый живот. Шарлотта Гейз жонглировала пачками купюр, очевидно, отнятых у доверчивых зрителей. А посреди всей этой вакханалии на воздушном шаре парил Альтан-Гумберт, с выбеленным лицом, трагически сведенными намалеванными бровями и в скоморошьем колпаке. Художнику удалось удивительно передать сходство с реальным актером, но так усугубить все его характерные черты, что вид у Гумберта получился нелепым и зловецим одновременно.

Виктория снова пролистала все открытые на экране компьютера вкладки. Когда-то, заразившись идеями личностного роста, она прошла онлайн-курс по продвижению контента в соцсетях. И теперь вынуждена была признать, что ее дипломная работа хоть и опоздала на пару лет, однако удалась на пять с плюсом. Спектакль «Лолита» был отыгран уже четыре раза. И за это время статья, написанная ею в ночь премьеры и снабженная иллюстрацией Аси, обошла весь турецкоговорящий интернет. Сначала мелькала в фейсбуках и инстаграмах деятелей культуры. В них Виктория и не сомневалась, эти стервятники, оскорбленные чужим успехом, просто обязаны были накинуться на любой плохой отзыв о нашумевшем спектакле. Затем статейка разбрелась по блогам просто модных личностей, считающих

себя обязанными следить за всеми новинками в области искусства. Скандал ширился, рос, обрастал подробностями. И вот теперь о некоем полупорнографическом спектакле, с оскорбительными целями поставленном некоей группой злоумышленников, говорили буквально все. Мамаши несовершеннолетних дочерей бились в конвульсиях, утверждая, что режиссер напрямую призывает к соращению их крошек. Тут же подняли и сплетни о личной жизни Альтана, принялись со вкусом перетирать скользкие подробности, выискивать, не было ли среди многочисленных пассий Альтана малолетних.

Худрук театра сначала гордо молчал. Затем дал интервью, в котором попытался объясниться. Но это привело только к новому витку шумихи. Папарацци объявили на Альтана настоящую охоту. Подкарауливали его на выходе из дома, снимали каждый шаг. Как Виктория и ожидала, все те дамочки, что еще недавно признавались актеру в любви, теперь охали и ахали: «Как же так? Поверить не могу, что он оказался таким гнусным типом. Так умело маскировался под порядочного человека».

Всего этого, впрочем, было недостаточно. Громкая склока могла пойти спектаклю только на пользу. Пора было наносить следующий удар, также заранее подготовленный Викторией совместно с Мустафой. Сегодня с утра у театра собралась толпа негодующих. Костяк ее был сформирован заранее, оплачен и снабжен транспарантами с броскими лозунгами. Остальные присоединились сами. Зеваки, распаленные скандалом бывшие фанатки и обычные любители поучаствовать в любой шумной заварушке.

– Позор! Позор! – скандировала толпа. – Требуем запретить спектакль! Прекратите развращать нашу молодежь!

Виктория, наблюдая за разворачивающейся по ее замыслу катастрофой, испытывала противоречивые чувства. С одной стороны, она не могла не поздравить себя с тем, что за долгие годы отлично изучила Турцию, прекрасно знала, на какие жать кнопки, чтобы завести народ, и виртуозно использовала эти знания в своих целях. С другой... От того, как легко ей все удалось, на душе было неспокойно. Ведь Альтан и в самом деле блистал в спектакле. Пусть постановка была топорной, другие актеры чудовищны, музыка слабая, а декорации отвратительные, одного его таланта хватило, чтобы вытащить весь спектакль. Имела ли она право из-за своей жгучей обиды, из мести за

растоптанную жизнь губить дарование такого большого артиста? Да и от одной мысли о том, каково сейчас ему, становилось больно где-то в груди.

Однако же предаваться рефлексиям было некогда. Пора было наносить последний удар.

– Пожалуйста, разойдитесь! Ваш протест услышан. Отправляйтесь по домам, – кричали в мегафоны полицейские.

Но на собравшуюся возле театра толпу их увещевания не действовали. Многоликая, пестрая, она так и пылала негодованием. Хотя Виктория была уверена, что многие из митингующих еще вчера и не знали ничего об Альтане и в театре в последний раз были лет десять назад. Просто разгоревшийся скандал завел и увлек всех, как это обычно и бывает.

Транспаранты поднимались все выше. На одном из них Виктория сквозь окно машины успела разглядеть увеличенную карикатуру, ту самую, нарисованную Асей.

– Мы не уйдем, пока этот позорный спектакль не снимут с репертуара! – выкрикнул кто-то.

Затем машина завернула за угол и остановилась у служебного входа в театр. Мустафа пока продолжал говорить по телефону.

– Веселый не объявлялся? Ничего, я чувю, что недолго осталось ждать. Скоро выйдем на него.

– Все ловите своего недруга? – спросила Виктория, уже привычно пряча лицо под никабом.

– Какой там недруг? – брезгливо поморщился Мустафа. – Так, слизняк, возомнивший себя слишком хитрым, чтобы отдавать долги.

Худрук на этот раз был бледен. Метался по кабинету и дергался от каждого резкого звука.

– Я уверен, что эта шумиха сыграет нам даже на руку, – неубедительно блеял он, явно заискивая перед Мустафой и директором фонда. – Я добьюсь публикаций в западной прессе. Мы поднимем на смех косность турецкой публики...

– Это вы моральные ценности называете косностью? – вальяжно осведомился Мустафа.

И от прозвучавшей в его голосе угрозы Виктория едва не вздрогнула. Все же не стоило забывать, кем на самом деле был этот милый любезный хозяин приютившей их с Асей виллы.

– Но вы же сами хотели провокационную постановку... – бормотал худрук.

– Лично я в искусстве не разбираюсь, – отрезал Ремзи Давутоглу и стукнул по столу волосатым кулаком. – Может, на вас зря ополчились, а может, вы и правда порнографию показали. Мне дела нет. Но чтобы вокруг фонда возня началась, мне не нужно. Так что на этом мы с вами прекращаем сотрудничество.

– Как прекращаем? Вы не можете... У нас договор, – совсем уж позеленел худрук.

– По договору мы обязаны были профинансировать подготовку к спектаклю, премьеру и следующий за ней блок из четырех спектаклей. Это мы и сделали, условившись с вами, что договор о дальнейшем сотрудничестве заключим позднее, оценив результаты. Что ж, теперь мы их оценили и заявляем: фонд выходит из игры.

Директор зашелестел бумажками, сунул худруку под нос испещренную печатями кипу документов. Тот вспыхнул и, потрясая стопкой бумаг, с пафосом провозгласил:

– Это подло! Я вам поверил!

– Подло? – негромко, но веско, так, что все разом замолчали, выговорил Мустафа. – Подло то, что вы меня обманули. Я дал вам деньги на постановку, привел на премьеру свою племянницу, чистую неиспорченную девушку. А вы показали такую мерзость, – он скривился. – Но я человек благородный и забирать у вас затраченные средства не буду. Выручка за показанные спектакли останется у вас.

– Но этого же не хватит на дальнейшую раскрутку! – в отчаянии заломил руки худрук. – Мы же с вами планировали... Зорлу-центр, европейские театры, международный фестиваль...

– Зато хватит на то, чтобы продолжать играть в вашей конуре, – развел руками Мустафа. – Я бы на вашем месте и за это сказал спасибо. Прощайте!

Все было кончено. Виктория отлично понимала, что других инвесторов театру сейчас не найти. А значит, постановку снимут с репертуара. И Альтана после такого скандала еще долго не пригласят ни в один известный проект.

Они с Мустафой вышли из кабинета, двинулись по коридору. И вдруг Виктория невольно остановилась. Потому что навстречу им шел Альтан. Бледный, измученный, с черными колодцами глаз, обведенных синяками, на испитом лице. С искусанными бескровными губами. В несвежей одежде, создававшей впечатление, что в ней он и спал.

Но вместо мстительного: «Ну что, милый, хлебнул ты теперь того, что пришлось по твоей милости пережить мне? Понял, каково остаться изгоем, лишиться профессии, самого себя? А знаешь, это еще не самое страшное. Тебе ведь не приходилось гнить заживо в стамбульской пересыльной тюрьме. Мучиться в каменных стенах исправительной колонии, без надежды в ближайшие полтора десятка лет выбраться оттуда. Ползти по канализационному коробу в нечистотах. Трястись в мусорном ящике, бороться со штормом на озере. И каждую минуту бояться, что тебе в затылок выпустит пулю настигший охранник. А все это, дорогой, как оказалось, тоже можно пережить...» Вместо этих жестоких мыслей, вместо чувства удовлетворения от свершившейся мести внутри было пусто и тоскливо. Хотелось подбежать к Альтану, обнять его, заверить, что все еще будет хорошо, что они смогут как-нибудь отмотать назад все случившееся – с самого начала, с тех дней, когда они были влюблены.

Альтан коротко поздоровался с Мустафой и прижался к стене, пропуская их небольшую процессию. Он, конечно же, понял, что перед ним те самые инвесторы, потребовавшие его участия в спектакле, подарившие ему несколько недель радости творчества. Понял и то, что теперь они явились не с добрыми вестями. Виктория видела, как глаза его на мгновение зажглись надеждой, которая тут же погасла, стоило ему встретиться с тяжелым взглядом Мустафы.

А затем он перевел глаза на нее. Конечно, он не мог ничего разглядеть под укутывавшими ее черными покрывалами. И все же взгляд его задержался на ее фигуре, брови озабоченно сдвинулись на переносице. Гениальный актер, он, разумеется, умел считывать чужую пластику движений. И Викторию вдруг обдало жаром. Что, если он узнал ее? Даже замотанную по глаза, закутанную в черные тряпки. Узнал по походке, по жестам, по развороту головы. Почему он так пристально вглядывается в ее глаза, глядящие на него сквозь щель никаба?

Ей удалось на мгновение вдохнуть его запах – такой родной, теплый и любимый когда-то. И почувствовав, как внутри мелко задрожало что-то, Виктория потупилась и поспешно прошла мимо.

Узнал он ее или нет, догадался или нет, это не важно. Ее месть свершилась. Больше ей рядом с этим человеком делать нечего.

Судебный процесс по делу «Фонда помощи сирийским сиротам» был возобновлен. Копию данных, предоставленных Асей, адвокат представил полиции, не раскрывая происхождения этих документов. Кажется, теперь он вполне рассчитывал на успех. Даже мрачные складки на его лице слегка разгладились. Сама Ася, снова ставшая веселой и неунывающей, все больше времени проводила с Мустафой.

– Ты знаешь, он сделал мне предложение, – однажды призналась она подруге.

– А ты? – спросила Виктория, пристально глядя на нее.

И Ася, которую она знала как бойкую, ничего не боящуюся девчонку, вдруг вспыхнула и отвела глаза.

– Не знаю... Я обещала подумать, но...

– Ну кого ты обманываешь, дорогая моя, – усмехнулась Виктория. – Конечно же ты согласишься. И, знаешь, я очень рада за тебя, правда. Поначалу мне ваш союз казался довольно странным, не скрою. Но теперь я понимаю, что вы, такие разные, сошлись, как кусочки пазла.

Ася тихо рассмеялась, порывисто обняла Викторию за шею и уткнулась лицом ей в плечо, пряча повлажневшие глаза.

– Тьфу ты, становлюсь чудовищно сентиментальной. Позор просто.

– Ничего, невестам можно, – тепло смеясь, поддразнила Виктория.

Она была искренне счастлива за Асю, за то, что судьба ее устроилась. Но это только ярче подчеркивало то, что ей самой нужно было решать, что делать дальше со своей жизнью. Теперь, когда ее план удался, ей нечем было больше занять себя. Все, что еще недавно казалось важным, отошло на второй план. Требовалось понять, куда двигаться дальше. Но Виктория по непонятным ей самой причинам медлила, продолжала отслеживать в интернете все, что происходило с Альтаном. Как будто бы эта страница еще не была перевернута. Наивная, она-то считала, что, разделавшись с ним, поставит жирную точку и начнет новый этап. Но прошлое не отпускало, заставляло

вчитываться в новости. Спектакль «Лолита», отыгранный на сцене Moda Theatre Kadikoу пять раз, был снят с репертуара. Полиция нравов по результатам множества жалоб начала расследование. Каша, которую она заварила, оказалась куда гуще, чем Виктория рассчитывала.

После премьеры Виктория прекратила слезку, но с каждым днем желание увидеть Альтана становилось все сильнее. Она пыталась убедить себя, что ей это нужно для того, чтобы полнее насладиться триумфом. Однако в глубине души понимала, что движет ею прежде всего тревога. Что теперь будет делать этот несчастный Питер Пэн, изгнанный из своего Неверленда? Как он, слабый, порывистый, ранимый, перенесет свалившиеся на него несчастья?

В один из вечеров Виктория не выдержала. Тяга взглянуть на Альтана стала нестерпимой. Обращаться к одному из водителей Мустафы на этот раз она не стала. Если раньше ее действия можно было объяснить подготовкой к решающему удару, то теперь пришлось бы признаться Мустафе, а главное, самой себе, что управляют ею куда более личные мотивы. А обсуждать это Виктория не хотела, не была готова. Садиться за руль самой, облаченной в черные тряпки, было бы неудобно. И Виктория решила рискнуть, оделась в неброский костюм – джинсы и футболку, спрятала волосы под бейсболкой. Конечно, узнать ее так было можно. И все-таки она понадеялась, что в сумерках и за толстыми стеклами машины останется незамеченной.

Собравшись, Виктория прошла по притихшему дому. Ася и Мустафа ворковали в гостиной. Проскользнув мимо них, Виктория успела заметить, как Мустафа, взяв в обе ладони тоненькую хрупкую ручку Аси, трепетно поднес ее к губам. Что ж, ее верные друзья, кажется, были очень заняты. А значит, можно было рассчитывать, что на ее небольшой вояж никто не обратит внимания.

Виктория не садилась за руль с того момента, как в последний раз уехала из России, а здесь, в Турции, предпочитала пользоваться такси. Однако оказалось, что навыки вождения она не растеряла. Автомобиль легко слушался ее, повинуюсь умелому управлению, скользил по шоссе, все ближе и ближе подъезжая к Стамбулу. Конечно, шансы на то, что она увидит Альтана, были невелики. Теперь-то он не отправлялся каждый вечер на репетицию. И все же Викторию как будто подстегивало внутреннее чутье, обещая, что она прокатится не напрасно.

Так оно и оказалось. Она успела провести в переулке у дома Альтана всего двадцать минут, как он появился из подъезда. Потухший, сгорбленный, мрачный, махнул рукой, подзывая такси. Куда он направлялся?

Виктория вспомнила, как водитель Мустафы предупреждал ее, что, если они последуют за Альтаном на машине, тот может их заметить. И все же снова решила рискнуть. Ярко-желтый автомобиль вырулил на проспект, и она повернула за ним, стараясь держать на расстоянии, но не терять такси из виду.

Желтая машина выехала из центра и понеслась на восток. Замелькали за окнами респектабельные районы, затем потянулись дома попроще. Европейская часть города закончилась, началась азиатская. А затем они оказались в районе Гебзе, среди нищих лачуг и полузаброшенных промышленных строений.

Здесь следовать за такси было сложнее. Машин становилось все меньше, немного было желающих в такой час колесить по этим полузаброшенным выселкам. Виктория вынуждена была увеличить расстояние и дважды едва не потеряла из виду Альтана. Пришлось метаться по темным проулкам и вглядываться в ночь, пока где-то вдалеке не мелькнет вывернувшее из-за угла желтое такси.

Наконец Виктория увидела, что такси остановилось возле какого-то темного строения. Она ударила по тормозам, затаилась, напряженно следя за происходящим. Желтая дверца открылась, замаячило в темноте пятно белой рубашки – Альтан расплачивался с водителем. Затем машина взревела, резко развернулась и понеслась назад. Альтан же остался один на дороге, стоял без движений, глядя, как уезжает такси.

«Зачем он сюда приехал?» – внезапно испугалась Виктория. Ночью, в пустынный квартал, где найти можно только крыс и бомжей? Отпустил такси, остался один... Он что, не собирается отсюда выбираться? А что, если... Если Альтан, раздавленный случившимся, приехал сюда, чтобы свести счеты с жизнью?

В груди больно толкнулось, и Виктория поняла, что не может этого допустить. Она выскочила из машины, хотела уже ринуться к нему. Но ровно в ту минуту, когда вдалеке затих рокот мотора отъезжающего такси, Альтан воровато огляделся по сторонам, развернулся и быстро куда-то зашагал. Видимо, если он и затевал

самоубийство, то точно не прямо сейчас. Двигался он как человек, идущий к определенной цели. И Виктория, решив пока не выдавать своего присутствия, последовала за ним.

Темнота здесь была, конечно, не такая густая, как в горах. Редкие фонари, не ставшие жертвами вандалов, горели, выхватывая бледным пятном света то кусок потрескавшегося асфальта, то кирпичный угол здания. И все-таки пробираться через этот темный квартал было не так легко. Один раз Виктория случайно задела ногой валявшуюся на земле бутылку. Та покатилась и со звоном ударилась стеклянным боком об угол трубы. Звон гулко разнесся в тишине. Альтан вздрогнул, обернулся. Виктория едва успела отскочить за каменный выступ и прижаться спиной к стене. Альтан выхватил из кармана айфон, включил фонарик. Белый луч разрезал темноту, прополз всего в паре сантиметров от носков ботинок Виктории. Сердце подскочило в груди, выпрыгнуло в горло и заколотилось там.

Но Альтан, видимо, ничего не заметил. Постоял немного в темноте, пару раз окликнул:

– Кто здесь?

Затем, не дождавшись ответа, выключил фонарик, спрятал телефон в карман и двинулся дальше. А Виктория, отдышавшись, бесплотной тенью понеслась за ним. Альтан перебрался через груды поваленных блоков, обошел проржавевший остов брошенного автомобиля. Виктория двигалась короткими перебежками, пригнувшись, перебиралась от одного прикрытия к другому. Выглядывала из-за угла, затаив дыхание, пересекала освещенные редкими фонарями участки.

Наконец Альтан остановился возле одноэтажного здания, тарасившегося во тьму провалами окон, лишенных стекол. Должно быть, раньше тут находился склад или цех. По крайней мере, вид у дома точно был нежилой, а последние годы тут и вообще, видимо, никто не появлялся. Крыша с одного боку обвалилась, на кирпичной стене виднелось полуоблупившееся граффити. Зачем Альтан приехал сюда? Что он искал?

Притаившись за ржавым чудовищем, некогда бывшим аккуратным «фордиком», Виктория видела, как Альтан, снова коротко обернувшись через плечо, приоткрыл висевшую на одной петле дверь и скользнул в здание.

Не раздумывая ни минуты, девушка последовала за ним. Ей просто необходимо было узнать, что здесь происходит. Остановить Альтана, если он задумал самоубийство. И разобраться, в чем дело, если он затеял что-то еще.

Внутри оказалось еще темнее. К тому же удушающе воняло нечистотами, крысами и гнилью. Впрочем, после канализационного коллектора Виктории уже ничего не было страшно. Осторожно ступая, чтобы снова не толкнуть какую-нибудь бутылку, она пробиралась по запутанным коридорам заброшенного здания, пока не услышала где-то впереди голоса. Двигаясь на звук, Виктория оказалась у дверного проема, ведущего в просторное помещение. Потолок в нем поддерживался мощными квадратными в сечении колоннами. В глубине валялись поваленные стеллажи. По углам клубился совсем уж непроглядный сумрак.

В этом пустынном зале разговаривали двое. Один из которых определенно был Альтан. А вот второй...

– Прекрати на меня давить, – сквозь зубы цедил Альтан. – Я же объяснил тебе, мной теперь интересуется полиция. Ты хочешь, чтобы на меня, кроме этого скандала со спектаклем, повесили еще и наркоту?

– А ты хочешь, чтобы я загнулся с голоду? – глухо возразил второй мужчина. – Чем, по-твоему, я должен жить, если последую твоему совету и пока прикрою бизнес? Ну же, вспомни, сколько раз я тебя вытаскивал, и постарайся, ради меня. Нужно просто быть осторожнее.

Вдоль позвоночника Виктории бежали мурашки. Ей казалось... Нет, этого, конечно, не могло быть... Но этот голос...

– Сколько раз ты меня вытаскивал? – возмутился Альтан. – О чем это ты? Я только раз по молодости и глупости вляпался. А ты этим воспользовался. Шантажировал меня, принуждал подгонять тебе клиентов...

– Ну, опять завел старую песню... – раздраженно протянул второй.

Он завопил в углу, загремел чем-то, продолжая говорить:

– «Я ни в чем не виноват. Я к наркотикам не прикасался. Она все сама...» – передразнил он противным высоким голосом. – Тебе как, нимб не жмет, братик?

В ту же секунду что-то щелкнуло – мужчина зажег стоявший в углу большой электрический фонарь. Вспыхнул свет – слабый, тусклый, едва осветивший помещение. Но и этого было достаточно, чтобы Виктория судорожно закусила костяшки пальцев, проглатывая рвавшийся наружу вскрик. Потому что собеседником Альтана был... ее покойный муж Джан, за убийство которого ее бросили в тюрьму.

Сейчас, правда, он нисколько не походил на мертвеца. Разве что слегка похудел со времени своей «смерти» и цвет лица приобрел землистый. В призраков и пришельцев с того света Виктория не верила, а значит, объяснение всему происходящему было только одно – Джан не умер. И Альтан, судя по всему, давно был в курсе этого факта. Так, значит, когда ее судили, когда держали в заточении, этот подонок прекрасно знал, что она ни в чем не виновата?

Альтан порывисто обернулся на реплику, стиснул кулаки.

– Ты же знаешь, что это правда! Ты сам был на той тусовке. И видел, что я ничего не употреблял.

– Знаю-знаю. А еще я знаю, что, когда девчонка, с которой ты в тот вечер зависал, передознулась, ты испугался и сбежал. Как трус.

– Я вызвал «Скорую»! Что еще я, по-твоему, мог сделать? – выкрикнул Альтан. Потом, овладев собой, проговорил сдержанно: – Я не собираюсь с тобой ругаться. Говори, что тебе нужно, и я уйду.

– Да знаешь ты прекрасно, что мне нужно, – фыркнул Джан. – То же, что и всегда. Клиенты. У меня еще осталась нераспроданная партия товара. Мне надо сбыть ее с рук побыстрее и валить отсюда.

– Я же сказал, у меня неприятности. За мной следит полиция. Все эти уроды, называвшие себя моими друзьями, после скандала отвернулись. У меня нет сейчас для тебя покупателей.

– А нужно, чтобы были. – Джан принялся угрожающе наступать на брата. – Иначе в сети может всплыть весьма интересное видео. Ты ведь скрыл тогда, что был на вечеринке. И полиция про тебя не дозналась. А на моем ролике тебя очень хорошо видно.

Альтан же вдруг рассмеялся:

– Да и черт с ним! Мне надоело тебя бояться. Пусть все узнают, что пятнадцать лет назад я случайно замутил на тусовке с девчонкой, которая кололась героином. А когда понял, что ей стало плохо, растерялся и убежал, вызвав «Скорую». Все эти годы я боялся, что скандал повредит моей карьере. Но сейчас я и так на самом дне, мне

уже нечего терять. Можешь выложить видео куда угодно, мне все равно.

Лицо Джана потемнело, и Викторией ясно вспомнилось, на что он способен в приступе ярости. Изнутри поднялся мерзкий парализующий страх – будто бы сам ее организм еще помнил пальцы Джана, сжимающиеся на ее горле, и инстинктивно реагировал на уже пережитую однажды опасность.

Но Джан, оценив ситуацию, очевидно, понял, что выгоднее будет действовать по-другому. Он вдруг заговорил вкрадчиво, мягко, просительным тоном:

– Братик, я на самом краю. Мне кажется, люди босса на меня уже вышли, я прямо чувствую, как они дышат мне в затылок. Пожалуйста, помоги мне в последний раз. Нет клиентов, так достань деньги. Я не могу больше сидеть в подполье, мне нужно валить отсюда, иначе вскоре у тебя уже не будет старшего брата.

Он взял Альтана за руку, трогательно заглянул ему в глаза. И Виктория по одной спине Альтана, по тому, как чуть опустились его плечи, поняла, что он начал смягчаться. Должно быть, несмотря ни на что, брат ему в самом деле был дорог.

– Это страшные люди, ты же знаешь. Они меня прикончат, – продолжал канючить Джан.

Альтан успокаивающе похлопал его по плечу, стиснул руками лоб.

– Зачем ты только связался с ними? – покачал головой он.

И Джан тут же перешел в наступление:

– А зачем ты связался с этой чокнутой русской сукой? Ты, кстати, слышал в новостях, она сбежала из колонии? Не боишься, что она явится мстить тебе за все? – Он неприятно захихикал.

– Даже не начинай об этом...

Альтан резко оттолкнул его. Джан по инерции пролетел несколько шагов и стукнулся плечом о колонну.

– Если бы я только знал, что ты все это подстроил... Если бы во время суда знал, что ты жив...

– Ну и что бы ты сделал? – осклабился Джан. – Заложил родного брата? Ради какой-то русской дешевки? Брось, Альтан, ты опять строишь из себя святошу. Ты с самого начала обо всем догадывался, ты знал, зачем она мне нужна. Но предупреждать ее не стал. И, конечно, моя трагическая гибель не могла не вызвать у тебя

подозрений. Но ты предпочел промолчать. А знаешь почему? Потому что мы с тобой – одинаковые, дорогой брат. Только у меня хватает мужества это признать.

В тусклом свете видно было плохо, но Виктории показалось, что Альтан побледнел. Он бросился к Джану, схватил того за грудки и прижал спиной к колонне.

– Врешь! – выдохнул он ему в лицо. – Врешь, я не такой, как ты! Знай же, что это я помог ей бежать! Я подкупил повара колонии, чтобы он дал ей выбраться. Потому что не мог выносить мысли, что она – там, погибает за преступление, которого не совершала. А ты здесь продолжаешь делать свои грязные делишки. И знаешь что? Теперь я жалею о том, что так поступил. Нужно было просто пойти в полицию и сдать тебя, чертов барыга.

Альтан в последний раз с силой приложил Джана о колонну, затем разжал руки и, развернувшись, зашагал к выходу. Тот тяжелым мешком осел вниз, лихорадочно глядя в спину уходящему брату. Затем вдруг сунул руку в карман брюк и выхватил что-то, тускло блеснувшее черным металлом в смутном свете фонаря.

– Сука... – выплюнул Джан. – Жалкая тряпка! Вечный маменькин сынок. Чтоб ты сдох! – И он вскинул руку.

Виктория отреагировала мгновенно. Ее мозг еще даже не успел осознать, что происходит, но тело уже рванулось вперед из-за кирпичного выступа, туда, к Альтану, которому грозила опасность. С диким выкриком она метнулась к нему, успела, будто в замедленной съемке, увидеть его ошарашенное лицо, выпученные глаза Джана, его толстый корявый палец на спусковом крючке пистолета. Всем телом налетев на Альтана, она толкнула его в сторону, вниз, чувствуя, как сама оступается, тяжело валится сверху. А затем в ушах громыхнуло – один, два раза. Что-то чиркнуло по краю колонны, выбив цементные брызги. Грохот зловецим эхом захохотал в замкнутом пространстве. Помещение наполнилось едким запахом пороха. А плечо Виктории коротко ожгло, дернуло, и плоть вдруг стала очень горячей и тяжелой.

Все происходящее дальше она видела, как сквозь воду. Звуки доносились глухо, движения были замедленные, плавные.

– Ты привел ее с собой, урод? – заорал Джан. – Вы сговорились против меня?

Он снова вскинул пистолет. Виктория хотела выкрикнуть что-то, остановить его, но лишь бессильно хватала губами воздух. Альтан под ней задвигался, откатился в сторону и, схватив ее за руку, дернул вверх, увлекая за собой. Виктория словно со стороны услышала свой яростный вскрик – Альтан в суматохе дернул ее за пораненную руку. Успела еще подумать – странно, ведь боли она не чувствует. А тот уже потащил ее куда-то. За спиной снова прогрехотал выстрел. Замелькали перед глазами окутанные темнотой полуразрушенные коридоры, осыпавшийся кирпич под ногами, мусор и нечистоты, через которые они перемахивали на бегу. Где-то совсем близко гремели шаги Джана, его тяжелое дыхание.

– Сюда! – шепотом крикнул Альтан.

Он потянул ее – теперь осторожнее, за другую руку, ладонью пригнул ей голову, помогая пролезть в невысокий проем.

– Мы бежим не в ту сторону, – попыталась объяснить Виктория. Язык плохо слушался ее, голос звучал вяло и еле слышно. – Надо туда...

– Там не пройдем, он перекроет выход, – возразил Альтан. – Тут должна быть еще одна дверь.

Виктория чувствовала, что слабеет. Плечо немело все сильнее, наливалось тяжестью, убеждая прекратить бешеную гонку, свернуться калачиком на полу и отдохнуть немного. Тело начинал колотить озноб, холодели губы и кончики пальцев. Белая футболка почернела, пропитавшись кровью. Виктории подумалось – хорошо, что Альтан не видит ее в темноте. Он бы, наверное, испугался. Это было так странно – почему-то от его близости, от звука голоса, от родного запаха было сейчас так хорошо на душе, будто им и не угрожала смертельная опасность. Будто она и не потратила последние несколько месяцев своей жизни на ненависть к этому мужчине и планы мести ему.

Альтан снова свернул за угол, побежал вперед и вдруг со всей силы налетел в темноте на какую-то металлическую конструкцию. Та с грохотом обрушилась, и на звук тут же, отдуваясь, примчался Джан. Он возник в проеме, держа в одной руке фонарь, другой же сжимая нацеленный на Альтана и Викторию пистолет.

Альтан попятился. Виктория же, почувствовав, что ноги уже не держат ее, наконец опустилась на пол, привалившись спиной к стене. «Как нелепо», – мелькнуло в голове. Сбежать из тюрьмы, проползти

через канализацию, совершить захватывающий вояж в мусорном баке, победить шторм, проделать долгий путь до окрестностей Стамбула. И все это только для того, чтобы погибнуть здесь, на заброшенном складе. И все же... Ей вдруг вспомнились подслушанные слова Альтана: «Я помог ей... Подкупил повара...» Так, значит, вот почему последний рыцарь поспособствовал им с побегом. Они с Асей просто поторопились. Еще несколько дней – и он сам предложил бы помочь им скрыться.

Виктория внезапно осознала, что не жалеет ни о чем. Пускай взбесившийся Джан сейчас выпустит обойму ей в голову. Узнать, что Альтан, несмотря ни на что, не забыл о ней, пытался ей помочь, того стоило. Она ведь всегда подспудно чувствовала, что, каким бы он ни был – слабым, мнительным, зависимым от славы и обожания, истеричным и самовлюбленным, в глубине души он не плохой человек. Сердце у него чистое и благородное, а все это – его выходки, оскорбления, жестокость – всего лишь наносное, пена на воде.

– Какая трогательная картина, – принялся ерничать Джан. – Моя нежная супруга, мой младший братик. Вся семейка в сборе. Прекрасная возможность покончить с вами обоими.

– Не трогай ее, – прохрипел Альтан, выступая вперед. – Она тут ни при чем. Ты и без того уже по ней потоптался.

– Да что ты? – осклабился Джан. – Неужели у нас тут нашлась еще одна святоша? А разве не она назло тебе выскочила замуж за человека, которого терпеть не могла? Так что, Альтан, мы все тут одним миром мазаны.

Виктория, из последних сил дотянувшись рукой, дернула Альтана за штанину.

– Не спорь с ним, – едва слышно прошептала она. – Ты только сильнее его бесишь.

– Пусть так, – кивнул брату Альтан. – Но я прошу тебя отпустить ее.

– Да ну? Чтобы она пошла в полицию и поведала, что ее драгоценный супруг жив? Нет уж, на этот раз все будет четко.

Джан прицелился. Альтан, сдавленно вскрикнув, резко опустился на пол и обхватил Викторию руками. Она же, ослабевшая от потери крови, смогла только уткнуться лицом ему в шею, в последний раз вдохнуть родной медовый аромат его кожи. Шок постепенно

рассеивался, и боль в раненом плече разливалась по телу, пульсировала, мешала дышать. Сознание мутилось, перед глазами темнело, и Виктория подумала, что умереть вот так будет совсем не страшно. Только... Только бы он жил. Жил, дышал, улыбался своей нахальной улыбкой, щурил глаза на солнечный свет... Из последних сил она оттолкнулась ногой от цементного пола и навалилась на Альтана, пытаясь закрыть его собой.

Щелкнул курок. Она зажмурилась, крепче прижавшись к Альтану. И вдруг...

– Опустит пистолет, Веселый, – произнес мягкий вкрадчивый голос.

В первую секунду Виктория подумала, что у нее начались галлюцинации. Наверное, от потери крови или от шока. А может быть, Джан все же успел выстрелить в них и все происходящее мерещится ей на пути в чистилище. Чуть отодвинувшись от Альтана, она с трудом приоткрыла глаза.

Захламленный закуток, в котором Джан держал их на мушке, был теперь освещен с нескольких сторон яркими фонарями. Сам Джан так и стоял напротив них, растерянно опустив руки, в одной из которых зажат был темный пистолет. К виску его было приставлено вороненое дуло.

Человек, приставивший оружие к голове Джана, был облачен в черное. Еще трое одетых подобным образом мужчин целились в него из разных углов помещения. Еще четверо таких же бойцов держали фонари, освещая происходящее. Но вот голос, вырвавший Викторию из забытья... Голос принадлежал Мустафе, прямо сейчас медленно входившему через полуобвалившийся дверной проем. В светлом костюме и небрежно повязанном шейном платке вид он имел до крайности вальяжный. Должно быть, старому бандиту так понравился разыгранный в театре маскарад, что он решил сделать этот богемный наряд своей униформой. Виктория не могла не признать, что так вид у него получался даже более пугающий. Этаким эстетствующий беспощадный убийца.

– Я ведь предупреждал тебя, Веселый, что надуть меня не получится и долг отдавать придется, – неторопливо произнес Мустафа. Джан, завидев его, позеленел и затрясся.

«Веселый... – слабея, думала Виктория. – Тот самый тип, который задолжал Мустафе денег... Так вот кого он все это время пытался выловить... Джана...»

– Пистолет на пол, – скомандовал головорез, прижимающий дуло к его виску.

Джан подчинился, и оружие с грохотом упало к ногам Виктории.

– Говорил, что из-под земли тебя достану, вот и достал, – ласково улыбнулся Мустафа. – В данном случае практически из могилы.

Он сделал короткий точный жест рукой. И люди в черном схватили заверещавшего Джана и потащили его к выходу из помещения. Это было последнее, что Виктория увидела. Перед глазами ее замелькали серые мухи, а затем свет померк, сменившись прохладной чернотой. Она успела еще расслышать сквозь шум в ушах, как Альтан в панике вскрикнул:

– Быстрее! «Скорую»!

Потом его руки подхватили ее, подняли в воздух.

– Я люблю тебя, – хрипло выдохнула Виктория.

И все исчезло.

Эпилог

– Как ты себя чувствуешь, подруга? – спросила Ася, подходя к больничной койке.

Виктория хотела пожать плечами, но, вовремя вспомнив о ране, теперь обработанной и перетянутой бинтами, просто дернула бровями.

– Говорят, жить буду. Это проклятое плечо явно со мной в контрактах. То ударится в неподходящий момент, то словит пулю. По моему, его переманили на свою сторону мои враги.

– Предательское плечо, – рассмеялась Ася и погрозила пальцем повязке. – Ай-ай-ай, как не стыдно.

Палата, в которой лежала Виктория, несколько не напоминала тюремный лазарет, в который она когда-то приходила навестить Асю. Расположенная в лучшей клинике Стамбула, она была оборудована по последнему слову техники. А обставлена так, чтобы не угнетать поправляющихся больничной атмосферой. Дорогая светлая мебель, легкие занавески на окнах, цветы – все тут походило скорее на номер в шикарном отеле, чем на госпиталь. И все же Виктория не могла про себя не отметить, как забавно закольцевалась их история.

После случившегося на заброшенном складе, после разговоров с Асей и Мустафой, навещавших ее каждый день, она наконец получила все недостающие детали и смогла выстроить в голове произошедшее. Таинственный бизнес, которым занимался ее супруг Джан, оказался нечем иным, как торговлей наркотиками. Вот почему она тогда нашла в квартире пакеты с порошком. Правда, дела у него шли не слишком успешно, то ли из-за излишней жадности, то ли по глупости. Джан залезал в долги, терял покупателей, ссорился с поставщиками. И заставлял своего младшего брата, Альтана, искать ему клиентов среди своих богемных знакомых, угрожая обнародовать видео, доказывающее, что тот был рядом с девушкой, получившей передозировку героином, и сбежал, не оказав ей помощь. Виктория, разумеется, понимала, что без медицинского образования, без навыков работы с наркоманами Альтан был не в силах ее спасти. Он вызвал «Скорую», а большего сделать и не мог. Но, очевидно, боялся, что, если эта история всплывет, с его карьерой будет покончено.

К тому моменту, как Виктория познакомилась с Джаном, дела у того уже шли из рук вон плохо. И без того вечно в долгах, на этот раз он задолжал человеку, которого никому не стоило иметь в числе кредиторов, – Мустафе. Сроки поджимали, люди Мустафы напоминали Джану о деньгах. Вот тогда он и придумал гениальный план – разыграть собственную смерть. Но для начала затеять свадьбу, чтобы его семейная драма обросла подробностями в прессе и выглядела более правдоподобно.

– Вы простите меня, дорогая госпожа Стрельников, что я, так сказать, использовал вас втемную? – повинился перед Викторией Мустафа, навещая несколько дней назад ее в больнице. – Но я догадывался, что ваш супруг жив, и не мог быть полностью уверен, что ваше появление у меня – не часть разработанного совместно с ним плана. К тому же я надеялся, что рано или поздно вы, хотите того или нет, выведете меня на Джана. Так оно и вышло.

– Эх, – пожурила его Виктория. – А говорили – вкус к жизни, приключения, романтика.

– Но ведь и это тоже правда, – тонко улыбнулся Мустафа. – Кому, как не вам, писателю, знать, что мотивы человека редко ограничиваются только чем-то одним. Мы – люди – существа многогранные.

– А у меня для тебя хорошие новости, – объявила Ася, усаживаясь на стул возле кровати. – Все обвинения с нас сняты. Ты больше не убийца, так как твой супруг обнаружился в добром здравии. А я – не мошенница. Наш унылый адвокат при помощи раздобытой нами флешки сумел доказать, что никакими махинациями я не занималась. Следствие возобновили, и теперь у него появились очень серьезные вопросы к моему бывшему мужу. Но эта история нас уже не касается. И, кстати, маленькая подробность о том, что мы бежали из места заключения, из наших дел исчезла. Спасибо Мустафе! Мы с тобой снова честные гражданки.

– А что с Джаном? – спросила Виктория.

Не то чтобы ее так уж сильно беспокоила судьба бывшего супруга. И все же представлять, что с ним сотворят головорезы Мустафы, было неприятно.

– О, не волнуйся. Твоего благоверного под белы ручки доставили прямиком в полицию, – ослепительно улыбнулась Ася. –

Конечно, Мустафа поначалу хотел разделаться с ним своими методами, но... – Она загадочно поиграла бровями. – Но я его убедила, что отныне мы встаем на путь исправления и действовать будем по закону. Таким образом и тебе будет проще очистить свое имя от обвинений. Ведь вот же он, этот мнимый покойник, целехонек. А значит, ты его точно не убивала. К тому же по дороге в участок с Джаном очень серьезно поговорили, предупредили, что если он вздумает давать хоть какие-то показания против своей бывшей жены и брата, то жизнь в тюрьме ему медом не покажется. Он все понял и решил чистосердечно признаться во всем. Кстати, полицию очень заинтересовала вся эта история – как этот незадачливый торговец наркотиками задолжал опасным людям крупную сумму и, чтобы не отдавать долг, решил разыграть собственную трагическую гибель.

– Теперь я понимаю, – кивнула Виктория. – Все наконец встало на свои места. Потому он и женился на мне так скоростижно, потому и старался, чтобы информация о нашей свадьбе, а главное, о моем недавнем романе с его братом, появилась в светской хронике. Ты подумай, какая драма: беспринципная русская, не сумевшая охоту известному турецкого актера, выскакивает замуж за его брата. А потом хладнокровно убивает супруга. Ясно, что все любители желтой прессы сразу поверят. Мне даже завидно, что я не сама придумала этот сюжет. Ведь бестселлер бы получился.

– Вот теперь я вижу, что ты идешь на поправку, – обрадовалась Ася. – Раз твой мозг уже включился в писательский режим. За чем же дело стало, подружка? Напиши обо всем, что с нами произошло. – Ася построила важное лицо и продекларировала: – «История, леденящая кровь. Основано на реальных событиях».

– Может, и напишу, – отозвалась Виктория. – Когда немного приду в себя. Только представь, какую рекламу на всем этом сделает издательство моему новому роману.

– А когда ты придешь в себя? – быстро спросила Ася.

И Виктория только тут заметила, что вид у подружки какой-то счастливо-загадочный. Глаза блестят, щеки пылают, а на губах то и дело появляется смущенная улыбка.

– А в чем дело? У тебя есть на меня какие-то планы? – уточнила она, пристально вглядываясь в лицо Аси.

– Да не то чтобы... – начала было темнеть та, но почти сразу сдалась и выпалила: – Просто мне нужно понять, на какой день назначать свадьбу. А то церемонию мы уже спланировали, платье я заказала, а с датой пока медлим – ждем тебя.

– Ничего себе!

Виктория, на время забыв о ранении, порывисто подалась вперед и тут же застонала от боли в плече. Но Ася уже сама кинулась к ней и обняла, стараясь не задеть повязку.

– А ты и правда времени не теряла, – смеясь, покачала головой Виктория. – Значит, ты все же сказала Мустафе «да»? Поздравляю, Асенька!

– Имей в виду, от роли подружки невесты тебе не отвертеться, – с напускной строгостью отозвалась та. – Так что давай, лечи свое плечо быстрее. И не отлынивай!

Они еще немного поболтали с Асей обо всем на свете. Та продемонстрировала в телефоне фотографию Мурата, совершенно счастливого, обнимающего Хэллбоя.

– Как только адвокат объявил мне, что прятаться больше не нужно, я заехала в гости к Мурату и его родителям. И, как мы и собирались, подарила ему щенка от нас с тобой. Мальчишка был просто на седьмом небе.

– Я сразу поняла, что они подружатся, – улыбнулась Виктория.

Затем Ася стала собираться домой и, уже держась за ручку двери, вдруг снова загадочно улыбнулась:

– Совсем забыла, я ведь должна была кое-что тебе сказать.

– Еще одна новость? – ахнула Виктория. – Ты бы как-то поосторожнее с выздоравливающей. Вдруг я не перенесу такого обилия информации?

– Не то чтобы новость... – протянула Ася. – Просто к тебе тут еще один посетитель. Но я решила – ничего страшного, пусть подождет, пока мы всласть наговоримся. Ему полезно.

Виктория удивленно взглянула на нее, но Ася уже выскользнула в коридор. А через пару минут дверь палаты тихонько приоткрылась, и на пороге возник Альтан.

Виктория не видела его с той самой минуты, когда потеряла сознание в заброшенном складе. И боялась расспрашивать о нем Асю и Мустафу. Все так чудовищно запуталось. Человек, которого она

считала виновником всех своих бед, которому жестоко мстила, оказывается, пытался спасти ее, помог бежать. А сама она, уверенная, что ненавидит, в минуту опасности, не медля, не сомневаясь, рванулась вперед и заслонила его от пули... А после, думая, что умирает, призналась в любви...

И вот теперь он стоял перед ней. Осунувшийся, поникший, растерявший былой лоск и уверенность в себе. Глядел в пол и не решался подойти ближе.

– Привет, – негромко позвала Виктория.

– Привет, – он коротко взглянул на нее, ожег знакомым, горевшим в глубине зрачков огнем.

И Виктория невольно обрадовалась, что, несмотря ни на что, этот огонь в нем не угас.

Альтан неловко шагнул вперед, неуверенно опустился на стул, на котором недавно сидела Ася. Куда только делась эта его обворожительная, хрупкая грация, с которой он всегда двигался?

– Послушай, – начал он, – я виноват перед тобой...

– И я виновата, – перебила Виктория. – Все, что произошло с твоим спектаклем... моих рук дело.

– Я знаю, – невесело усмехнулся Альтан.

– Знаешь? – изумилась Виктория.

Ей нелегко далось это признание. И все же теперь, после всего, что они пережили на складе, она считала себя обязанной сказать правду. А оказалось, он и так был в курсе?..

– Ну конечно, – развел руками Альтан. – Ты не поверишь, но все последние недели мне казалось... Это странно объяснить, но я чувствовал твое присутствие, ловил на себе твой взгляд. И эта странная женщина в никабе, с которой я столкнулся в коридоре театра... У нее была твоя походка, твои движения. Мне порой начинало казаться, что я схожу с ума. А потом ты внезапно появилась там, на складе, сбила меня с ног. И тут у меня прямо щелкнуло что-то, и все сложилось. Наверное, оттого, что я крепко башкой ударился, – пошутил он.

Неужели он не злился на нее? Виктория неуверенно улыбнулась в ответ на шутку...

– А я-то не понимал, откуда взялись эти инвесторы? Что за дикая идея ставить в Стамбуле «Лолиту»? А в тот момент догадался – такой

изоощренный план мог прийти в голову только тебе, русской писательнице.

– Законы жанра, – поддержала его легкомысленный тон Виктория.

Но напряжение не отпускало и, помедлив, она осторожно спросила:

– И ты... не держишь на меня зла?

– Что? – ахнул он. – Еще как держу, даже не надейся. Это же надо было такое учудить. Практически закопать мою карьеру. Еще не известно, как мне теперь выкарабкиваться. Но...

Он еще несколько секунд смотрел на Викторию грозно, а потом вдруг улыбнулся этой своей фирменной ласково-нахальной улыбкой, от которой у той немедленно заныло в груди.

– Но, с другой стороны, зато ты спасла мне жизнь. Разве одно не искупает другое?

– Я не знаю... – пробормотала Виктория. – Все так запуталось. Я считала тебя причиной всех моих бед. Я хотела поквитаться за то, как ты со мной обошелся. Но когда увидела направленное на тебя дуло...

Она невольно зажмурилась – слишком уж ярко встала перед глазами та сцена. Альтан пересел на край ее кровати и взял руку Виктории в свои ладони. Его прикосновения по-прежнему обжигали, вверх от кончиков пальцев бежало электричество.

– А разве у таких сложных личностей, как мы, все могло не запутаться? – спросил он.

И Виктория, искоса глянув на него, заметила, как лукаво он улыбается. Проклятый, любимый, безалаберный Питер Пэн. Наверное, ничто не могло научить его относиться к жизни по-взрослому. Но, может быть, в этом и была его сила? То, что позволяло ему устоять, то самое очарование, которое так точно зацепило Викторию и не давало сорваться с крючка до сих пор?

– Послушай, – посерьезнев, начал Альтан и чуть сильнее сжал ее пальцы. – У меня было время подумать. Этот чудовищный суд, а после месяцы без тебя... Я думал, что легко смогу забыть, окунуться в привычную жизнь. И представить себе не мог, что во всем будет такая безысходность... Просто, видимо, я... не могу без тебя.

Сердце гулко толкнулось в груди. Кровь прихлынула к щекам, и на миг стало трудно дышать.

– Я, конечно, не ангел, – продолжал Альтан.

– Вот уж точно! – вставила Виктория.

Она едва владела собой, с трудом выдерживала легкий шуточный тон. Слишком трудно, слишком страшно было поверить в то, что все это происходит на самом деле.

– У меня отвратительный характер, – как ни в чем не бывало продолжал Альтан. – Я тщеславен, эгоистичен, склонен надумывать проблемы. Я бываю груб и несправедлив.

– А еще ты много пьешь, куришь и не пропускаешь ни одной юбки, – добавила Виктория.

– Но ведь и ты не святая. Скажешь, нет? – усмехаясь, поддел Альтан.

Виктория в запальчивости хотела возразить, но, поразмыслив, качнула головой:

– Пожалуй, не скажу.

– Вот именно, – удовлетворенно ухмыльнулся Альтан. – Но я понял главное – жить без тебя я... не могу. Мне не нравится эта жизнь. Она пустая и одинокая. И если бы ты согласилась попробовать еще раз...

Он взглянул на нее – робко, как нашкодивший мальчишка. Виктория же, нахмурившись, ответила ему суровым холодным взглядом.

– Если ты откажешься, если чувствуешь, что не готова больше мне доверять, я пойму... – упавшим голосом продолжил Альтан.

Виктория продолжала мрачно смотреть на него исподлобья. Плечи Альтана поникли. Он выпустил ее руку, поднялся на ноги и направился к выходу. Виктория дождалась, пока он взялся за ручку двери, и четко выговорила ему вслед:

– Что, уже ищешь пути к отступлению?

– А?

Альтан обернулся и растерянно уставился на нее.

– Твоя ветреность просто поразительна, – продолжала Виктория. – Случалось мне встречать мужчин, которые успевали передумать после того, как женщина сказала «да». Но такого, который даже ответа не дождался, я, признаюсь, вижу впервые.

– Ах ты!..

Альтан бросился назад, с размаху рухнул на колени перед кроватью, осторожно потянул ее к себе. Губы у него были горячими,

сладкими и настойчивыми. А волнистые волосы так знакомо сминались под пальцами.

– Значит, ты согласна? – шепнул он, на секунду оторвавшись от Виктории.

– Ты ведь сам мне сказал еще тогда, в первую нашу встречу, – улыбнулась она. – Это судьба...

– Судьба... – смеясь повторил он и снова потянулся к ее губам. Правда, в самую последнюю секунду, еще не успев коснуться их, чуть помедлил и хрипло произнес: – И кстати... Я тоже тебя люблю.

Об авторе

Ольга Карпович, бывшая драматическая актриса, предпочла богемной актерской жизни странствия по миру. Дорога привела ее в мистический Стамбул, где произошло знакомство с популярным актером, снимающимся в турецких сериалах. Их драматическая и яркая история вызвала переполох в обществе и вошла в сюжеты нескольких книг писательницы.

Ее истории – о жизни, любви, хитросплетении восточных интриг, о потрясающе красивых мужчинах и коварных славянских соблазнительницах, о мире турецких сериалов и вездесущей русской мафии.

---

notes

1

Мерзкий осел (*тур.*).